

(((СОНАР)))

№ 5, 2022 г.

Редакция СОНАР, Хайфа, Израиль

**В редколлегии (((СОНАР))) все
редакторы – главные.**

Борис Годин

Эйтан Адам

**Анатолий
Анимица**

Алекс Манфиш

Марина Симкина

Оглавление

Сергей Аврутин	3
Закат на Санторини	3
Анатолий Качан.....	41
Золото Токура.....	41
Ирина Кант	84
Стихи	84
Стелла Подлубная	104
Калейдоскоп с оптическим прицелом, венки не- сонетов	104
Надежда Бесфамильная.....	112
Стихи	112
Ирина Лир.....	129
С намордником наперевес. Мемуары.	129
Арсен Терованесов	160
Рассказы	160
София Шегель	173
Дороги моего детства	173
Круг замкнулся.....	176
Эйтан Адам.....	178
О Бородинском сражении и сопутствующих вопросах	178
Об авторах, художниках и редакторах	210

Галерея (((СОНАР)))	214
Михаил Левин	214

В оформлении обложки использованы картины Михаила Левина.

На 1-й странице: Красное море. Картон, масло. 60х70 см.

На 3-й странице: Автопортрет. Акварель. 60х40 см.

На 4-й странице: Парк Гило в Иерусалиме. Акварель. 57х50 см.

Сергей Аврутин

Закат на Санторини

(Окончание. Начало в №4.)

Акт III

Сцена 1

Санторини, город Фира, где проходит международный конгресс литераторов-поэтов. Отель «Тихий Посейдон». Комната Ольги Павловны Тугодумовой-Рабиняну. Ольга Павловна готовится к выступлению на конгрессе, декламирует.

Любовь твою на коврик положу
И ноги вытру – знай, как я любила!
Из плена я на волю выхожу,
Тебя уж нет, тебя я позабыла.
Но дверь откроется, в нее войдет другой -
Кудряво-радостный, как юные березки,
И все, что было связано с тобой,
В душе моей не вызовет и слезки.

... Боже мой, как трудно в наше время быть **настоящей!** Чувствовать **по-настоящему**, любить **по-**

настоящему, жить! Жить – чисто, искренне, не фальшиво – жить так, как предназначено тебе свыше... И любить, любить – так, как чувствуешь, как дышишь, как душа зовет!

Хочу по-настоящему любить,
Не так как ты – я не ищу лазейки,
Хочу по-настоящему творить,
Чтоб знали все: я ненавижу фейки!

.... Что за словечки нынче в обороте... *фейки*... надо же... Ну да ладно, зато и страстно, и современно.

Дверь открывается, входит Дик Смол, лысоватый маленький человечек в очках с дорожной сумкой в руках. Ольга оторопело смотрит на неожиданного гостя.

Ольга. Вы кто? По-русски понимаете? Шпрехен зи русиш? Русиш понимаете?

Дик (говорит с акцентом). Понимаете, понимаете. Это апартамент 53?

Ольга. Да уж, апартамент, прям-таки. Ну 53, да, а что?

Дик. Меня в рецепции сюда прописали... Вот ключ дали. А Вы тут уже имеетесь. Стихи читаете, я все слушал, так красиво, так прѣкрасно, я сразу понял: Вы – русская!

Ольга. Да... Благодарю. Вы проникательны, что не типично для мужчины. Как Вы могли догадаться, что я – русская? Уж не потому ли, что читаю стихи на этом волшебном языке?

Дик. О нет, нет, что Вы! Это в силу их страсти, искрѣнности, любви к ближнему... ближнему, то ест. Страт! Это так по-русски! Русская душа! О, я отдал бы все, все, чтоб эе поиметь!

Ольга. ... Кого поиметь?

Дик. Душу! Русскую душу! Полную тайны и мистѣрии...

Ольга. Вы, любезный, простите, что, поэт?

Дик. Ах если бы! Ах если бы я мог ей овладеть, ей, русской поэзией – нѣжной и страстной... как... как русские женщины, так, да?

Ольга. Ну, всякие бывают, и нѣжные, и не очень. Женщины вообще творение непонятное, необъятное, я бы сказала. Особенно наши, русские женщины. Как я написала

однажды: «Души моей тебе уж не понять, и не объять, как ты бы не старался...» Да... А вам, грекам, уж тем паче. Хоть вы и православные, но – нет, не понять вам нашу русскую женскую душу... Великую, многострадальную, страстную, чуткую, умеющую любить, как никто – душу Русской Женщины!

Дик. Я вообщэ-то не грэк... Я австралийский. Мой дедушка из Украины после войны туда поехал. Сначала пожил в Германии, поработал – говорил мне: «очен хорошо Германия!» – да, а потом большевики страшные прышли в сорок пятом, он и в Австралию поехал. Но очен он всегда по своей Жмэринке скучал. Так и говорил: «Никакой Сидней с нашей Жмэринкой не сравнится...» Да. Так Жмэринку и не увидел болше. Так там и умер, в Австралии. А я так там и родился. И вот – по-русски умею. Я, мэжду прочим, преподаватель русской словесности. Сиднэйский университет, да. Я тут на конгрэс, мэжду прочим. Вы тоже на конгрэс, Вы жэ поэт, не так лы?

Ольга. Я не поэт. Я *поэтесса*. Вам, австралийцам, не понять всей разницы, но – поверьте – она есть, и она пронизывает всю суть моей поэзии. Насквозь.

Дик. О да, я слышал, слушал, за дверю. Это было прэкрасно! Можно эще раз? Там, где про коврик и про берозки.

Ольга. ... Ну раз уж Вас сюда *прописали*... И раз уж Вы такой не по-мужски проникательный...

Любовь твою на коврик положу
И ноги вытру – знай, как я любила!
Из плена я на волю выхожу,
Тебя уж нет, тебя я позабыла.

Дик. Боже, какая страст! И какая прэкрасная рыфма: Лубила – Позабыла. Она же *сэмиотически значыма*, не так ли?

Ольга (*не обращая внимания, воодушевляясь*).

Но дверь откроется, в нее войдет другой –
Кудряво-радостный, как юные березки,
И все, что было связано с тобой,
В душе моей не вызовет и слезки.

Дверь открывается, входит Грушкин с чемоданом в руках.

Грушкин. Oops... Sorry, this is room 53, right?

Дик. Вот она – великая мош и таинство русской поэзии! Вы сказали: «Дверь откроется и войдет кудравый, как бероза!» – и она открылась, и он вошел!

Грушкин. А, Вы по-русски... Извините, мне просто на стойке регистрации сказали комната 53, вот ключ дали... Ошиблись, наверное, извините... Кстати, просто для интереса, почему Вы меня с берозой сравниваете? Мне с дубом как-то более привычно было бы, да и более литературно, пожалуй.

Ольга. Вы, любезный, простите, что – поэт?

Грушкин. Ну, да... можно сказать... да. Во всяком случае, я приехал на конгресс поэтов.

Дик. Но это так волшебно! Заблудший поэт пришел в апартамент к поэтэсса! Это может быть толко с русскими поэтами.

Грушкин. Я думаю, это может быть только с греческими отелями, тем более что у них весь персонал из бывшего СССР.

В это время в карманах Грушкина начинается активное движение хомячков, которые явно хотят быть поближе друг к другу.

Грушкин. А, черт, проснулись... Сидеть, сидеть на месте, по карманам, кому говорю!

Ольга. У Вас там живой талисман? Это весьма романтично, *пассионарно*, я бы сказала.

Грушкин. Как?

Ольга. Пассионарно. Или слов таких не знаете? Ахматовский сынок придумал, не слышали? Весь в мамашу, все выпендривался, как она. Стишки-то у нее так себе, страсти никакой, вселенности ноль, рифмует и рифмует. Души нет. Да. Нет.

У Дика внезапно начинает свербить в носу; он начинает почесываться и чихать.

Дик. А что Вы, молодое поколение, привезлы нам на конгрэс? Не почитаете ли?

Грушкин. Сейчас? Здесь?

Ольга. Не робейте, коллега по цеху, так сказать. У

нас, поэтов и поэтесс, главное не убивать в себе спонтанность, давать душе лететь свободно по волнам рифмы.

Дик (чихая и почесываясь). Боже, какая страст! По волнам рифмы! Ну читайте же Вы, не давите душу!

Грушкин. Да я не давлю... Я вообще-то доклад делаю, анализирую современные тенденции петербургской поэзии; но да, конечно, планировал также прочитать свое стихотворение. Давно написал, еще когда про Санторини только первый раз услышал. «Закат на Санторини» называется.

Ольга. Закат на Санторини. Ну надо же. Ахматовщина какая-то.

Грушкин (обиженно). Ну почему ахматовщина? На меня, конечно же, ее творчество оказало влияние, впрочем, так же, как на любого другого русскоязычного поэта. Но не так уж, чтобы ярлыки навешивать... Я вполне самостоятельный поэт. Да. Ну вот послушайте – что здесь от Ахматовой?

*Там, где солнце садится в усталое море,
купола освещая последним лучом,
я забуду тебя, моя боль, мое горе,
моя жизнь и судьба – ни о чем, ни о чем.
Там, где волны ложатся на пепельный берег,
пенный след оставляя на влажном песке...*

Дик (яростно чешется и сморкается). Аапчхи!...простите, перэбю Вас ... эээ... как Вас зовут?

Грушкин. Евгений. Евгений Грушкин.

Дик. Да, господин Грушкин, Вы случайно не... не... как это по-русски... shedding... Are you by any chance shedding?

Грушкин. Линять. Shedding это линять по-русски. Нет... я не линяю... А что?

Дик. У меня аллэргия. Еще от бабушки пришла. Очен страшная аллэргия. Я могу отдать конец.

Ольга. Не отдавайте, ради Бога! Ваш конец тут никому не нужен. И мы еще не дослушали, что наша ахматовская, так сказать, молодежь про этот таинственный остров насочиняла.

В это время хомячки выпрыгивают из карманов и начинают как оголтелые носиться по комнате в поисках уютного для совокупления места. Грушкин пытается их поймать.

Грушкин. Флафик, Пуфик, да куда же вы, куда! Сюда. Ко мне, к ноге. Вот сволочи. Навязались на конгресс поэтов... Флафик, Пуфик! Чертова Дебора, чертова Мэри-Анн!

Дик. А!!! А!!! Аллэргия! Спасайте! Доктора, доктора. Я задыхнус!

Грушкин (Ольге). Позвоните, пожалуйста, на регистрацию, поскорее, там написано, что у них всегда дежурный врач есть. А то Ваш муж и впрямь задохнется... Флафик! Пуфик! Сюда!

Ольга. Муж? Вы изволили предположить, что этот не русский, не поэт и не художник может быть моим мужем? Мой друг, если бы Вы видели всех моих мужей – *диахронически* – если Вы, конечно, понимаете это слово, – Вы бы не посмели.

Грушкин (из-под кровати, куда убежали хомяки). Господи, да какая мне разница, муж или не муж, звоните же Вы, помрет басурман нерусский. Вас обвинят, скажут, что Вы лияли.

Ольга (гордо). Поэтессы не лияют! (*Направляется к телефону, набирает номер.*) Алло? Шпрехен зи русиш? По-русски шпрехен? Понимаете по-русски? А, Вы из Молдавии. Рада за Вас. По-молдавски не могу. По-русски слушайте. Так вот, у нас тут австралиец конец... то есть концы отдает. Аллергия, говорит... Что? Нет, не на меня аллергия. Что? Что Вы себе позволяете? Я поэтесса на конгрессе, между прочим. Это он ко мне в номер пришел, сам ко мне пришел, а не я к нему по вызову. Понимаете? В общем, нужен врач... и поскорее. Он весь красный и храпит... Нет, не ночью храпит, а сейчас! Когда будет? Через 10 минут? Хорошо. Врач по-русски понимает? Что значит тут у вас все понимают? А, украинский врач... Ну хорошо, хоть какой... Как? Так и зовут? Это что фамилия такая? Хорошо, записала... Пердыдэнко. Лариса Пердыдэнко. Ждем. (*Вешает трубку, обращается к Дик.*) Жизнь, мой австралийский друг, полна тайнства и необъяснимых совпадений. Кто

знает? Может, спасет тебя от мучительной смерти некая Лариса Пердыдэнко, чья бабка, быть может, была влюблена еще в школе в твоего деда.

Дик. Гхы...гхы...

Из-под кровати доносится довольное попискивание.

Грушкин (говорит из-под кровати). Ну что ж вы, мои хорошие, опять за свое? Мне ж вас тут не разнять никак... Давайте уж поскорее тогда, а то я местных законов не знаю. Может, тут за это со скалы сбрасывают. А потом мифы слагают о погибших из-за любви.

Дверь открывается, входит Катя Крестonosцева с чемоданом в руках.

Ольга. Вы Пердыдэнко?

Катя. Что?

Ольга. Вы Пердыдэнко? Лариса? Врач?

Дик. Гхы...гхы... суда, суда, доктор.

Катя. Нет, я не врач. И я не... у меня другая фамилия. Извините, мне просто на стойке регистрации сказали, что комната 53, и вот, ключ дали...

Из-под кровати вылезает Грушкин.

Грушкин. Они в Греции, наверное, думают, что если комната 53, то можно 53 человека поселить. Заходите, садитесь. Вы, часом, не линяете?

Катя. Что, простите?

Грушкин. Не линяете, случайно? А то у нас тут линькофобы имеются.

Дик. Гхы...гхы...

Катя. Нет, нет. Извините, я пойду, они, наверное, ошиблись просто. Это бывает.

Ольга (с подозрением). А Вы, часом, не поэтесса? Как-то уж больно складно высказываетесь, как-то очень уж грамотно.

Катя. Нет, просто я из Санкт-Петербурга. А что, это комната только для тех, кто линяет или стихи пишет? Тогда, конечно, они ошиблись, я в эти категории не попадаю. Хотя я приехала на конгресс литераторов-поэтов. Послушать. Мне интересно. Я в библиотеке работаю.

Дик. Ро... Россия... гхы гхы... вэликая... гхы гхы... култура... библыотэка... книги... гхы гхы...

Катя. А вы все поэты, да? А кто у вас под кроватью

стонет?

Грушкин. Поклонники. Это поклонники нашей поэзии. Моей и вот... простите, не знаю Ваше имя-отчество.

Ольга. Тугодумова-Рабинянец, Ольга Павловна. Слышали, наверное. Хотя я зачастую под псевдонимом печатаюсь. Манон Леско мой псевдоним. Слышали, наверное. А Вы под каким псевдонимом творите? Что-нибудь романтическое, как Ваши волшебные хомячки?

Грушкин. Вы знаете, это неплохая идея. Возьму себе псевдоним Флафик. Или Пуфик. Пока еще не решил. Я, так сказать, между псевдонимами на данный момент. Пока можете называть меня просто Евгений. Евгений Грушкин.

Катя. Вы Грушкин???

Грушкин. Почему это Вас так удивляет? Я больше похож на Пуфика? Меня тут уже и с березой сравнить успели. Почему бы и не с Пуфиком?

Катя. Да нет, нет, конечно, какой Вы Пуфик... То есть, если хотите, можно, конечно, и Пуфик; ну я не знаю как псевдонимы выбирают, я ведь не поэт...

Ольга. Не поэтесса.

Катя. Да, и не поэтесса. Я просто много Ваших стихов читала, они мне очень нравятся. Да. Можно сказать, я Ваша поклонница. В смысле стихов... Но можно и Пуфик... У меня, кстати, и сборник Ваш с собой, вот смотрите.

Ольга. А про Манон Леско, хотите сказать, не слышали?

Катя. Ну что Вы, конечно слышала, и читала... Прекрасный роман.

Ольга. Вы, правы, дорогая, вся моя жизнь, как мой псевдоним, один безумный, волшебный, страстный роман!

Катя. А Вы знаете, я перед отъездом с Вашим одноклассником познакомилась: Олесь Ягуарович Бэдэ. Он Вам даже звонил, меня представлял. Меня зовут Екатерина. Екатерина Крестоносцева. Можно Катя.

Грушкин. А, так это Вы моя поклонница. Понятно. Ну как там Олесь? Все так же порхает по миру? Или осел где-нибудь наконец?

Катя. Вы знаете, он осел в Амстердаме. Вы там бывали, наверное?

Ольга. Город порока! Я помню, помню его мрачные

каналы; я написала там оду каналам, не читали? Вот такие строчки – может, вспомните:

Порой влечет меня порок,
Когда бреду я вдоль канала.
Я преподам тебе урок,
Я расскажу, как я страдала,
Как от любви твоей устала
И как любви той вышел срок.

Дик. Ооо... Страст! Какая страст! Гхы... гхы... ааа...
ооо...

Дверь открывается, входит врач Лариса Пердыдэнко.

Врач. Тут ликаря викликали?

Грушкин. Тут, тут, выкликали. Вот видите, задыхается человек. Говорит, мы линияем.

Врач. А, москали. Російською мовою розмовляете. Значить напився. Боярышнику напився, як у вас москалів прийнято.

Ольга. Вы, голубушка, не в материале, как нынче говорят. Наш гость – иностранец!

Дик. гхы... гхы... австра... австралия... гхы...

Врач. Ага, ну значить хворий, не напився. Будемо лікувати. (*Открывает чемоданчик с лекарствами, склоняется над Диком.*)

Катя (Грушкину). Вы знаете, Олесь Ягуарович о Вас очень тепло отзывался. Мне даже показалось, что он по Вам скучает. Конечно, я понимаю, школьная дружба, Вы ведь со школы знакомы, да? Я только не совсем поняла, чем Олесь Ягуарович теперь занимается. Он раньше физиком был, у моего папы диссертацию писал.

Грушкин. А черт его знает, чем он занимается! Моется по миру, то украинские вертолеты в Африку продает, то клубы футбольные покупает... А то информацию секретную террористам поставляет. За деньги, конечно.

Катя. Ну, Вы как-то очень уж критически об Олесе Ягуаровиче отзываетесь. По-моему, он очень милый человек.

Грушкин. Милый, милый... Да мне-то что: пусть

хоть всю Байкало-Амурскую магистраль китайцам продает. По частям или оптом. Лишь бы ко мне не приставал. А то он очень уж любвеобильный – как Флафик и Пуфик вместе взятые.

Из-под кровати выползают усталые, но довольные Флафик и Пуфик.

Грушкин. О! Смотрите, откликаются. Ну что, развратники, по карманам?

Дик. Ааа... ааа... аллергия! Убрат! Убрат животных! Гхы... Гхы...

Врач. Да замовкните ви! А то укол не туди всаджу.

Ольга. Мужчины нежные создания. Их не надо лечить уколами, таблетками. Любовь – вот что излечит настоящего мужчину, если, конечно, любовь настоящая. И если он – мужчина – готов ее принять. Я помню, как болел мой четвертый муж. У него был аппендицит. Нет, я не вызвала врача, я читала ему стихи. Свои стихи, о своей любви к нему. Он не слушал, дурак. И потому умер – а я, я не могла его забыть все те два месяца, что была одна, все те мучительные два месяца, что тянулись, пока я не повстречала своего будущего пятого мужа. Я так его и называла: моя пятерочка...

Порыв ветра из открытой форточки приоткрывает дверь. Флафик и Пуфик мгновенно выскакивают из карманов Грушкина и выбегают в коридор.

Грушкин (бежит за ними). Куда! Назад! Назад! Флафик, Пуфик, вернитесь!

Катя. Евгений, Евгений! Вы чемодан забыли! Подождите, я сейчас с Вами, я чемодан Ваш... *(пытается поднять чемодан Грушкина и свой тоже.)*

Грушкин вбегает обратно.

Грушкин. Да что Вы делаете, он же тяжелый. Там консервы, на все время конференции. И супы в пакетиках. Отдайте. И Ваш тоже. Мне надо хомяков поймать, срочно!

Катя. Я с Вами, с Вами, мы их поймаем, не волнуйтесь!

Уходят; Грушкин тащит два чемодана.

Ольга. Да, вот так уходит и любовь. Когда моя пятерочка узнал про мой роман с моим будущим шестым, он просто ушел. Да, да. Встал и ушел. А я не бежала за ним, как вот эти молодые ахматовцы за хомяками. Я просто написала ему

вслед:

Твоя любовь была как сладкий яд,
Но знай: противоядие найдется!
У цифр, помни, бесконечный ряд
И цифра шесть мне в сердце прокрадется.

Врач. Я йому укол зробила. Спати довго буде. Якщо описати поки спить, переодягніть в чисте.

Ольга. И чем только не приходилось заниматься русским поэтам за рубежом... И все ради любви к ближнему, ради нее – великой и проклятой любви!

Дик (засыпая). Ооо... Какая страст... какая страст...

Занавес

Сцена 2

Грушкин и Катя уже много часов бродят по улицам в поисках пропавших хомячков. Грушкин тащит два чемодана.

Катя. Евгений, Вы извините, я понимаю, что у Вас неприятности, хомячки пропали и Вам, наверное, ни до чего. Но просто я хотела бы с Вами посоветоваться как с более опытным путешественником: а как в таких случаях поступают? Это же не моя вина, что комната занята оказалась, а других свободных в этом отеле нет. Вот Вы, Вы где остановитесь?

Грушкин (раздраженно). Я еще не принял окончательного решения по этому вопросу. Я озабочен хомяками. Хомяки не мои. Чужие. Деборины. Как мне без хомяков в Мамбафакервиль возвращаться? Она меня за них самого в клетку посадит. И кормить не будет.

Катя. А Дебора – это Ваша... ну, Ваша подруга в Америке, да? Если так и если Вы дороги ей больше, чем хомяки, она должна простить. Понять и простить. Я бы поняла. И простила.

Грушкин. Да какая подруга! И вообще, она в руинах. А хомяки мне от Мэри-Энн достались, понимаете? Так, случайно, нас всех хотели в полицию забрать.

Катя. А Мэри-Энн – это Ваша ... ну, Ваша подруга в Америке, да? Она тоже поэт? То есть поэтесса?

Грушкин. Нет, у нас другие общие интересы. Как унитаз прочистить, например. Ключ разводной ее тоже интересует. Меня, впрочем, не особенно.

Катя. Какая у вас в Америке интересная и разнообразная жизнь. Люди могут интересоваться чем хотят, свободно, не стесняясь, говорить об этом с друзьями, с любимым человеком. Не то что у нас в совке. Все забитые, зажатые. Такой вот у нас теперь режим. Сами знаете какой...

Грушкин. Правда? В Питере теперь не с кем унитаз засорившийся обсудить? Или власти запрещают?

Катя. Нет, ну унитаз можно, конечно, но...

Ее перебивает маленький, сморщенный тип, который неизвестно откуда оказывается рядом.

Тип (с одесским говором). Псс... Пссс... Кожечки, шубочки? Шубочки, кожечки?

Катя. Что, простите?

Тип. Кожечки, шубочки не желаете? Можно прямо с фабрики, тут рядом, отвезу.

Грушкин. Уважаемый, а Вы тут не наблюдали двух милых пушистых хомячков? Они тут случаем не пробегали?

Тип. Хотите кожечки, шубочки из хомячков? Сделаем, сделаем. Поедьте на фабрику, тут рядом, отвезу.

Грушкин. Нет, спасибо. Они мне живьем нужны. А то из меня самого шубочку сделают. Кожечку снимут, шубочку сделают.

Тип. Живьем, живьем, понимаю. Видел, видел, хотел даже на фабрику взять. На кожечки, знаете. У них кожечка хорошая.

Катя. Ну что Вы такое говорите! Вы разве не видите, человек волнуется? Куда они пошли? Или побежали, куда?

Тип. Да никуда. Они таки вот тут прям такое выступление устроили... Журналисты сбежались, как поцы какие, фотографировали. Телевидение. Даже мэр наш примчался. Он у нас большой любитель животных. Вот, говорит, видите: гомосексуальные явления, говорит, являются нормальным способом проявления сексуальности биологических организмов. Он у нас образованный, в Голландии учился. Там и научился этому, поц эдакий. А шо, они у вас шо – таки оба мальчика?

Грушкин. Они уже давно не мальчики, но мужи... Вы мне лучше скажите, где мне их теперь искать?

Тип. А я знаю? Это я у себя дома, в Одессе, все знаю, а тут я шо? Кожечки, шубочки.

Катя. Но куда-то же они ушли? Или их увели? Здесь что, как у нас в совке это все запрещено? Не может быть: мы же в Европе, в конце концов, хоть и на острове.

Тип. Зачем запрещено? Мэр сказал, им номер в отеле снимет. В самом хорошем. Хилтон называется. Слыхали про такой? У нас в Одессе теперь тоже Хилтон имеется, там Моня директором. А такой шмак в школе был, такой поц.

Грушкин. Их что, в Хилтон поселили?..

Тип. Ну так а я о чем?

Грушкин. Вот видите, Катя, вот и ответ на Ваш вопрос: где я планирую остановиться. Попрошусь к Флафику и Пуфику, может, пустят, хоть на полу у них посплю. А Вы как?

Катя. Боюсь, Хилтон мне не по карману, если честно. Давайте я Вам помогу Ваших питомцев найти, а потом поищу что-нибудь по интернету. Там же в Хилтоне наверняка интернет есть.

По улице проходит толпа болельщиков с флагами Зенита.

Зенит это я! Зенит это мы! Зенит это лучшие люди страны!

В небе звездочка горит – это Питерский Зенит!

Зенит это я! Зенит это мы! Зенит это лучшие люди страны!

Грушкин. Эти тоже на конгресс поэтов, что ли? Стихи декламируют; не хуже, чем у Манон Леско получается.

Катя (смеясь). Да нет, что Вы. Тут матч какой-то футбольный. Я с ними в самолете летела. На поэтов они мало похожи. Хотя, Вы знаете, я часто задаю себе вопрос: обязательно ли поэтическая – да и вообще любая другая – творческая одухотворенность должна проявляться внешне? Может ли среди этих вот болельщиков, например, быть настоящий художник? Я думаю, да. Может. Просто это все внешнее, оно... оно... не настоящее, понимаете? Творческое

начало – внутри нас, оно как лампочка светит, только свет этот не всегда виден. Он спрятан, как драгоценный камень. Ну, как полезные ископаемые – их ведь тоже сразу не видно, их найти надо. И вот общество, мы все, должны эти драгоценные камни найти, извлечь – чтобы всем польза была.

Грушкин. Вам, Катя, в Америке надо жить. Там очень хорошо могут из человека извлечь все, что им надо. Вытащить, я бы сказал.

Катя. Но разве это плохо? Разве плохо, что у вас в Америке каждому хотят помочь полностью раскрыться? Пытаются найти в каждом, чем он может быть полезен другим?

Грушкин. Да уж, пытаются... Еще как. Вот, например, я в следующем семестре буду преподавать краткий курс поэзии чернокожих областнюков.

Катя. Кого???

Грушкин. Чернокожих областнюков. Пучкина знаете? Областнюк. Чернокожий. Стихи писал – про свободу от петербургских захватчиков. Не читали?

Катя. Я думаю, Женя, Вы меня разыгрываете. Я Вам не верю. Не могу верить.

Грушкин. Ну и не надо. Ну и хорошо. Да сохранится светлый образ великой Америки в душе Вашей. А пока давайте лучше наших маленьких влюбленных найдем. А то, если не найду, мне и про Пучкина преподавать не придется.

Хор болевщиков.

Сине-белый реет флаг
Наш противник – нам смертный враг.
Поднимается над миром
Флаг Зенитовских атак!
И вновь продолжается бой!
И сердцу тревожно в груди,
Зенит наш такой молодой,
Зенит наш всегда впереди!

Занавес

Сцена 3

Квартира Крестоносцевых. Лев Моисеевич перед

компьютером, читает новости.

Крестоносцев. Интересно, интересно... Никаких сообщений о предстоящей конференции нет. Пока нет. Сразу видно, закрытый материал. Да. Все понятно. Так, а тут у нас что... Ого, шестерых родила! За 20 минут. Во дает. Интересно, интересно... Жители разрушенного землетрясением Гаити массово переселяются в Мексику. Хорошо, молодцы. Правильно делают. Так... в клубнике из Австралии нашли иголки. Зачем там иголки, интересно? Ничего не объясняют, вот халтурщики. Зачем иголки, непонятно... Эксперимент, что ли, какой-то проводили?.. Ага. Во как. Ух ты... массовый расстрел в Мамбафакервиле. Это где ж это такой? Штат Огайо. Понятно, понятно. Жену убил... подругу жены, друга подруги... Во дает. Из пулемета. Пулемет приобрел в местном магазине. В магазине пулемет? Да, во какие у них там магазины. Не чета нашим. Интересно, в каком отделе продаются? Товары для дома, наверное. Так... а в университет-то зачем пошел? Странно. Пошел в университет, всех перестрелял. Кричал что-то на непонятном языке, про хомяков. Ничего не понимаю. Америка штука сложная. Как там наш Изя уживается? И Ароша тоже... Эх, ну ладно. Поесть бы чего, что ли...

Звонок в дверь. Крестоносцев открывает. На пороге многолетняя соседка по этажу Фира Абрамовна.

Крестоносцев. А, Фирочка, заходи, заходи. Как ты? Хочешь со мной интернет почитать? Новости. Очень интересно, обо всем пишут.

Фира. Левочка, здравствуй, здравствуй, спасибо, у меня своих новостей хватает. Внуки у меня завтра из Израиля прилетают. Данечка и Сонечка. Просят, чтобы бабушка им пельмешки сделала.

Крестоносцев. Ну дают! А что, у них там в Израиле пельменей нет? Я думал, там все есть. Как в Америке. В Америке, знаешь, Фирочка, даже пулемет можно в универмаге купить. В канцелярских товарах.

Фира. С ума сойти! Да... Ну, Израилю до Америки еще далеко. Но это, Лева, все из-за арабов. Не было бы арабов, там бы тоже все в магазинах было – и пулеметы, и

автоматы, и бомбочки всякие.

Крестоносцев. А пельменей тоже из-за арабов не хватает? Все съели?

Фира. Да нет, ты понимаешь... (*говорит шепотом*)... только ты никому не скажешь, хорошо?

Крестоносцев (очень солидно). Я, Фира Абрамовна, к Вашему сведению, тайну хранить умею. Мне и не такие тайны доверяли в свое время. И допуск к тайнам у меня огого какой был! Я вот тебе по секрету скажу: я же со своими аспирантами такое новое взрывчатое вещество придумал, закачаешься! Такой эффектик! У меня, по секрету, и расчеты все дома лежат, и образцы. Вот так вот. Хочешь покажу, если не веришь.

Фира. Расчеты мне твои, Лева, не нужны. А секрет у меня вот какой: у них в Израиле в пельмени свинину класть нельзя. Не положено. А внуки мои ой как свинину обожают. Даже в Питер к бабушке специально за этим приезжают... Только ты никому! Ни слова! Короче, Левочка, мне бы пельмешек приготовить, а мука у меня кончилась. Не могу я в магазин, далеко, да и нога болит. Муки пришла попросить немного. У Катеньки же есть, наверное? Она дома, Катюша твоя?

Крестоносцев (еще более солидно). Екатерина на конгрессе. Международном, между прочим. В городе Сан... Сан...

Фира. Санкт-Петербурге?

Крестоносцев. Да нет, она Санкт-Петербург уже переросла. Конгресс международный, за границей... В Сант... Сант...

Фира. Сантьяго де Куба! Я знаю. Там сигары делают. Мой Боренька их очень любил, пока жив был.

Крестоносцев. Да, точно. Сантьяго. Там, кстати, землетрясение страшное было, и все оттуда теперь в Мексику переезжают.

Фира. И Катя? Катя тоже в Мексику?

Крестоносцев (растерянно). По-моему, нет... Она мне ничего не говорила... Сейчас я ей позвоню, спрошу. (*Набирает номер.*) Алло, Катерина? Да, да, это я, папа. Ничего не случилось! Все в порядке, перестань волноваться! Катюша, тут Фира Абрамовна зашла, спрашивает, уезжаешь

ли ты в Мексику. Что?.. Нет, ну почему же с ума сошла... Просто землетрясение... А, это на Гаити... Ну, извини, все понял. Кстати, у нас где мука лежит? Как не знаешь? Ну ладно, я сам найду. Привет конгрессу. Скажи от Льва Моисеевича, они поймут. (*Обращаясь к Фире.*) Все в порядке, Фирочка, Катя ни в какую Мексику не едет, она остается на Гаити. Тебе привет, кстати. Подожди, я тебе муку принесу.

Уходит на кухню, через некоторое время возвращается с банкой в руках, на которой от руки написано «мука».

Крестоносцев. Вот, Фирочка, вроде эта банка. Я-то сам не помню точно. Знаешь после того, как Люба моя умерла, у нас на кухню вообще мало кто заходит. Катька ничего не умеет, все стишки свои читает. А я... а я тоже уже – сама видишь – не то, что раньше. Помнишь? Мы ж с тобой со школы друг друга знаем, всю жизнь в одной парадной прожили. И с Борей твоим тоже...

Фира. Ты мне и по физике в школе помогал. Помню, конечно. А теперь вот с пельменями помогаешь... Всю жизнь в одном доме, в одном городе... Ты как думаешь, это правильно? Вот у меня все разъехались – и дети, и родственники, и друзья – все, все, все. А я осталась. И Борька мой куда уезжать не хотел. А уехали бы куда – в Израиль, или в Германию хотя бы, может, его бы и вылечили. А может, и нет. Кто их там знает. Ты как думаешь?

Крестоносцев. Я, Фирочка, этого не знаю и знать не могу. Я сам всю жизнь в Питере прожил, в одном с тобой доме. И за границей не то чтобы очень много бывал. Вот с Любой и Катюшей в Болгарию ездили, помню. Еще на конференции выступал. В Утрехте. А спроси меня – помню ли я, что там в этом Утрехте видел? Ничего не помню. Канал какой-то, собор какой-то. И все. А вот тебя, Фира, помню. И Борьку твоего помню и всегда помнить буду. И Любу тоже... И дом наш, и парадную нашу, и лестницу нашу, и сколько ступенек до нашего этажа – тоже помню. А раз помню – значит, это все мое. По-настоящему, не как собор в Утрехте. Вот так вот. А с тебя пельменьки со свиной начинкой причитаются. Делаешь – приноси.

Фира. Спасибо, тебе, Левка, спасибо. Не зря ты у нас в классе самым умным считался. (*Уходит.*)

Крестоносцев. ... С первого этажа на второй 25

ступенек. Со второго на третий 26. Странно, никогда не задумывался, почему с первого на второй 25, а со второго на третий 26? Странно... очень странно...

Занавес

Сцена 4

Катя и Грушкин в лобби отеля Хилтон.

Грушкин. Катя, Вы тут посидите, пожалуйста, чемоданы наши покараульте, хорошо? А я пойду, узнаю, куда Флафика с Пуфиком поселили. Вот, садитесь там, у телевизора. Как раз футбол показывают, может, Ваших знакомцев увидите на трибуне. Вы же их по внутреннему свету узнаете, наверное.

Катя. Женя, перестаньте надо мной смеяться, я с Вами серьезно, а Вы...

Грушкин. Ладно, ладно, извините. Больше не буду. Не хотите футбол, вот, смотрите, тут магазинчики всякие. Может, Вам что-то надо на память о Санторини? Или Вам и так воспоминаний хватит? *(Уходит.)*

Катя некоторое время тупо смотрит футбол. От дверей одного из бутиков отделяется фигура продавщицы и направляется к Кате.

Продавщица *(говорит с украинским акцентом).* Здраасьте! Бутичок наш посетить не желаете? Икс-клюдивный, между прочим. И скидочки у нас икс-клюдивные. Вот, мужу Вашему чего прикупить. Не желаете? А то пообносился, бедняха.

Катя. Спасибо, но, во-первых, это не муж; просто знакомый. Да и дорого у вас, наверное.

Продавщица. Ой, да какой там дорохо! Я ж ховорю, скидочки у нас. Видите, написано: сейл. По-анхлийски понимаете? Сейл – это скидочка на вашем, на русском.

Катя. Почему на нашем? Вы тоже, вроде бы, по-русски говорите. Или Вы здесь, в Греции, русский язык изучали?

Продавщица. Ну прям, в Хреции. Выучишь тут чего-нибудь кроме ихнего *синус косис сиксапосис*. Я ж с Херсону сама, с Украины. А сюда я репатравалась. Хречка я. Ну, то есть бабуля моя хречка была, вот я и репатравалась.

Катя. Простите, что Вы сделали?

Продавищица. Ну, репатравалась. Ну, на историческую родину, в общем. Пойдемте, пойдемте, бутичок наш покажу. Вас как звать-то?

Катя. Екатерина. Можно Катя.

Продавищица. Ой, тезка! А я *Экаторини*. Красиво, да? Ну, раньше-то, в Херсоне, я тоже Катькой была, а тут *Экаторини!* *Экаторини с Санторини!* Здорово, да? Еврооопа! Ну, пойдем, пойдем, молодому человеку твоему штанишки подберем, рубашечку; поизносился, бедняха, работает все, тебя любит, да? Он у тебя красавчик, ваще.

Катя. Я же сказала – это просто мой знакомый. Он поэт, между прочим. Довольно известный. Он тут на конгрессе выступает.

Продавищица. Ну ваще! Поэт! На конхрэсе! Ну, так ему точно хоть порточки бы новые прикупить. А то как он в таких вот рваненьких сочинять будет?.. У меня тут один покупатель был, тоже такой уумный, худеежник; так вот он все рваненький такой ходил, ходил, а потом как прышел, как купыл – все! И костюмчик, и рубашечку, и ботиночки – ну ваще все! Во как, а потом во всем этом новом так и повесился. Даже в хазете у нас было, «Санторини Таймс». И в интернете, с фотками евонными в нашем костюмчике. И нам ну такая реклама, ваще, все к нам повалили покупать; хозьяка очень довольна была.

Катя. Странная у Вас хозяйка, честно скажу...

Продавищица. Да нормальная хозяйка, наша, по-русски понимает. С Литвы сюда приехала. Они ж там тоже европийцы, как мы, хреки. А мы, европийцы, ваще куда хотим, туда едем.

Катя. А у Вас, значит, брюки мужские продаются? Мне папе надо, он тоже на конгресс поедет выступать. На другой конгресс, он физик.

Продавищица. Хосподи, да Катюша, да ну конечно ж есть! Шикарные штанишки, для папочки, ну конечно! Давай, давай, сейчас подберем. Размерчик какой у папули?

Катя. Размер... Вы знаете, я точно не помню; я сейчас позвоню, уточню...

Продавищица. Ой да брось ты, Катюха, че звонить-то? Ты мне так скажи, он какой: толстенький – коротенький

такой, или вот как поэт этот – длинный и тощий?

Катя. Ну папа невысокий; такой, как я примерно... И, да, располнел он в последнее время. Не то чтобы толстый, но... такой... понимаете?

Продавищица. Ой, да Катюшенька, да чего ж не понимать-то! Как муж мой, точно. Не крухлый, не квадратный, а так вот... Туды-сюды. Мы с ним так и познакомились, кстати. Он у меня ваще-то с Бобруйска, с Белоруси, а к нам в Херсон, значить, позахарать приехал. На пляже ко мне и подкатил. Подкатил, весь такой из себя, и говорит мне: «Тебя как зовут?» А я ему: «Я Катя. А ты?» А он мне: «Якуб!» А я ему: «А я сама вижу, что ты куб!» Ха, ха, здорово, да? Поняла? Он мне «Я-куб», а я ему: "Ты – куб!" Я его так и кликаю теперь: мой кубик.

Катя. ...Он тоже с Вами тут, на Санторини?

Продавищица. Да куда ж я его отпущу, в Бобруйск, что ли? Тут он, со мной, конечно, кубик мой. Он у меня тут гидравликом работает, во как!

Катя. Гидравлик, я знаю, очень интересная специальность. У папы в институте был отдел гидравлических исследований; один его коллега, гидравлик, даже доктор наук был, профессор. Ваш муж здесь в университете работает?

Продавищица. И в университете бывает, и в ресторанах всяких, и в отелях. Хде засорится че, туда и вызывают, там и работает. Это он в своем Бобруйске сантехником при ТСЖ служил, а тут он – Независимый Гидравлик! Во как. Еврооопа! Ну, ты посиди тут со своими чемоданчиками, а я твоему папульке порточки добрые подберу, ладненько? (*Уходит в butik.*)

В лобби появляется возбужденный Грушкин.

Грушкин. Так, я все узнал. Ситуация непростая. Хомяков содержат под охраной на двенадцатом этаже. У дверей двое полицейских. Судя по всему, у них есть информация обо мне, мои данные. Когда я поднялся на двенадцатый этаж, они уткнулись в свои смартфоны, потом на меня, потом начали куда-то звонить. Я успел уйти. Боюсь, Екатерина, что американские власти сообщили в Интерпол о похищении хомяков.

Катя. Господи, Женя, неужели Вашей Деборе... или Вашей Мэри-Энн так дороги эти хомяки, чтобы их – Вас –

разыскивать через Интерпол?.. Я, наверное, не все понимаю о правопорядке в свободном мире. Не привыкла...

Грушкин. Не знаю, не знаю... Всякое бывает, всякое бывает... Так, мне надо узнать, нет ли доступа в логово хомяков через крышу. Или через балкон соседней комнаты. Я в кино видел, так делают. Но, Катя, нам надо торопиться. Завтра мэр города забирает Флафика и Пуфика к себе в Гомопарк.

Катя. Куда, куда?

Грушкин. В Гомопарк. Он здесь, на Санторини, специальный парк создал для животных с нетрадиционной ориентацией, понимаете? И название у парка красивое, библейское, можно сказать: «Голубой Содом.» Вот такой он любитель животных. У него там, по слухам, и обезьянки имеются соответствующие, и котики, и кобельки, даже пингвины. А хомяков до сих пор не было. Вот он и возрадовался.

Внезапно у телевизора собирается кучка посетителей и работников отеля. На футбольном матче явно происходит что-то экстраординарное.

Катя. Женя, Вы не знаете, что там происходит? Вы же по-гречески понимаете?

Грушкин заглядывает через спины зрителей, слушает.

Грушкин. Мир, Катя, совсем с ума сошел. Там какой-то русский придурок пакет с мукой на футбольный матч притащил и пытался его подорвать. Хотел, говорит, грядущую победу Зенита отпраздновать. И кричал еще что-то непотребное. Матч прервали, придурка арестовали, над всем стадионом облако муки летает. Посмотрите, красиво. Просто закат на Санторини!

На экране появляется рожка Курвалайнена, которого уводит полиция. Курвалайнен вырывается и орет, чтобы его отпустили досмотреть игру и что Зенит побеждает, век воли не видать.

Катя. Ой, я же с ним рядом в самолете сидела! Станный такой, все время мне выпить предлагал и говорил, что у них в городе все свои. Что же его теперь, за терроризм на всю жизнь в тюрьму посадят? Он же простой русский алкоголик...

Грушкин. Вы, Катя, за него не беспокойтесь.

Слышите, он про волю кричит? Ну вот, дадут ему тут, скорее всего, политическое убежище, как борцу за волю, за свободу от страшного российского режима. Знаете, я не удивлюсь, если его сюда в Хилтон поселят. Рядом с Флафиком и Пуфиком. Тут, в Европе, может быть, целые этажи зарезервированы для таких случаев. Так и называется: Этаж Для Угнетенных! Ну а что? Для курящих есть, для инвалидов есть, почему бы не для угнетенных?.. Так, все, я пошел. Мне предстоит mission impossible.

Появляется продащица с брюками в руках.

Продащица. Ну он у тебя красавчик, ваще. И поанхлийски может. А я мишен импосибол смотрела, там Том Круз, ну такой красавчик, ваще... Во, Катюх, смотри, какие порточка папулечке твоему. Весь конхрэс евонный отпадет.

Катя. Да, Вы думаете? Они какие-то, вроде бы, не совсем новые... Или мне кажется? Пуговицы две разные. Или так теперь носят?

Продащица. Да Бог с тобой, Катька, ты чеее? Только так и носят. Пуховки разные у нас тут, и вот как бы чуть поноооошенные, а на самом-то деле нисколько. Новье. Самый последний писк моды. Икс-кюзивнее ваще не бывает.

Катя. Да? Ну, Вам виднее, конечно. А сколько они стоят?

Продащица. Так у нас же скидочка, я ж тебе ховорила, сейл у нас, а тебе как тезке еще подскину, подсейлю. 250 евро получится. Ваще даром, можно сказать.

Катя. Да уж... Ну у вас и цены, почти как у нас в Пассаже теперь... А подешевле ничего нет?

Продащица. Слушай, ну куда ж подешевле? Папусик твой, он что, на конхрэс свой в трениках поедет? И в футболочке, да? Пряма такой ученый-преученый. Я тебе ховорю: 250 – это ваще ничего за такие штанишки, ну ваще ничего.

Из другого конца лобби внезапно раздается дикий женский крик: Катя!!! Катька!!! Катя вздрагивает и замечает, как к ней мчится ее бывшая однокурсница Вера, шикарно одетая и разукрашенная.

Вера. Катька!!! Крестоносцева!!! Ты откуда?!! Ты что тут делаешь???

Катя. О, Господи, Верка... О, Господи! Верочка, как... как ты тут... на Санторини... в Хилтоне?.. Боже, как я рада тебе видеть, Верка!

Продавищица. Во как, видишь, и подружка нашлась. Давай, Катюш, давай, ну забирай свои бручки, я тебе за 200 отдаю; давай денюжку, я тебе заверну пойду.

Вера (обращаясь к продавищице). Так, девушка, Вы эту тряпочку с собой заберите, пол помыть пригодится. Это что же Вы такое нашим петербургским дамам предлагаете? С сантехника какого-нибудь местного сняли, что ли? Так, все, девушка, до свидания, дайте приличным дамам пообщаться... Катька!.. Боже мой, Катька!.. А ты кому, кому брюки покупаешь? Сашке, да? Сашке? Он что, с тобой, да? Вы вместе? Он же столько за тобой бегал, с первого курса! Добегался, что ли, да? Добегался? Господи, надо же, Катьку встретила, и где! Так, давай, все рассказывай, ты мне, я тебе, давай, давай!

Катя. Ой, Верочка, подожди, подожди, просто поверить не могу, что это ты! Здесь, на Санторини! Сейчас, сейчас, все расскажу. Что ты спросила? Про Сашу?.. Ну да, бегал. Бегал, бегал, а потом перестал. Поехал в Польшу на заработки, говорил, на свадьбу денег нет... Вот и заработал. Там свадьбу себе и устроил. С кем, даже не знаю, да и не хочу особо знать.

Вера. Жалко, Катька, вы такая хорошая пара были. Умнички такие, отличники оба, не то, что я. (*Весело смеется.*) А в Польшу-то зачем? Лучше места не нашел что ли? Поляки из Польши бегут, а русские на их место? Вот у нас, на плантации, наняла я поляков новое стойбище построить, так они деньги взяли, ни шиша не построили, да и смылись куда-то. Поляки, одно слово. Пришлось мне с Мгабусиком узбеков нанимать, достраивать.

Катя. Верка! Я ни-че-го не понимаю! Какая плантация, какое стойбище, какие узбеки? Ты же библиотечный факультет заканчивала; вы же вместе с Мгабе, вроде бы, в центральной библиотеке Хараре работаете. Так твоя мама, во всяком случае, моей маме говорила... Ничего не понимаю.

Подходит официант, с почтением обращается к Вере.

Официант. Добрый вечер, Вера Петровна. Вам как

обычно? Латте макьято, много молока, чуть-чуть кофе, никаких печенек, никаких шоколадок?

Вера. Правильно, правильно. И Екатерине Львовне то же самое. Катька, ты же кофе с молоком любишь, да? Мы же с тобой всегда его на Невском в «Шоколаднице» брали.

Официант. Вам тоже без печенек и шоколадок?

Катя. Ну почему... Можно и с шоколадкой. Пожалуйста. (*Официант с поклоном уходит.*) Верка, а откуда тебя официант знает?

Вера. Да мы тут с Мгабе уже месяц живем, в этом Хилтоне. Конечно, меня Павлик запомнил. Павлик, официант. Он сюда из Киева перебрался. Киевскую Академию Художеств закончил, между прочим. Чудесно рисует. Да подожди ты про Павлика. Про себя расскажи, что ты тут делаешь? Закат этот дурацкий посмотреть приехала? Так я тебе скажу: не стоит он этих денег. Белые ночи в Питере куда шикарнее, и кост эфишиенси повыше будет. Да и бизнес-модель у этих закатчиков не продумана. Себестоимость почти нулевая, зато в оверхэды все уходит. Прогорят они с этим закатом. Зря его вообще приватизировали, я так думаю. А я то уж знаю, о чем говорю, хорошо изучила. Мы сюда тоже из-за него приперлись – нам его втюхать хотели, по дешевке, так сказать. А как до конкретики дошло – оказалось, что у них этот закат в пакете идет: закат на Санторини, восход на Кюрасао, и еще фьючерсы на извержение Везувия. А с фьючерсами, Катька, очень осторожно надо: такая волатильность – мама не горюй! Так что я этим закатчикам от ворот поворот. С таким трудом добрались сюда, а они нас за лохов держат... Надо было прямо по месту назначения плыть.

Подходит официант с подносом.

Официант. Ваш латте, пожалуйста. А вот и Ваша шоколадка. Приятного аппетита.

Катя. Спасибо... Верка, я ничего не понимаю, что ты говоришь! Я ничего не понимаю, чем ты занимаешься! По какому месту назначения?.. Да расскажи ты мне о себе, о Мгабе – как вы там, в Зимбабве? Папа говорит, там неспокойно.

Вера. Ой, Катька, неспокойно. Долго рассказывать. Ну, приехали мы в Зимбабве, думали, культуру развивать будем. Чехова на местные языки переводить. Толстого. А

тут у Мгабика папочка умер, царство ему небесное. Погиб, точнее. Под слона попал. У них, оказывается, ферма слоновая была, так что наш Мгабуся только притворился беденьким иностранным студентом, а сам – ого-го какой не беденький. Ну вот, папочку похоронили, ферма Мгабусе перешла, как старшему сыну. А что с ней делать, он и не знает. Пришлось мне все в свои руки взять, слоновое дело изучать.

Катя. Тебе?? Слоновое дело???

Вера. Ну а что? Если я теорию литературы кое-как с третьего раза дала, думаешь, слоноведение не освою? Освоила. Слоны расти у нас стали, как грибы. А тут еще китайцы приехали, хотим, говорят, слоновые яйца у вас покупать, в больших количествах. У них же там миллиард население, поэтому в больших.

Катя. Подожди, подожди, разве слоны яйца откладывают?..

Вера. Вот дуреха. А еще отличница. Не *те* яйца, а *ме*. Понимаешь? В Китае, оказывается, это деликатес. Ну вот, короче говоря, пошел у нас с Мгабиком бизнес, шикарно жили, маме денюжку каждый месяц посылала, по миру ездили; в общем, все хорошо было. На слоновьих яйцах, Катька, мы поднялись конкретно. Да. Ну, а потом какому-то уроду пришло в голову у белых все отнять и черным раздать. А я, как видишь, все еще белая. Вот на нас, русским языком выражаясь, и наехали. У вас половина семьи белая, говорят, вот и отдавайте половину фермы. Страшно было, пришлось даже охрану нанимать. Наняли каких-то головорезов из Армении. Они раньше в Уганде работали, потом к нам в Зимбабве перебрались. Ну, они нас поохраняли, поохраняли, а когда мы с Мгабиком поехали отдохнуть на Сейшелы, они нас обворовали и сбежали куда-то. Вроде бы в Кению. Туда все жулики бегут. Все яйца забрали, хорошо еще слонят малых не прихватили. Такое тоже бывает.

Катя. Господи, Верка, какие ты ужасы рассказываешь. Подожди, может, вам помощь нужна? Если вам жить негде, может, вы к нам с папой переедете? Он рад будет. Он тебя помнит.

Вера (со смехом). Ну за кого же ты меня принимаешь? За троечницу из Университета Культуры? Не такая я дура, Катя, чтобы лучшие яйца так, армянам доверять. Они

у меня все в специальном сейфе, в специальном морозильнике хранились. Их никто найти не мог, и армяне не нашли. Они так, второй сорт украли. Слоновьи яйца, понимаешь, вещь тонкая, понимания требует. Не только ведь размер значение имеет, но и форма, текстура, плотность. Много параметров. Но основные это: Натура, Фактура, Слоновье Начало. Вот я тебе сейчас фотки покажу...

Пока Вера роется в телефоне, Катя пытается позвонить папе, но телефонный голос отвечает, что абонент не доступен.

Катя. Странно... папа к телефону не подходит. Не знаю, почему. Я хотела ему рассказать, что тебя встретила, что ты такая вот блистательная теперь, такая успешная! Что тебя официанты узнают и по имени-отчеству называют. Я правда, правда, так за вас с Мгабе рада!

Из бутика снова появляется продащица, уже с другими брюками в руках.

Продащица. Я очень извиняюсь, я тут про фактуру и текстуру услышала, так вот у нас такие штанишки имеются, и фактура, и текстура, и плотность классная. И на сейлике тоже, может, для папулечки посмотрите?

Вера. Катька, так это тебе для папы? Что ж ты молчишь? Так, девушка, у вас там на верхней полке в кладовке, справа, брюки есть – вчера привезли, мне Ваша хозяйка сказала. Вот их, будьте добры, заверните и Екатерине Львовне принесите, плиз. А счет мне на комнату выставьте.

Катя. Верка, ты что! Не надо, у меня есть деньги...

Вера (показывает телефон). Вот, смотри. Яйца. Видишь? Вот это вот самые дорогие, не сморщенные. А вот эти подешевле, сморщенные чуток, но зато форма поовальнее будет. Видишь разницу? Поовальнее. И плотность повыше, и коэффициент поглощаемости лучше... Так что вроде как и подешевле, а в Китай можно и подороже продать. Слоновый бизнес такое дело. Непростое. И учет нужен очень хороший, и контроль, и расторопность определенная. Вот Мгабик мой – однажды инициативу проявил: яйцемера нанял из Эстонии. Прибалты, говорит, народ аккуратный и внимательный. Так этот эстонец пока одно яйцо обмерял, все слоны разбежались.

Из бутика выходит продащица с изящным пакетом

в руках.

Продавщица. Вооот, Екатерина Львовна, это Вашему батюшке. А вот тут визииточка наша, и телефончик мой, если к нам в Хилтон еще соберетесь, позвоните, ладненько?

Катя. Верочка, спасибо тебе огромное. Я бы сама не взяла, правда, но это для папы. Он очень, очень рад будет, я знаю. Но ты же мне так и не рассказала, что вы тут, на Санторини, делаете, уже месяц целый? Неужели переговоры так много времени занимают? Кстати, а Мгабе где?

Вера. Да в комнате телек смотрит, как всегда, или интернет. Я вот весь бизнес на себе тащу, а он в экран уставится и хоть бы что – есть яйца, нет яиц, ничего не волнует. Пять лет в России прожил, совсем как русские мужики стал. Хорошо хоть не пьет... А что мы тут делаем? Я тебе расскажу, по старой дружбе, но ты никому, ладно?

Катя. Ну ты, Верка, меня заинтриговала! Солидная и полная тайны дама! Никому не скажу, говори скорее.

Вера. Мы, Катька, корабль ждем. Не простой корабль. Кон-тра-бан-дистский!

Катя. О Боже... Верочка, ты с ума сошла. Это же опасно... Вы что, эти самые... ну, товар ваш, контрабандой в Китай отправляете?..

Вера. Глупая ты. Причем здесь товар. Мгабика отправляем, понимаешь? Вместе со мной.

Катя. Куда???

Вера. Куда, куда. В Крым мы едем! Понимаешь? В Крым! Крым наш, вот мы туда и едем, плывем, точнее. Будем там слонов разводить. У нас уже все готово, только добраться туда надо, а у Мгабе визы нет. То есть русская-то есть, я же как-никак не просто белая, я еще и русская жена, понимаешь, а вот европейскую ему ну никак не дают. Зимбабвийцам вообще в Европу трудно визу получить.

Катя. Подожди... а как же вы здесь? Это же Европа...

Вера. Ну вот, в том-то и дело. Сюда нас болгарские морячки привезли, недорого взяли, трюм шикарный предоставили, все как положено для солидных нелегалов. А вот выбраться отсюда сложнее – надо теперь другой корабль ждать. Румынский. Целый месяц ждали, пока нам трюм

приличный оборудуют – с ванной, душем, баньку русскую Мгабе любит. Сказал, что без баньки в трюме не поплывет. Вот так вот. Целый месяц ждали, а завтра все, уплываем... А тут я как раз тебя встретила, ну бывает же, да, Катька, бывает же?

Катя. Вера, Верусик, я очень, очень рада за вас, но я все равно не понимаю... Почему Крым? Ты же из Саратова, у тебя же мама там?

Вера. Была там, а теперь в Крыму. Ты, правда, ничего не понимаешь. Для нормального развития яйца слону нужен определенный климат. Уж точно не саратовский. А в Крыму он идеально подходит. Мгабе вообще сначала думал, что вся эта заварушка с Крымом была для того, чтобы Россия могла выйти на мировой рынок слоновьих яиц. Он конспирологией очень увлекается, слишком даже. Ну вот, а на ферме у нас украинская уборщица была, Надя. А у Нади был домик с садом в Крыму, около Гурзуфа, знаешь? В общем, когда там это все в Крыму началось, Надя наша так этого бардака испугалась, что домик и садик нам с Мгабе по дешевке и продала. Мама моя туда уже переехала, а из садика мы с Мгабиком слоновник сделаем. Все продумано, все готово, я, кстати, сама слоновник планировала, хочешь рисуночки покажу?

В лобби вбегает запыхавшийся, возбужденный Грушкин.

Грушкин. Здравствуйте! Извините, что перебиваю Вас. Катя, мне нужна Ваша помощь. Там лестница пожарная...

Катя. Верка, это Женя. Евгений. Он поэт. Будет выступать на конгрессе поэтов. Международный конгресс, между прочим, завтра выступление. Женя, а это Вера, мы вместе заканчивали Санкт-Петербургский Государственный Университет Культуры. А теперь наша Вера...

Вера, которая все это время с подозрением смотрела на Грушкина, резко прерывает подругу.

Вера. Катя, можно тебя на два слова? (*Отводит в сторону.*) Катька, это кто? Ты его давно знаешь? Этого длинного?

Катя. Я?.. Лично нет... Стихи знаю давно. А познакомились сегодня... Нас в одну комнату хотели поселить. А

что, Верочка, в чем дело? Ты как-то странно на него реагируешь...

Вера. Странно? Я? А ты что, телевизор не смотришь? Интернет не читаешь? Его же Интерпол разыскивает по всему миру!

Катя. О Господи! Из-за хомяков этих дурацких? Странные там, в Америке, женщины, честное слово...

Вера. Каких хомяков! Его как русского агента ищут! Подозревают, что он террорист – международник. А ты – поэт, конгресс. Дуреха.

Катя. Женья??? Евгений Грушкин – террорист??? Российский агент??? О Господи... Верка, извини, но я не могу поверить. Я его лично мало знаю, но стихи читала. А по стихам человека – поэта – видно. Иногда лучше, чем при личном знакомстве. Не может быть, не может...

Вера. Так, понятно. Втюхалась. Надо что-то делать, что-то надо делать... Что-то пред-при-ни-мать... Так, бери своего поэта – террориста за шкирку и к нам в комнату, быстро. Пятый этаж, комната 520. Лифтом не пользоваться! Там камеры. Я вам открою. (*Уходит к лифту.*)

Грушкин. Катя, Вы освободились? Мне Ваша помощь нужна. Там пожарная лестница есть, прямо около наших хомячков проходит, но мне надо, чтобы Вы посмотрели, никто ли за мной не следит. Если кто-нибудь спросит, скажите, что я пожарник, тренируюсь.

Катя. ... А Вы... а Вы по лестнице можете на двенадцатый этаж залезть? И в окно?.. Вас... Вас этому где-то учили, скажите честно?

Грушкин (раздраженно). Да, учили, в Литературном Институте. Там у нас все по лестнице в окна лазили, хомяков спасали. Что Вы такое спрашиваете? Жизнь заставит – и не туда полезешь.

Катя. Женья, извините, но нам надо срочно к моей подруге в комнату. Срочно. На пятый этаж. Без лифта.

Грушкин. Куда? Зачем? Мне на двенадцатый этаж надо!

Катя. Пожалуйста, Женья, не спрашивайте; хотите я чемодан понесу, только пойдете скорее.

Из бутика появляется продавщица.

Продавщица. Ой, Екатерина Львовна, а тут Вашего

молодого человека по американскому телеку показывают. Там по-английски, я как-то не очень понимаю. Точно, наверно, поэт ну очень известный! Может ему штанишки прикупить, а? А то как же – по телеку показывают, а штанишки рваненькие...

Катя хватает оба чемодана, пытается утащить их к лестнице.

Грушкин. Да погодите же Вы, погодите. Я сам. Дурдом какой-то, честное слово... (*уходят.*)

Занавес

Сцена 5

Комната Веры и Мгабе. Мгабе – большой, вальяжный негр с золотыми кольцами на пальцах – сидит у телевизора. Входят Катя и Грушкин с двумя чемоданами.

Мгабе. Катька! Катька! Во сдолово! Велка сказала ты сдесь, а я и не повелил! Дай, дай поселую, у-у-у, класа-вица.

Катя. Мгабчик, милый! Какой ты шикарный стал, надо же. А такой был бедненький, голодный всегда, помнишь? Тебя мама моя еще пельменями кормила, когда вы с Веркой к нам приходили, помнишь? Ты же так русские пельмени любил, как ты без них в Зимбабве?

Мгабе (*хохочет*). Любил, любил. Не только пельмени, не только (*пытается обнять и поцеловать Катю; Вера останавливает мужа.*)

Вера. Так, хватит. Посмотри лучше, с кем наша Екатерина Львовна нынче общается.

Грушкин. С кем? Вас что-то во мне смущает?

Мгабе. Нисего не смущает. Осень рад снакомству. Я тозе плотив амеликанского импелиализма и глобалисации. Мезду плоцим, моего пла-пладедуску в Амелику в лабство плодали; я этого пенсосам не плюсю.

Вера. Пиндосам, Мгабе, пин-до-сам.

Мгабе. Да, пинсосам. Не-пло-сю! Так сто я с Вами. Тут вообще все свои.

Грушкин (*совсем потерял*). Какие пинсосы? Какие свои?... Я в университете, Мамбафакервильском, преподаю... У меня, вот, курс новый будет; по чернокожим, кстати...

Пушкин вот, например... Вы это имеете в виду, что все свои?.. Ничего не понимаю. Можно я присяду?

Мгабе. Плавильно, плавильно, надо Пуськина ису-
тять. Пуськин цернокозий был и поэт тозе холосий. Я цитал.

Вера. Мгабусик, они телевизор не смотрят, интернет
не читают, ничего не знают. Дикие. Включи им что-нибудь.

*Мгабе переключает канал, на экране фотография
Грушкина; идет репортаж по-английски. Показывают
Мамбафакервильский университет, изрешеченный пулями
кабинет Грушкина.*

Диктор. ... and here is the venue of the most recent
bloodshed. As you can see, the suspect was quite ruthless – win-
dows, tables, computers and, of course, people – all became vic-
tims of this senseless violence...

Грушкин. О Боже...

Катя. Верка, я ничего не понимаю, извини, я не по-
нимаю по-английски. Что это, где? Причем тут Женя? Это
же не он стрелял? Женя, честно, это же не Вы стреляли, ска-
жите!!!

Грушкин. О Боже...

Вера. Мгабе, выключи. Я тебе сейчас все с интернета
переведу. Вот, слушай. Какой-то идиот по имени Джо
Сикспакулос заподозрил свою жену по имени Мэри-Энн в
измене. Вот. Пошел в магазин, купил пулемет...

Грушкин. О Боже... Она что, замужем?.. О Боже... А
зачем... а зачем я... о Боже...

Вера. Была замужем, была. За идиотом. Он ее из пу-
лемета изрешетил. Всю насквозь. Здесь так и написано.
Насквозь.

Грушкин. О Господи... О Боже...

Мгабе. В Амелике весде пулеметы плодятся. Это
стобы по насым, по черным стеллять. Ласисты куевы.

Катя. Верочка, это ужасно, ужасно, но Женя-то тут
при чем?..

Вера. Слушай дальше, не перебивай. Сикспакулос
этот, оказывается, за своей Сикспакульшей следил и высле-
дил, что она встречается... с кем бы ты думала?.. С неким
русским Евгением Грушкиным из местного университета!

Грушкин. О Господи... О Боже...

Мгабе. Ха-ха, молотец, Зенька, молотец! Она

холосенькая, амеликаноцка эта, холосенькая была?

Вера. Ну, а дальше – больше. Этот русский украл у Мэри-Энн каких-то хомяков и сбежал с ними за границу. А хомяки были не их, не Сикспакульские, а соседские. Принадлежали некой Деборе Джонсон. Как только этой Деборе сообщили о пропаже, она вместе со своим дружкой примчалась домой, хотела скандал закатить – а там Джо с пулеметом. Вот он их обоих и изрешетил. Насквозь. Здесь так и написано. Насквозь.

Грушкин. И... и... Дебору тоже... насквозь? О Господи... О Боже...

Вера. А потом он пошел в университет искать – кого бы ты думала? – правильно! Поэта нашего. Заодно всех там перестрелял. Можно сказать изрешетил, хотя тут так не написано.

Грушкин. И... и декана Брайдотти... тоже... изрешетил?..

Вера. Не знаю, наверное. Сказано всех. Потом, идиот, пытался покончить жизнь самоубийством. Написал записку на не понятном никому языке и хотел из пулемета застрелиться. Но в пулемете у него что-то заело. Он стал чинить и, пока чинил, еще кого-то изрешетил, кто рядом проходил, а себя ранил. Тяжело ранил. В больнице лежит, в коме.

Мгабе. Ха ха! Амеликанское катество. Китайские пулеметы и те лучше.

Катя. Верочка, милая, но Женю-то за что ищут? Он же наоборот – мог жертвой стать. Неужели из-за этих хомяков все-таки? Или... Или за то, что... у него с замужней женщиной роман был?

Грушкин. Господи, Катя, какой роман, какой роман...

Вера. Ну вот, а теперь самое интересное. Американские спецслужбы подозревают, что это было не просто преступление на почве ревности, а что за ним стоят российские спецслужбы, которые хотят дестабилизировать ситуацию в городе Мамбафакервиль и во всем штате Огайо. С этой целью туда был заброшен агент ГРУ Евгений Грушкин. На самом деле, как предполагают лингвисты ЦРУ, настоящая фамилия агента – Шкин, Евгений Шкин, а приставка *гру* дается

– согласно их разведанным – только самым секретным агентам этой организации. ГРУ-шкин. Вот так вот, Катенька. Вот такой вот поэт у нас в гостях!

Грушкин. О Господи... А папа мой покойный, Грушкин Леонид Евгеньевич, а дедушка мой покойный, Грушкин Евгений Леонидович, они тоже из ГРУ были?.. Тогда же и ГРУ-то не было... О Господи, дурдом, дурдом...

Катя. Верка, этого не может быть, не может быть... Может, ты неправильно переводишь? Это же в Америке, это же не у нас в совке. Как же так...

Вера. А хомячков господин Шкин украл, чтобы с их помощью распространять новое российское биологическое оружие. Секретное. Кодовое название «старичок».

Катя. Как?..

Вера. «Старичок». Вызывает потерю разума и общий маразм. По мнению членов конгресса от демократической партии, Шкин уже применил «старичок» на избирателях в ходе недавних президентских выборов. В связи с этим они требуют ввести новые санкции против России за вмешательство в их избирательный процесс... Да... Ну и наломали Вы дров, Евгений Леонидович... Теперь Шкин, по версии ЦРУ, планирует применить «старичок» где-нибудь в Европе. Вероятно, в Англии... Евгений, Вы намерены посетить Англию?

Грушкин. Англию?.. Нет, нет... Я ничего не намерен, я ничего не применял, я не применял... Господи, дурдом какой-то...

Мгабе. Ну ты в зопе, Зенька, ха-ха! В полной зопе!

Катя. Женя, подождите, успокойтесь. Вера, надо успокоиться. Это же только подозрение, я уверена, они там в Америке во всем разберутся!

Вера. Да они уже разобрались. Вот, смотри: пишут, что это все *хайли лайкли*. Понимаешь? Хайли лайкли – значит уже во всем разобрались. Все поняли. Пришли к заключению.

Грушкин. ... Какому заключению?.. Моему заключению?.. О Господи, о Боже...

Вера. Так, спокойно. Мы с Мгабусей и не через такое проходили. Да, Мгабусик, проходили?

Мгабе. Плоходили, плоходили. Когда у нас яйца

уклали. Но ты, Зенька, все лавно в золе.

Вера. Значит, так. Сегодня вы ночуете здесь, у нас. У нас две спальни, гостиная, кухня, диванчики лишние есть. Завтра утром Евгений с нами уплывает в Крым; ты, Катька, летишь обратно в Питер.

Грушкин. В какой Крым?.. О Господи, почему в Крым? Кто ж меня туда пустит? Он вообще в какой стране теперь, непонятно...

Мгабе (встает, угрожающе направляется к Грушкину). Как это непонятно? Это сто тебе непонятно? Клым Нас! Нас!

Вера (усаживает мужа обратно). Успокойся ты, успокойся. Крым наш, наш. Зимбабвийский. Наш зимбабвийский Крым. Значит так. Завтра с утра отплываем. Ты, Катька, завтра же улетаешь в Питер. Я тебе билет поменяю. А потом к нам, в Крым.

Катя. Верка, ты с ума сошла. У меня же папа там. Работа, квартира. Петербург, в конце концов. Как я без Питера...

Вера. Да сдался тебе этот Питер! Небо серое, погода жуткая, сразу видно, на болоте построен. И вообще там черт знает что творится. Зимой сосульки с крыш падают, людей убивают. Улицы заасфальтируют – а через год они опять в дырах. Трубы проложат, половину разворуют, все на улицу вытекает. Ты что? Инфраструктура тоже – все старье. Вот, только сегодня прочитала: бабулька какая-то на кухне готовила, да такой взрыв учинила! Не то что всю квартиру, весь подъезд, весь дом разнесло. Живого места не осталось. Пельмени, видите ли, делала. Никто не знает, почему так долбануло страшно, вроде как труба газовая разорвалась. Вот такие вот пельмешки. А ты говоришь, Питер! Короче, давай свой билет, паспорт. Я все организую. Бизнес-классом полетишь, нечего тебе с нищобродами кататься.

Катя. Верочка, не надо бизнес-классом, спасибо...

Вера. Билет! И паспорт!

Катя протягивает Вере билет, паспорт. Берет телефон, пытается позвонить папе, но абонент недоступен.

Катя. Папа трубку не берет почему-то... Господи, что ж я ему скажу? Я ему... то есть ты ему такие брюки красивые купила. У него же конференция по физике

ожидается... Какой Крым, Господи...

Вера. Так, хватит. Все по местам, по койкам, так сказать. Катька, дай я тебя обниму. Завтра нас утром рано в порт отвезут, ты еще спать будешь. Вот тебе мой телефончик, позвони из Питера. Я вам с папой билеты до Симферополя куплю. Евгений, Ваше место вот на том диване. Подъем в четыре утра. Мгабе, в кровать!

Мгабе. Катька, дай я тебя поселую, дай поселую...

Вера. В кровать!

Катя. Спасибо тебе, Верочка, за все. Может, мы, правда, с папой к вам в гости приедем... Вы уж там Женю не обижайте. Террорист из него, по-моему, никудышный, а поэт он хороший. По-настоящему хороший.

Вера. Не обидим, не обидим. Возьмем его к нам в компанию, в рекламный отдел. Будет наши яйца рекламировать. В стихах.

Грушкин. ... Какие яйца? Какая компания?..

Вера. Господин Шкин, в кровать! То есть на диван!

Катя. Женя, можно я Вам свой телефон оставлю? Если захотите, конечно, или если Вам помощь нужна будет, позвоните, хорошо? Вот, возьмите.

Грушкин. Да, да, конечно... Помощь... Хорошо... Яйца в стихах... Все понял. Я пошел на диван. Всем спокойной ночи. О Господи, о Боже...

Занавес

Сцена 6

Катя в бизнес-классе самолета. К ней подходит учтивый стюард.

Стюард. Добрый день, добро пожаловать. Желаете что-нибудь выпить? Вино, ликер, чай, кофе?

Катя. Нет, нет, спасибо, ничего... Хотя... У Вас есть латте макьято? Так, кажется, называется? Много молока, чуть-чуть кофе.

Стюард. Конечно, сделаем. Печенька, шоколадка?

Катя. Без печенок и шоколадок, пожалуйста... Хотя нет, с шоколадкой, можно?

Достает телефон, пытается позвонить папе. Телефонный голос: «Абонент временно недоступен.»

Катя. ... Папочка, ну почему же ты трубку не берешь?.. Мне тебе столько рассказать надо... Ну где же ты, папа...

Звук телефона. Катя включает голосовое сообщение.

Голос Грушкина. Здравствуйте, Катя. Привет Вам из трюма. Да. Вот так. Сажу в трюме румынского корабля. Трюм хороший, комфортный. Получше, чем моя комната в Мамбафакервиле... Моя бывшая комната. И корабль неплохой. Граф Дракула называется... Наверное, у каждой нации есть свой герой... Если честно, я толком не знаю, зачем я посылаю Вам это сообщение. Наверное, хочу принести свои извинения, за то, что испортил Вам посещение прекрасного острова Санторини. И закат Вы не посмотрели. И на конгресс не сходили. И все из-за меня. Впрочем, пропуская конгресс, Вы мало что потеряли, я думаю... Ну, в общем, счастливого Вам пути, извините, и спасибо за помощь. *(Гудок.)*

Стюарт. Ваш латге, пожалуйста. И шоколадка. Приятного полета.

Звук телефона. Катя включает голосовое сообщение.

Голос Грушкина. Катя, это опять я. Евгений. Женя. Я просто хотел Вам рассказать, что давным-давно, в ранней моей юности, у меня была знакомая, которая мне однажды сказала: «Женька, у тебя в жизни все будет так, как ты хочешь, но не совсем.» Понимаете? Как Вы думаете, это благословение или проклятье – иметь все, что хочешь, но не совсем? Вот я хотел поступить в Литературный Институт в Москве. Очень хотел. И поступил. А толку? Работы все равно никакой не было, что учился, что нет. А стихи я и так писал, всю жизнь, и без института. Захотел в Америку уехать, в университете русскую литературу преподавать – уехал. Преподавал... Двум студентам. А если бы не вся эта кутерьма, так еще бы и поэзию областнюков пришлось бы штудировать. Понимаете? Все как ты хочешь, но не совсем... А еще, Катя, я всегда мечтал побывать на Санторини. Когда я – давно, давно – это слово первый раз услышал, я написал стихотворение – «Закат на Санторини» называется. Так вот, у меня мечта была: приехать на этот чудесный остров, в эту Атлантиду, и прочитать там это стихотворение. Вот

приехал. А чем кончилось – сами знаете. Так что... все как хотел, но не совсем. Или совсем не так. Вот. До свидания. Напишите, когда прилетите. Нам тут в трюме еще долго сидеть... Напишите, хорошо? (*Гудок; тут же приходит следующее сообщение.*)

Голос Грушкина. Знаете, Катя, я передумал. Я хочу, чтобы было так, как я хотел. Поэтому я все-таки стихотворение прочитаю. Пока мы еще здесь, более-менее на Санторини. Только Вы, пожалуйста, не спрашивайте, про что это, про кого, кому, зачем. Ни о ком, никому и ни зачем. Я давно понял – точнее почувствовал – что если я знаю о ком-о чем, то ничего хорошего в стихах не получится. Да и вообще, незачем тогда об этом стихи писать. Можно просто сказать вслух и все будут довольны. Вот. Так что стихотворение я все-таки прочитаю и больше Вам надоедать своими сообщениями не буду. До свидания, Катя. (*Гудок; тут же приходит следующее сообщение.*)

Голос Грушкина.

Там, где солнце садится в усталое море,
Купола освещая последним лучом,
Я забуду тебя, моя боль, мое горе,
Моя жизнь и судьба – ни о чем, ни о чем.

Там, где волны ложатся на пепельный берег,
Пенный след оставляя на влажном песке,
Я наверно пойму, я наверно поверю:
Моя жизнь и судьба – о тебе, о тебе.

Наши тени сольются с вечерним приливом,
С первым светом луны, с первой тихой звездой,
И с последней строкой над пустой Атлантидой:
Ты со мной навсегда. Ты со мной. Ты со мной.

Катя опять набирает номер отца, но абонент по-прежнему недоступен.

Катя. ... Папочка, милый, ну почему же ты не отвечаешь?.. Я вот в бизнес-классе сижу, хотела тебе рассказать. Тут здорово. Латте макьято можно заказать – это когда

много-много молока и мало-мало кофе. Я тебе обязательно сделаю, когда вернусь. Тебе понравится...

... А еще я Верку встретила. И Мгабе, представляешь? Они такие солидные, красивые... Верочка тебе брюки купила, в подарок. Она тебя помнит, любит. Я тоже... Папочка, они нас в Крым приглашают, ты ведь поедешь со мной, правда? Ты же с мамой в Крыму познакомился, да?..

... Папа, а еще я встретила Евгения Грушкина... Женю. У него сейчас неприятности, я тебе все расскажу...

... Ну почему же ты трубку не берешь, папа!..

... Господи, сделай так, чтобы он ответил, чтобы он мне позвонил... Ну, пожалуйста, Господи...

Голос пилота. Добрый день, дамы и господа! Добро пожаловать на борт самолета Российских Авиалиний, совершающий чартерный рейс по маршруту Санторини–Санкт-Петербург. Время в пути три часа сорок пять минут. Просим выключить ваши мобильные телефоны и застегнуть привязные ремни. Желаем вам приятного полета.

Катя. ... Три часа сорок пять минут... Три часа сорок пять минут...

... Папа, папочка, ну почему же ты не отвечаешь... папа...

Занавес

2019

Анатолий Качан

Золото Токура

Могу заверить читающего эти строки, что события, описанные здесь, действительно имели место, и ничто здесь не выдуманно.

Но окрас этих событий, несомненно, мой. И вранья в этом окрасе в особенности много. Говорю «в особенности» потому, что нет способов объективного описания человеком его жизни – я оказался под сильнейшим впечатлением от таежного восточного мира, так отличающегося от мира запада страны.

Эти мои восторги и составляют суть вранья. Я считаю, что та жизнь достойна восторженного описания.

Несомненно, вторая составляющая его – традиционная, присущая всем без исключения авторам – каждый изображает себя героем.

– Вся правда – в деталях! – заверил меня как-то мой дедушка, писатель и поэт, Непейвода Михаил Петрович. Читая его автобиографическую повесть «Отец и сын», я удивился тому, как удалось ему через судьбы отдельных людей передать дух и содержание сложнейших проблем и перемен в жизни Украины, начиная с 1800-го года до года 1952-го.

Многое узнавал он от своего отца, от деда, прадеда и прабабушки. И запоминал.

Семейные истории тогда переходили из поколения в поколение. Поэтому и удалось ему столь глубоко забраться в историю нашего рода.

Я полностью с ним согласен. И написал о людях и событиях отдельные короткие рассказы.

Надеюсь, это не помешает увидеть «большую картину», как говорят художники, нравов и обычаев тех мест и того времени.

Начинающий писать о себе вспоминает и

записывает вразброс все эпизоды жизни. Все, что вспоминается. Потом из этих кирпичиков создает логически связанный текст.

Последнего я делать не стал. Это не художественное произведение.

Токур

После окончания института получил я назначение на работу в трест «Амурзолото». Точнее, не получил, а сам выбрал. Хотелось уехать как можно дальше, в глухомань, от родительской опеки, давления на тебя системы – жить самостоятельно.

Забегая наперед, скажу. В тайгу, в ущелье в горах, на удаленный на полтысячи километров от железной дороги, прииск Токур Селемджинского пришкового управления Амурской области. В район, приравненный по климатическим условиям к районам Крайнего Севера.

Долго ехал в поезде «Харьков-Владивосток», и настроение у меня от виденного за окном купе было ужасное. Стоило выехать восточнее, как предстали передо мной картины одна другой печальней. Грязь, убожество, пьяные в ватниках на голой земле, черные деревни без единого деревца. И деревца сами – чахлое низкое редколесье, что встречается на болотистых почвах. Настоящего, высокого и густого, леса нет.

– В каком-то из этих медвежьих углов придется мне работать, – с тоской думал я.

Ехал я не отработать немного и удрать, а работать. Как минимум, положенные три года. И прожить три года молодой жизни в проносащемся мимо меня было невыносимо.

Ехал все дальше, и все мрачнее было на душе.

Под Уфой наш поезд, набравший скорость, был забросан камнями. Много стекол было разбито. В соседнем купе камень, пробив два стекла, серьезно поранил лицо мужчине.

– К кому же я еду? Что будет дальше? – спрашивал я себя.

Но увидев красоты Байкала и за ним намного более

пристойные земли, приободрился.

Как было не приободриться?!

Железнодорожные станции – с чистыми дощатыми платформами, аккуратными и прочными деревянными переходными мостиками и основательно сработанными перилами. С удивительными названиями – «Ерофей Павлович», «Бабушкин», «Зима».

Дома – добротные, крепко срубленные из бревен – соседствовали с густыми высокими лесами. Горы, сопки, густо поросшие лесом.

Народ – не торговый, не суетливый, – навязчиво предлагающий едущим свои продукты, – а спокойный и, кажется, живущий размеренной жизнью.

Чувствовался какой-то особый дух этих мест. Дух мощи и свободы.

Конечная станция в городе Свободном не обманула моих ожиданий, как и сам город.

Тут же размещен я был в гостинице треста «Амурзолото». И встретился с двумя токурянами. Это были могучий таежник, главный геолог прииска Токур, Молчанов и молодой на вид человек, геофизик прииска, Абрамов. (Могу предположить, сын коллектора Сергея Федоровича Абрамова, который в 1939 году и заложил Токур).

Был весело схвачен я почти в охапку и усажен за стол в их номере, уставленный посудой разной степени недопитости.

Вид алкоголя решительно мне не понравился. И я сказал, что пить не буду. Пообщаться же с ними – с удовольствием.

Токуряне ошалело посмотрели на меня.

– Как это – пить не будешь? – почти недружелюбно приступил ко мне Молчанов, – В Токуре все пьют! И ты пить будешь!!

– Все пьют, а я пить не буду! – отпарировал я. – Увидите меня там хоть раз пьяным – поите, сколько хотите!

Молчанов изучающе посмотрел на меня.

– Ладно! Договорились! Просмотрим, что ты запоешь, поработав там, – после некоторого раздумья вдруг мирительно сказал он.

Кажется, с той минуты между мною и им установились особые молчаливо-дружеские отношения. Может быть, потому что пьяным он меня так и не увидел. Встречался с ним потом я нечасто, но глядел он на меня приветливо. Я, кроме как в тесном кругу на охоте или рыбалке, не выпивал. И, работая на стройке, не матерился даже.

Понимал, что есть среда, которой нужно противопоставить себя. Иначе затянет она тебя, и конец тебе.

Когда уезжал я из Токура, пришел к Молчанову прощаться. И он снял с полок образцов породы едва ли не самый крупный кусок кварца, сплошь усеянный округлыми, со спицевую головку, крупинками золота. И молча протянул мне. Кварц весь сверкал!

Дробил я потом его в Харькове и раздавал друзьям.

Прииск Токур был в относительно недавнем прошлом строгорезжимным лагерем. Вокруг него после смерти Сталина лишь убрали забор и сторожевые вышки.

Бригады, ранее добывавшие под землей золото, частично стали теперь строительными.

И продолжали работать в том же составе.

Одни, бывшие эки, имели ущемление прав и не могли выехать. Другие – те, которым ехать было некуда. Вот так почти все и остались – тем более, что выплачивали в тех краях «северные» – десять процентов к зарплате за каждый проработанный год.

За все время существования лагеря из него не было ни одного успешного побега. Выбраться из него можно было: некоторые заброшенные штольни горного цеха выходили за зону. Но как пробраться сквозь тайгу, с ее густыми буреломами? Это была сплошная полоса препятствий, когда через каждые десять-двадцать метров нужно было или проползти под повалившимся деревом, или обходить его, или перелезть через могучий ствол.

Путь пересекали многочисленные «ключи» – потоки вод, образующиеся в каждом распадке гор.

(Когда я летел над тайгой в прииск, выглядела она

*сверху так, будто кто-то щедро вывалил на нее неисчисли-
мое количество спичек – столько было поваленных дере-
вьев.)*

*Поэтому беглецы поневоле выходили к горной реке,
давшей название этому району – Селемдже. Но вдоль реки
и поджидали их отряды погони!*

*Пойманных немедленно расстреливали, якобы при
попытке к бегству. В действительности же – чтобы
нагнать страху и деморализовать заключенных.*

Выбрался я из натарахтевшего самолетика Ан-2 и за-
дохнулся от восторга: горы, тайга, скалы на берегу быстрой
горной речки!

Воздух! Красотища неопишная!

Первая мысль: «Как же мне повезло с местом ра-
боты! Сколько убогих мест проехал, чтобы оказаться здесь!»

Аэродром – чудная зеленая площадка, уютно устро-
ившаяся среди гор, на высоком берегу Селемджи, и низкое
бревенчатое служебное зданье. На противоположном бе-
регу круто спадала к воде высокая сопка.

У меня было много вещей с собой, все они в «Волгу»,
присланную за мной, не помещались. Поэтому мне сказали,
что за мной приедет автобус.

Я осматривался и насмотреться не мог. С наслажде-
нием вдыхал горный воздух.

На поле аэродрома, сделав крутой вираж, призем-
лился малютка – четырехместный самолетик Як-12. Я подо-
шел к нему. Летчик оставил дверку распахнутой и ушел. Я с
интересом разглядывал кабинку, ракетницу в кармане про-
тивоположной двери, приборную доску.

Появился летчик, завел мотор, но не взлетал, что-то
в кабинке дергая. Оказалось, ручка управления, завалившись
набок, в вертикальное положение возвращаться не хотела:
где-то заело тросовую систему управления рулями самолета.
Я стал обходить его, заглядывая во все щели. Когда огибал
оконцовку левой плоскости, увидел в широкой щели между
элероном и крылом соскочивший с блока трос, защемив-
шийся между спаренными текстолитовыми блоками. Попро-
сил у летчика что-нибудь из инструмента, невероятно

длинной отверткой подцепил трос и поставил в ручей блока. Ручка жила! Летчик поблагодарил и приготовился взлетать! Я заорал:

– А если снова слетит?!

Но тот лишь беспечно махнул рукой. И улетел.

Так я сразу же почувствовал особенность таежных порядков. Было там многое проще. Было там намного меньше всяческих запретов.

Мог я, например, летя на Ан-2, попроситься в кабину летчиков на перекидное брезентовое сиденье между их креслами. И с интересом наблюдать за управлением самолетом, задавая вопросы. Отвечали охотно.

Именно там я, наблюдая за движениями штурвалов летчиков, понял, что полет на самолете напоминает езду на велосипеде.

Далее, по прошествии значительного времени...

Ждем самолет. А его нет.

Наконец появляется. Садится.

Ну, думаю, полетели: весь фюзеляж, от морды до хвоста, в черном масле от двигателя! Иллюминаторы, бока, дверка – залиты маслом! Выбрались летчики, заглянули в мотор. Что-то там крутнули. Приглашают – садитесь!

С самыми дурными мыслями о бренности жизни, подсаживая друг друга, чтобы не выпачкаться, забираемся внутрь. Заревели – взлетели. Сквозь стекла почти ничего не видно. Чувствуем лишь, что летим. Но через узкую полоску на иллюминаторе, не залитую маслом, вижу, что почти цепляем тайгу на ближайшей, через Селемджу, вершине: вороны разлетаются в стороны!

Долетели.

Далее. Лечу в отпуск... Самолет садится в Благовещенске, а дальше – нет погоды. Объявляют, что полетим ровно через сутки.

В руках у меня два тяжелых чемодана и четыре громадных кеты, упакованных в плотную бумагу.

Спрашиваю:

– Где камера хранения?

– Ставьте все в углу зала и торопитесь на автобус в город, – отвечают.

Вижу – все, оставив вещи в зале, садятся в автобус.

Поставил и я. Уехал.

Утром в Благовещенске выхожу на берег Амура. Он там узкий, но быстрый и глубокий. Через реку – рукой подать! – китайский Хэйхэ. Видно, как китайцы по улицам ходят. Посреди реки, на замороженных на лед низеньких колышках – проволока. Это государственная граница СССР. Возле мальчишки уже гоняют шайбу. Шайба улетает в Китай. Шустренок с ходу прыгает в Китай и вбрасывает шайбу в свою страну.

Приезжаю в аэропорт. Самолеты летают. В углу полно вещей. Ищу свои, но не нахожу. Потом обнаруживаю где-то один свой чемодан, затем другой. Но кету кто-то положил на батарею отопления, и бумага промаслилась.

Тот же отпуск. Давали его один раз в три года. К отпускным дням добавлялись семь дней на железнодорожный отъезд и семь дней на возвращение. Эти дни оплачивались. Если отпускник оставался без денег, он давал телеграмму в приисковую бухгалтерию – выслать на его имя столько-то. Не было случая, чтобы бухгалтерия отказала.

Я тоже, нагулявшись в отпуске, и надаривши родным подарки, увидел, что денег на возвращение маловато. И выслали мне весьма значительную сумму.

Бывало так, что отпускник долетал до Свободного и в станционном ресторане прогуливал все. Тогда бухгалтерия помогала ему вернуться.

Поселили меня на первых порах в маленькой, на четыре номера, гостинице.

Первое, что я ощутил – непреодолимое желание спать и некоторую вялость. По существу, как только приходил с работы, меня сваливал сон. Просыпался, когда снова нужно было идти на работу.

Ничего я в изменении своем не понимал и старался скрыть это от окружающих.

– Что, Анатолий Иванович, – спим? – смутила меня как-то своим вопросом хозяйка гостиницы. – Здесь все, приехав, спят. Высоко мы, кислорода не хватает. Потому с привычки все спят подолгу.

Лишь тогда я успокоился. Но привыкал к высокогорью постепенно.

Потом я узнал, что есть не только морская, но и горная болезнь. И что протекает она в разных условиях очень по-разному.

Токур – небольшой поселок, зажатый в долине речки Малый Караурак. Малый Караурак впадает в Селемджу. Селемджа – в Зею, а Зeya уже – в Амур.

Рассветов и закатов здесь не бывает: закрывают горы. Солнце светит лишь пять-шесть часов в сутки.

Развлечения – пьянка, кино и охота, включая рыбалку.

От первого я сразу от казался, чем очень огорчил приветливый здесь народ.

Кино своеобразное: у каждого свое место. Поэтому, кассир, увидев тебя в окошко, выдает определенный билет.

Прииск Токур. На переднем плане – старая обогатительная фабрика.

С местом моим случился, однако, казус. Когда смотрел «Мистер Питкин в тылу врага», то так хохотал, что провалил кресло. Зал грохнул еще раз:

– Анатолий Иванович провалился!

Но сел я на свое место уже на следующем фильме: кресло заменили.

Здесь, кстати, я стал, как и все, называться на «ты», но по имени-отчеству: «Анатолий Иванович! Ты...»

Что меня обрадовало, так это народ. Репрессированный, в подавляющем большинстве своем образованный. Самые разных национальностей! Были здесь китайцы, в том числе, с китайскими паспортами. И место их проживания в поселке называлось «Шанхай». Были немцы, которые, естественно, жили в «Берлине». Были армяне, грузины, корейцы, жившие, соответственно, в Армянском, Грузинском и Корейском поселениях внутри Токура. Были потомки белогвардейцев, узбеки, таджики и многие другие, включая, естественно, русских и украинцев. Эти своих территориальных образований не имели.

Евреев было, как я помню, два человека: директор приискового управления, Владимир Матвеевич Вайзеров, и его секретарша, основательного вида женщина (имя забыл).

Что всех объединяло, так это какая-то особая порядочность. Все жили в одинаковых условиях. Все, и Вайзеров, носили воду из колодца и кололи дрова. Все испытывали жесточайшие морозы и топили печи – быт, для всех одинаковый, вносил какой-то дух демократичности в жизнь.

Никакого воровства не было. Мой дом был самый дальний по долине Малого Караурака – дальше начиналась густая тайга. Но я зимой, в частности, лишь подпирал наружную дверь лыжной палкой – чтобы случайно не наморозилось жильё.

Она же была знаком, что меня нет дома.

Летом на охоту и рыбалку выезжало на мотоциклах почти все мужское население поселка. Частных машин не было. Женщины шли в тайгу на склонах гор за груздями и брусникой.

Вдоль горной дороги выстраивались наши мотоциклы, а владельцы их уходили в тайгу на день-два.

И когда на одном мотоцикле исчез воздухофильтр, это потрясло весь поселок.

– Убьем гада! – порешили все.

Половодье. Я – ответственный за сохранность моста через Малый Караурак – соединяющего нас с внешним миром. Моя задача – не допустить скопления перед мостом деревьев, которые несет река.

Как-то весной я поехал на охоту один. На зайца. Ходил-ходил вдоль нашей Селемджи – никого. Передо мною был большой остров, поросший лесом. Вся протока между берегом и островом была наглухо забита льдинами. Толщина некоторых превышала два метра.

Вспомнив о деде Мазае, перебрался я на остров: вдруг там окажутся захваченные половодьем пленники? Долго ходил по острову – пусто! С удовольствием погрелся на солнышке, вернулся к месту своего перехода. А вода-то поднялась, а затор-то смыло! Только ледяные громадины плывут. Разделся я догола, свернул все в тугой рулон, затянул ремнем с патронташем и стал, как на пешеходном переходе, ждать, когда мне дорога освободится. Дождавшись, вошел в воду и поплыл на боку, держа над головой в одной

руке свою поклажу. Плавал на боку я хорошо, поэтому избегал льдин. И одежду не замочил даже. Но, выйдя на берег, увидел, что пальцы на ногах, как сучки, торчат в разные стороны: так их судорогой свело!

Вытащил майку, крепко протер ею себя, оделся. Благодарить! Тепло разлилось по всему телу. Но, думаю, воспаление легких мне все-таки обеспечено.

Ничего подобного! Не чхнул даже!

Оказалось вскоре, что приехал я не дома строить, как думал вначале, а так называемую ФЗЦО – фабрику законченного цикла обработки золотоносной руды. Другими словами, более полного извлечения из нее золота.

На прииске есть небольшая фабрика, но с циклом незаконченным. Вот и скопилось в ее хвостохранилище около тонны золота. Его нужно извлечь и далее более полно перерабатывать руду, добываемую в руднике.

Это было что-то вроде того, как в Африке – с помощью какого-то племени – построить корабль: лодки свои аборигены строили, а большие стальные корабли не приходилось.

Плотники были превосходные, но ни каменщиков, ни бетонщиков, ни арматурщиков, ни вообще людей, умеющих читать чертежи, управлять строительными механизмами не было.

Железобетонные конструкции фабрики сложнейшие. Даже мастера и прорабы, строившие ранее все здесь из дерева, прочесть чертежи не могли.

Фотография Токура, сделанная проектировщиками с места будущего строительства ФЗЦО.

Поэтому технология строительства была такая. Вернувшись с работы, я брал очередной чертеж и на обратной стороне его делал рисунок – общий вид опалубочной формы железобетонной конструкции с указанием всех размеров. По этому рисунку плотники делали опалубку.

Слава Богу, приехал один арматурщик, который по спецификации мог заготовить стержни нужных размеров и формы.

Токур ранней осенью. Снимок сделан с террикона отвалов ФЗЦО.

Под моим непосредственным надзором стержни связывались в каркасы, раскладывались нужным образом в опалубке, а затем все это заливалось бетоном.

Работа продвигалась, по сути, за счет моего умения рисовать и умения заменить одно, – чего не было в наличии, – другим. Поэтому то, что было построено, не совсем походило на то, что представляли себе проектировщики.

Это было нарушение проекта. Но приезжал ревизор, его поили, потом, поднатужившись, внедряли в самолет и вносили вслед за ним портфель с результатами ревизии.

Работа, где ко всему нужно было прикладывать свою голову, приносила бы удовлетворение, если бы не забирала она все, позволяя, по существу, лишь поспать. Приходилось работать две смены подряд: оставить без надзора вторую смену было нельзя.

Как-то прислали мне на должность мастера совсем молодого парнишку, Вову Жерновенова. Первый день на стройке произвел на него сильное впечатление. Вот что потом он мне рассказал:

– Явился я на строительство фабрики, спрашиваю, где начальник строительства Качан Анатолий Иванович?

– Поднимайся выше, – отвечают.

– Поднялся. Там послали еще выше. И еще, и еще. Но выше уже некуда – тайга. Только несколько мужиков в грязных фуфайках скалу бурят. Спрашиваю Качана. Один поворачивается:

– Ну, я Качан. Чего тебе?

– Я опешил. Ну, думаю, пропал! Если начальник строительства так работает – какую же работу мне дадут? Я же техникум окончил!

Сидел Вова в прорабской и наряды выписывал.

А бурил я не просто так. Летом – основная работа: зима лютая и продолжительная. Поэтому нужно скорее справиться со скалой, поставить опалубку и уложить бетон. С этой целью я и помогал пробурить как можно больше

шпуров.

Поджечь же огнепроводный шнур к каждому заряду взрывнику не хватало времени. А у меня было удостоверение взрывника. Оттого и выкраивал время, чтобы помочь побольше набурить и взорвать.

Фабрика, расположенная в месте впадения ручья Челогор в Малый Караурак, уступами спускалась с крутого склона горы: такова была технология ее работы, связанная с течением воды сверху вниз. Но это весьма затрудняло работу – велась она на маленьких горизонтальных пяточках, на которых было не развернуться.

Фотография ФЗЦО на склоне горы – светлое пятнышко. Справа налево понизу – широкая долина Малого Караурака.

Примыкающий к ней на фото справа – ключ ручья Челогор.

Часто мастера заявляли, что бульдозерист, положим, отказывается делать какую-то работу, боясь свалиться.

Я требовал бульдозериста к себе.

– Так что? Показать тебе, как эту работу там нужно делать?

Бульдозерист, зная, что сяду за рычаги и посрамлю

его, молча шел работать.

Был, признаться, случай, когда я сам едва не улетел с восьмиметровой высоты вниз вместе с бульдозером.

Видя, как вертится бульдозерист на совсем маленьком пяточке, я занял его место в кабине. Он и несколько рабочих смотрели со стороны. Все было бы хорошо, если бы не зрители!

И я оплошал. Очень уж хотелось показать класс!

Вдруг провалился вниз нож моего бульдозера, а сам он закачался на гусеницах на самой кромке уступа. Как весы.

Почему-то глянул я в сторону и увидел белые, точно тарелки, лица смотревших на меня.

В такой ситуации соображаешь мгновенно. Я понял, что если в падении бульдозера я выпрыгну в сторону из открытой кабины, то бульдозер ударится широким своим ножом и свалится не на бок, а на крышу. И не раздавит. Поэтому, решив – будь что будет, – изо всех сил нажимая на тормоза, дал полный газ, перевел рычаг на задний ход и отпустил оба тормоза, одновременно включив оба сцепления! Бульдозер, взревев мотором, как говорили зрители, точно прыгнул назад!

Только тот, кто знает, что такое реальное строительство, знает, что подобных случаев не избежать.

Похожий случай был, когда запил крановщик башенного крана, а нужно было поднимать плиты наверх. Работал я на кране тоже. Поэтому поднялся в его кабину.

Плиты были нетяжелые. Одну за другой поднимал я их.

И увлекся! Последняя, самая нижняя плита, уложенная. казалось бы, на подкладки, оказалась где-то внизу крепко примерзшей в земле!

Дернул я ее, и высоченный мой кран, наклонившись, закачался на двух колесах!

Тут уж прыгать не хотелось никак: башенный кран высокий, да еще стоит у крутого откоса, в который мне и светило лететь, а это этажей десять-двенадцать.

– Стоп! – сказал я себе, покачиваясь в кране. – Так. Этот контроллер поворота стрелы. Это на подъем и спуск. Этот поворот на спуск. Точно на спуск? Точно! Повернул правильно, и поставил кран на четыре колеса.

Был почти комичный случай. Хотя по-настоящему его так не назовешь.

Приехала на объект областная комиссия по технике безопасности. Основное к ее приезду я сделал, но пока комиссия была внизу, нужно было закончить вверху перила на мостике между подпорной стенкой и скалой. Поторопился мой плотник и провалился в эту щель.

Говорю ему:

– Как дела?

– Ничего, – отвечает.

– Дышать можешь?

– Могу.

– Полчаса потерпишь? – спрашиваю.

– Куда деваться? Потерплю, – раздалось снизу.

Уж как я, стоя у злосчастных перил, прикрывал провалившегося, делая пригласительные жесты комиссии: – Проходите! Проходите, пожалуйста, дальше, – приговаривал. Пронесло. Не заметили.

А за патриотизм выписал я тому плотнику наряд: «Уборка мусора за подпорной стенкой. Столько-то часов».

Взрывные работы

Выбирали мы в скале громадный объем для возведения в нем приемного бункера руды.

Технология работ простая. Бурились в скале шпуры. В них вкладывали патроны детонита. В один из патронов вставлялся детонатор с подведенным к нему огнепроводным шнуром. Концы шнуров из шпуров выводились наружу.

Скорость горения шнуров – строго один сантиметр в секунду. Отсюда и длина шнуров. Зажигалась и бросалась в сторону сигнальная трубка: шнур, вставленный в детонатор, но на 20 сантиметров короче боевых. Тут же начинали их поджигать.

Хлопок сигнальной трубки означал, что взрывы зарядов начнутся через 20 секунд.

Распределили заряды между взрывником, бригадиром бурильщиков и мною.

Все бы хорошо, но вместо положенных по паспорту тридцати шпуров, пробурили ровно сто тридцать!

Все бы хорошо, но мы уже углубились намного!

Все бы хорошо, но ветра внизу нет!

Когда начали гореть шнуры, дым стал мешать работать. Опустившись как можно ниже, на коленях, высматривали мы шнуры и поджигали их.

Поджечь шнур не так просто. Ответственное это дело, и хорошо натренироваться в нем нужно.

Готовится запальный шнур – обычный, но с надрезами ножом через два-три сантиметра наискось до пороховой сердцевины. Лишь она-то, имея большую температуру горения, и могла поджечь боевой шнур.

Горящей спичкой, например, шнур не поджечь. Поджечь можно лишь пламенем вспыхнувшей спичечной головки, прижатой к пороховой сердцевине.

Нужно по слуху, не глядя (все делается быстро, смотреть некогда!) поймать момент, когда пламя перебросятся через надрез, быстро перегнуть шнур пальцами, обнажить очередную струю пламени и, ткнув ею в торец боевого шнура, убедиться, что тот загорелся. Хуже всего перегнуть запальный шнур рано. Тогда огонь в нем погаснет. И поджигать тогда нечем. Недопустимо не взорвать все заряды – здесь работать потом нужно.

Раскапывать невзорвавшиеся заряды в месиве камней опасно. Рабочих туда не пошлешь, поэтому ковыряешься, отыскивая заряды, сам – со взрывником и бригадиром бурильщиков. Однажды ударил я кайлушкой, отвернул камни с сторону и оказалось, что ударил я почти по детонатору заряда. Посылали мы в такие места и бульдозеры. И нередко взрывалось под его ножом. Нож этот и защищал бульдозериста.

Первым закончил и выскочил бригадир бурильщиков. Вторым – взрывник. Хлопнула сигнальная трубка, а передо мною еще три шнура! Как их оставить? Ткнул я огнем в них и кинулся вслед за взрывником! Но не тут-то было: поторопился и пополз вниз, к дымящимся шнурам! Взрывник оглянулся – нет меня! Бросился назад, протянул руку, выдернул. Но бежать-то уже некуда! Рядом листовки, толщиной сантиметров двадцать. Прижались мы, каждый за

своей спасительницей, смотрим в глаза друг другу. Лица белые.

А рядом – канонада! Громадные камни взлетают и шлепаются вокруг! Пронесло!

Такое оно – строительство...

Не могу не рассказать о совершенно поразительном. Наружные размеры приемного бункера 14×14×14 метров. Работы много: выбираем скалу с запасом.

Как-то прервалась у нас работа на бункере. А когда пришли мы бурить и взрывать, увидели, что в одном из углублений устроила какая-то маленькая птичка себе гнездо. И сидит там на яйцах. Нас не боится.

Как тут взрывать?

Птичку, как говорится, жалко!

Но работать-то надо! Бурим, шумим. Птичка не улетает, высиживает потомство. И лишь, когда раздастся первый взрыв, вылетает она. Но взрывы минуты две. Тут же возвращается к гнезду.

И, сколько мы ни взрывали, птичка не улетала. Точнее, улетала и тут же прилетала.

Потом, правда, углубившись, закончили мы работу. И ни сверху, ни снизу, ни сбоку нельзя было увидеть – что же там, в углублении, творится. Высидела ли она цыплят?

Взрывные работы – опасное дело. Поэтому, в частности, взрывчатку не разрешалось доставлять со склада на всех видах механического транспорта. Были специальные сумконосы. Но взрывчатки нужно много. Поэтому использовали мы вычную лошадь. Перевозить взрывчатку вместе с детонаторами нельзя. Но тайга ведь! Тут многое по-своему делается. Нагрузил мой взрывник на лошадь мешки взрывчатки вместе с сумкой детонаторов. А лошадь – зимой – поскользнулся и упал! И всей массой – на детонаторы! Было бы дело! Ни взрывника, ни лошади не нашли бы! Обошлось. Детонаторы потом в сумке носили.

Чтобы закончить тему на веселой ноте, расскажу о забавном случае.

Заморозили зимой мы фундаменты котельной.

Внизу, рядом с моим административным домиком.

Оттаял бетон, а прочности – никакой! Нужно взрывать.

Взрывник ушел на дальний объект. А я решил провести работы сам.

Забурили шпурсы, заложили взрывчатку, выставили, как положено, сигнальщиков.

И шнуры запалили.

В тот день у одного из шоферов на стройке, китайца Кольвейвина, было настроение – хуже некуда: на шее вскочил фурункул. А ему назад часто сдавать, шею выворачивать. Зол он в тот день был.

И вижу я в окно сверху, как он на машине мчится к нам. Бросается наперез сигнальщик, машет флажком, но Кольвейвин решил, что взрывы, как обычно, будут наверху. И, остановившись рядом с зарядами, открыл капот и стал копаться в моторе. Мы кричим в раскрытую дверь:

– Кольвейвин! Удирай! Сейчас рванет!

А он лишь злобно махнул рукой.

И тут рядом с ним бахнуло!

Кольвейвин, маленького роста, нырнул на горячий, работающий двигатель и прикрылся громадным капотом ЗИС-а!

А сверху, точно градом, по нему – гравий бетона!

А Кольвейвин под капотом на горячем моторе вертится!

А мы – хохотать!

Бетон-то замороженный был, и от взрыва разлетался на мелкие кусочки речного гравия! Долго потом вспоминался этот случай.

Вайзеров Владимир Матвеевич

Казалось, не будь на приiske Вайзерова – и самого прииска не было бы!

Все держалось на нашем директоре, на его воле, работоспособности и смешанном со страхом, глубоким уважении к нему.

Был он хмур, точно ушедший в свои мысли, смотрел своим пронизывающим взглядом исподлобья, почти не улыбался.

Невысок, плотен, нетороплив, говорил очень негромко, почти шептал, но каждое его слово было значимее самого грозного крика.

Ходили слухи, что во времена прошлые получил он большой срок – за то, что в отчет о добытом золоте включал и золото от старателей (во время войны старательство поощрялось, но исключительно как индивидуальная деятельность).

При мне уже он получил орден. Имя его гремело по всей Амурской области.

После смерти ему поставлен был памятник, и улица названа его именем.

Драл он с меня три шкуры за малейшую недоработку или провинность.

– Я из Качана битого мужика сделаю! – сообщали его слова.

Работать было трудно. Спал я очень мало, и, если бы не молодой организм, долго бы не протянул.

Так была почти полностью построена фабрика. Оставалось совсем немного.

И тут я стал получать письма от профессора Виноградова с предложением поступить в аспирантуру.

И я решил уезжать.

Но у Вайзерова были на меня свои планы, и он категорически воспротивился отъезду. Дело дошло до того, что была собрана вся верхушка прииска, был для устрашения вызван районный судья, и меня стали и уговаривать, и страшать одновременно.

Но я четко понял, что если не уеду, то не уеду уже никогда: за каждый год работы к зарплате добавлялось десять процентов. Мы регулярно получали весьма значительные премии. Проработавшие там десять лет уже получали круговую в два с половиной раза больше, чем – как там выражались – «в Союзе». Эти люди уже не могли представить себе, как они будут жить, получая настолько меньше. И они оставались, уже не задумываясь об отъезде. Мне до такой «счастливой» жизни нужно было протянуть еще немало – пять лет.

Видя мою решительность, Вайзеров вызвал меня к

себе.

– Анатолий Иванович, – сказал он. – Мы предлагаем тебе вступить в партию. И если ты вступишь и останешься – получишь орден. Перед тобой появятся перспективы карьерного роста. Трест заинтересован в тебе.

Что было делать? Предлагаемая карьера меня мало интересовала, орден на грудь – престижно! Но я-то хочу быть не чиновником, а специалистом в строительном деле!!

Однако отказ от вступления в партию попахивал уже совсем другим. Вся жизнь могла полететь под откос...

Как ни мучило меня внутри раздвоение, но я ответил отказом и настоял на удовлетворении моего заявления об уходе.

Выждав положенное время, прекратил работу.

Наступило тягостное время. Привыкнув работать, но не работая, я чувствовал себя отвратительно и временами готов был сдать.

Слава Богу, связь с трестом была лишь по радио, и наш радист, тайком приходя ко мне, сообщал о содержании разговоров треста и прииска. Наконец он, возбужденный, прибежал в темноте и сообщил, что если я не выйду на работу еще две недели, то можно меня отпустить.

Меня отпустили!

Попрощался я с рабочими и на попутной грузовой машине поехал в город Свободный, откуда начиналась моя таежная жизнь.

Проезжал мимо стройки. Рабочие сверху махали мне руками, а крановщик вертел стрелой крана. Я чуть не плакал...

Левочкин

Левочкин в прииске заведовал хоздвором (гужевой транспорт весь – его!). На нем была и заготовка леса для строительства и отопления домов. Бригаду лесников, о крутости которых и преданности Левочкину ходили слухи, в поселке никто не видел.

Сам Левочкин был страшен: низкого роста, толстый, с громадной, вытянутой головой, что подчеркивалось низко свисающим подбородком, и с невероятно выпученными слезящимися бешеными глазами. Не говорил, а, скорее, рычал.

По долгу службы – для выделения на строительство гужевого транспорта – приходилось мне бывать в его камерке, в лютые морозы жарко натопленной.

Забежишь, бывало:

– Иван Тимофеевич, мне сегодня столько-то телег или саней! Будут? Тогда я побежал!

– Да присядь ты! Что, как угорелый, носишься? Вот, посидим, поговорим, – всегда был ответ.

Интерес Левочкина ко мне был связан с тем, что я харьковчанин. Он подолгу расспрашивал меня о городе, как он выглядит, какова жизнь в нем. Вырваться наружу из его камерки было трудно.

Вскоре выяснилось, что по окончании какого-то срока, связанного с размерами пенсии, решил он поехать жить именно в Харьков.

Относился он ко мне вполне дружелюбно, в просьбах моих на лошадей, телеги или сани не отказывал, поэтому я постепенно привык к его облику и отвечал приветливостью.

Продолжалось это долго.

Правда, заметил я, что когда какое-то собрание затягивалось и начинало темнеть, Левочкин вставал и, не говоря ни слова, уходил. И никто не удивлялся.

Выяснилось все одной весной, когда солнышко уже пригревало.

Поднялся я к бригаде плотников Сулима (он и в лагере был бригадиром этой бригады) посмотреть, как идут дела со строительством очень высокой опалубки. Бригаду, всегда хорошо работавшую, увидел вальяжно греющейся на самом верху, на солнышке. Поговорили о делах, и я решил спускаться вниз.

– Погодь, Анатолий Иванович, – сказал Сулим. – Присядь. Разговор есть.

Я присел к плотникам.

– Вот ты дружишь с Левочкиным, а знаешь – кто он?

Я отрицательно мотнул головою.

И поведали они мне, что Левочкин – бывший начальник лагеря, в котором они сидели. Что был лют и свиреп он. И ненавидели его все зеки. Зная это, ходил он по лагерю с двумя пистолетами на поясе.

– Ты почему, думаешь, он с собраний рано уходит?
Мести до сих пор боится! – промывал мои мозги Сулим.

Рассказали, что в лагере была драка. Двое погибли.

Построил Левочкин весь лагерь и назвал семь фамилий. Поставил их в снег на колени перед собою. И, одного за другим, расстрелял всех.

Первый, когда Левочкин поднес к его лицу пистолет, пополз к нему и закричал: «Прости!» И Левочкин выстрелил ему прямо в рот.

От ужаса я оцепенел.

– Как? Какое он имел право – без суда? – почти закричал я.

– У Левочкина был свой суд! – был ответ.

Не мог я видеть его с тех пор. Левочкин пристал как-то ко мне:

– Почему не заходишь?

Но, перехватив мой взгляд, кажется, понял, что я о нем знаю все. Далее мы друг друга не замечали.

Умер Левочкин, так и не дождавшись вождеденной пенсии.

И не жаль его мне было.

Уюсов

Уюсова перевели на строительство из рудника. Случается на подземных работах такая болезнь – силикоз. Вызвана она попаданием в легкие пыли при бурении, в особенности кварцевых пород. А золото в них и находится.

Болезнь неизлечима. Уюсов ею и заболел. Поэтому его назначили бригадиром бурильщиков на стройке – на открытом воздухе концентрация пыли при бурении значительно меньше.

Был он невысок ростом, крепок и угловат. Широкое скуластое смуглое лицо его и глаза – узкие, чуть раскосые – выдавали в нем что-то восточное, почти монгольское. Говорил он мало и тихо. Было в нем что-то от Вайзерова.

Жил когда-то Уюсов в Китае. И очень богатым предпринимателем там был. Но во времена социализации Китая выслан был в СССР, где как эксплуататор пролетариата был приговорен к лагерям.

Много о нем интересного рассказывали.

Рассказывали, что ставили его начальником штольни.

И он успешно с работой справлялся. Все выработки знал прекрасно. И что в каждой делается.

Слушались рабочие его беспрекословно.

Утром, при разнарядке, жалуется, положим, бурильщик, что увели у него забурники (короткие бурильные штанги, которыми начинают бурить шпур). Уюсов, не поднимая головы, хмуро изрекает:

– Так. Такой-то. Отдай штанги, что ты украл.

И любитель чужого молча находил припрятанные забурники и отдавал владельцу.

Хотя Уюсов всегда перевыполнял план, не было у него горняцкого образования. Было прекрасное знание человеческой психологии и умение руководить. И был немалый опыт подземных работ.

Но появлялся выпускник Благовещенского горного техникума с дипломом. Уюсова снимали, а новоиспеченного горняка ставили. И, конечно, новый начальник немедленно заваливал всю работу. Тогда снова ставили Уюсова – спасти положение. И так повторялось множество раз. На потеху уже всему руднику.

Я сразу понял, что нельзя выступать по отношению к нему в роли начальника. Уюсов мою позицию принял, и внутри строительной площадки появилось автономное образование, куда я нос свой не совал. Там распоряжался только Дед, как его называли бурильщики. И был он для них самым важным человеком. Важней директора Вайзерова даже.

Помню, прибегает во владение Уюсова из приискового управления человек и кричит бульдозеристу:

– Приказ Вайзерова. Немедленно отправиться на другое место – делать другую работу!

– А Дед знает? – был ответ.

– При чем тут Дед! – горячится посыльный. – Вайзеров приказал!! Понимаешь?

– Без распоряжения Деда не поеду никуда! – твердо заявил бульдозерист. И никуда не поехал.

Пропустили мы уложить в бетон подпорной стенки арматурный каркас колонны.

– Скоро обеденный перерыв. Поезжай, Анатолий

Иванович, домой обедать. Ничего страшного, – сказал Уюсов.

Приняв за благо не вступать в дискуссию, я уехал. И дома, к концу обеденного часа, услышал взрыв. Вскочив на мотоцикл, примчался на стройку. От увиденного челюсть у меня отвисла: по всей высоте подпорной стенки, точно ножом вырезан был столб бетона – там, где должна быть установлена арматура!

Уюсов разогнал посторонних, и ни он, ни его рабочие так и не сказали – как это было сделано.

Юнусов и Саня Лонин

Это были совершенно разные люди, но говорить о них в отдельности невозможно – они всегда работали вместе. И на работе ответственной. Только они знали, где зимой можно добыть гравий или песок. И снабдить им стройку.

Если Саня Лонин – могучий таежник, добродушный, с большущим лицом, почти всегда улыбающийся трудяга, что называется, от сохи, то Юнусов – утонченная личность, разговаривал со мной, как интеллигент с интеллигентом. Высокий, худощавый, он обладал невероятной силой. Мышцы у него, точно канаты, были видны все.

Окончил он Ленинградскую военно-медицинскую академию и по секрету сообщал мне, что может убить кого угодно, и никто ничего не докажет.

Не все о нем я знал, знал только, что сидел он за бандитизм в Каракалпакии.

Что общего у обоих грузчиков было – так это удивительная морозостойкость.

В самые лютые морозы на них были рубашки и поверх брезентовые горняцкие куртки. Грудь у Юнусова всегда была раскрыта морозу, а у Сани – рубашка с коротким рукавом. Это я как-то заметил, когда он протянул руку, чтобы взять у меня ручку и подписать наряды. Рука под брезентом была такого густо-бронзового цвета, что меня передернуло.

О мощи Сани слыли легенды. Говорили, что когда он работал под землей, то для него делали специальную лопату – невероятных размеров. И лопатой той Саня намного выполнял план.

Как-то поехал я вслед за ними – посмотреть, как они работают, обнаруживая под толстым слоем снега сухой речной гравий.

Когда машина была нагружена, Юнусов попросил отойти с ним в сторону.

– Анатолий Иванович, – сказал он, – есть золото. Много. По четыре рубля грамм».

Это было, конечно, очень дешево: ювелирное продавалось по 17 рублей грамм, а в нем золота только половина. Получалось, что мне предлагают в 8 раз дешевле.

– На кой оно мне?» – отвечаю. – Пробы нет. Сесть можно.

– Мое дело предложить. Но о нашем разговоре никто не должен знать.

Только тогда я понял, зачем Юнусов мне рассказывал, что может безнаказанно убить всякого.

Пообещал молчать.

Но дело с Юнусовым так просто не закончилось. Юнусов не имел права еще несколько лет уезжать из Токура – было у него ущемление прав.

Погиб у нас человек. В доме его нашли 800 граммов золота. Все подозрения были на Юнусова. Но доказательств не было.

Но у органов свои методы. Подослали они к нему человека, чтобы тот устроил с Юнусовым драку. И за ту драку посадили Юнусова на пять лет.

Медведи! Всем поселком держим оборону

Встречи с медведями были частыми.

Даже мне пришлось столкнуться с исполином. Медведь прошел настолько близко, что мне пришлось убедиться, как волосы от страха действительно встают дыбом. Очень уж громаден был медведь. И преподал он мне урок, кто в тайге хозяин. Главное – как он прошел мимо! Не глядя на меня! Точно ничтожное я существо, недостойное его внимания!

Моя малопулька могла разве что подсказать ему мысль о том, чтобы свернуть мне шею и закопать в качестве

продовольственного запаса.

И как же все-таки мерзок человек!

Когда эта масса стала удаляться, лишь немалым усилием воли заставил я себя не выстрелить в этот колыхающийся зад.

Работал у меня прораб Гузь. Из местных. И сделал он клетку для ловли медведя. Сам варил. Крепкая клетка получилась. Из дражной дырчатой стали.

Пошел он как-то на охоту, на рябчиков, и решил проверить свою клетку.

– Еще издали услышал я такой лютый рев, что если бы не сам варил ту клетку, не подошел бы. В клетке оказался черный медведь, – рассказывал мне он.

Бродили у нас по тайге кроме бурых и с белой машишкой на груди – черные. Они же гималайские или уссурийские медведи. И были они опаснее бурых. Размером поменьше, злобные, сильные, не поднимались они на задние лапы, как бурые, а бросались на человека, точно собаки. Убить такого было значительно труднее.

На рябчиков ходят только с малопулькой. Была у Гузя пачка патронов к ней. 50 штук. И подойдя к клетке, сквозь отверстия в ней, стал он стрелять.

– Когда убил и сосчитал патроны, оказалось в упаковке их тринадцать, – сказал Гузь.

Тридцать семь патронов пришлось потратить, чтобы убить зверя!

Пробовал я рагу из этого медведя. Мясо показалось мне решительно невкусным.

Другое дело – бурый медведь, которого завалили мои соседи, отец и сын Федоровы!

Всю зиму, после баньки, усаживались за столом и под водочку, грузди и бруснику, за зиму оприходовали мы того медведя. Это было нежнейшее мясо, отдающее курятиной!

Были и нехорошие случаи с медведями.

Работал у меня плотник, тоже Федоров.

Интеллигентного вида человек с удивительно правильной, какой-то звонкой, речью. Рассказывал, как он попал под медведя:

– Шел по тайге. Были у меня ружье и топор. Патроны были заряжены на рябчика – с малой навеской пороха. Иначе – разнесет рябчика в пух и прах.

Спускаюсь с сопки и вдруг слышу за собой топот. Оглянулся – обмер! Летит на меня галопом медведь – шерсть подпрыгивает. Вскинул ружье, но и выстрелить не успел, как, встав на задние лапы, ударил он меня грудью – ружье улетело в сторону! И, мгновенно опустившись, схватил за ногу и резко дернул. Упал я, совершенно беспомощный, головой вниз по склону. А медведь, нависши надо мною, норовит содрать с головы моей волосы на лицо.

Многие мне рассказывали, что медведи якобы не выносят человеческого взгляда и надвигают на глаза ему скальп.

Я специально интересовался этим и нашел множество случаев скальпирования медведем человека.

– Что мне врезалось в память – так это отвратительный запах из пасти. И я вскрикнул, что было сил! И медведь шархнулся от меня и исчез. Первое, что я сделал – проверил, все ли у меня в порядке в штанах, – закончил Федоров.

Рассказанное оказалось правдой: если внезапно из всех сил вскрикнуть, медведь может убежать. Главное – не смотреть ему в глаза. Животные воспринимают это как вызов.

Другой плотник, Бевза, смог убить медведя, когда был он уже возле поленницы дров, которые Бевза заготавливал в лесу. Он успел сделать несколько удачных выстрелов. На эту поленницу и лег медведь. И умер на ней.

Только выпал снег, двое наших, очень опытных охотников, отправились в тайгу. Увидели следы медведя, направлявшегося к поселку. Пошли по следам. И вдруг из крайнего дома, через вываленное окно, бросился на них

медведь. Паля в четыре ствола, они смогли уложить его лишь в нескольких метрах от себя.

Погиб от медведя отец нашего секретаря райкома.
Затем дела приняли совсем плохой оборот.

За сотни километров от нас поздней осенью, загорелась тайга. Загорелась так, что небо над нами стало рыжим. Медведи, снявшись с мест обитания, появились в наших краях. И стали шатунами. Шатун не переживает наших холодов – гибнет.

Поэтому они и стали агрессивными.

Вначале один из медведей забрался в «стайку» – бревенчатый сарайчик во дворе некоторых домов, в которых держали живность.

Быстро принялся лакомиться поросенком. Сбежались наши с ружьями, но пробить бревна стен было невозможно. Стемнело уже, а медведь сидел в стайке. На счастье, проезжавшая почтовая машина осветила стайку, и когда голова медведя появилась в ее окошке, удалось его убить.

Медведь был исполинских размеров. Была у меня его фотография, но пропала.

Далее, ночью уже, медведь очень грамотно забрался с окном домика, где жили старик со старухой. Наружнюю раму он выдрал на себя, а внутреннюю протолкнул внутрь!!

Ворвавшись в дом со внутренней рамой на шее, медведь схватил старуху и поволок в лес. Старик не успел ничего сделать, но поднял крик. Сбежались наши, человек десять с ружьями и, в сопровождении трелевочного трактора, бросились в погоню. Осветив фарами хищника и жертву, стали палить. И вдруг, как рассказывал мне один из участников погони, медведь, стоя над жертвой, заревел! Заревел так страшно и дико, что даже наши таежники-мужики от страха сбились в кучу, выставив перед собой стволы. Пальбой медведя отогнали, но женщина была мертва.

Беда случилась и с парнем – радистом нашей

метеостанции. Жил он в ней на отшибе, вместе со своим начальником.

Истопили они баньку, и радист ушел париться. Долго его не было. Очень долго. Начальник пошел проведать – все ли с парнем в порядке. На всякий случай, прихватил служебную пятизарядную охотничью винтовку (передланную под увеличенный патрон армейскую винтовку Мосина).

Только он подошел к баньке, как выскочил оттуда медведь. Только пятью мощными выстрелами удалось его уложить.

А в баньке был обнаружен мертвый парень.

Не обошла беда и хорошего моего знакомого, техрука ближайшей драги, Купченко.

Выехал он в Хабаровск, оставив дома беременную жену.

И именно в его дом, также грамотно выдернув рамы, ввалился медведь. Успела женщина лишь сбить трубку телефона, и телефонистка нашей станции, услышав крики и рев, подняла тревогу.

Преыдущие нападения медведей заставили прииск быть начеку, и тотчас из арсенала прииска были розданы винтовки и началась погоня. Женщину отбили, но ребенок, не родившись, погиб, а сама жена Купченко стала инвалидом по психическому заболеванию...

Прииск был в панике. Те мужики, которым жены не разрешали покупать ружья, немедленно приобрели самые крупные калибры.

По ночам многие перебирались спать на чердаки, выставив наружу освещение.

Многие окна опутаны были голыми, на изоляторах, проводами, подключенными к напряжению.

Ко мне часто приходил мастер геологоразведки, учившийся заочно. Я решал ему задачи.

Было у него трое белоголовых, мал-мала меньше, детишек. И жена его стала настаивать, чтобы он изготовил в мехцехе железные ставни на окна. И папа этих детишек не

знал, что ему делать: увидят ставни – засмеют.

– Изготовь клетку и укладывай в нее спать своих детишек, – посоветовал я.

Человек чуть не упал передо мною на колени:

– Не дай Бог, ты скажешь это моей жене! Она уж точно заставит меня сделать клетку! – умолял он меня.

Дело приняло столь серьезный оборот, что решено было снимать с работы целые бригады и отправлять в дозоры вокруг поселка. Потом приискковое управление наняло вертолет. И стал он делать облеты вокруг поселка на предмет обнаружения медведей.

Но это мало помогло: медведи стали раскапывать свежие могилы.

Приходил ко мне еще один заочник. Молодой, чуть заикающийся парень, работавший шофером.

Как-то заглох у него мотор почти на въезде в поселок: крыши крайних домов видны уже были. Но нужно было пройти мимо кладбища. И парень этот побоялся медведей.

Мотор не работает, в кабине холодно. Стал он жечь запасное колесо.

А в гараже ждут его. Пора бы машине уже возвратиться.

Сел заведующий гаражом в машину и поехал искать пропавшего. А он – тут же! Колесо поджег.

Стал я посмеиваться над ним в очередной его ко мне приход:

– Что же ты колесо сжег? Почему пешком не пришел. Там же меньше километра было!

А парень этот – мне:

– Д-да, А-анатолий Иванович, когда я мимо э-этого кладбища проезжаю – дверку изнутри рукой держу!

Над моей кроватью висело заряженное картечью ружье. А возле лежал на полу – остро отточенный топор.

Подкулачная балка

На руднике, под землей, была подъемная машина. Но мы забрались еще на триста метров ниже штольни, образовав там нижний горизонт – там обнаружили неплохое золото.

Работы там стало значительно больше, поэтому пришлось время заменить нашу простенькую подъемную машину, с одной клетью, на большую, которую применяют на глубоких шахтах, – с барабаном диаметром 3500 мм и двумя клетями.

Все то строение, которое мы называем копрами и которое высоко возвышается над шахтами, создавая силуэт шахтерским краям, нужно было смонтировать на уровне штольни на глубине 600 метров. Чтобы подъемная машина обслуживала самый нижний горизонт на 900-метровой глубине.

Вырубили под землей громадный объем для машинного зала, а что делать дальше – неясно.

Протащить по штольне громадные части металлической рамы было невозможно. Вот и заменили проектировщики металлическую раму машины монолитной железобетонной. Проектировщикам-то – что? Нарисовали конструкцию, а как ее делать – твоя забота!

А это совсем другая технология. По своей природе не позволяющая в тех условиях достичь машиностроительной точности установки бесчисленных анкерных болтов. Угол так называемой девиации тросов – отклонения несущего троса от плоскости симметрии блоков над шахтой – полградуса, да и форма конструкции сложна очень. Никто даже чертежи прочесть не может. Не то чтобы изготовить.

Вызвали меня:

– Разберешься?

– Попробую, – отвечаю.

Крепко посидел и изобразил весь фундамент в виде наглядных рисунков с указанием бесчисленных размеров.

– Ну, раз ты такой умный, то и лезь под землю строить, – сказали.

Полез. Начал строить. Машинная камера, вырубленная под землей, высотой более шести метров, а длиной и шириной – намного больше. И висят у тебя над головой пласты предательского глинистого сланца. И отслаиваются они пластинами под своим весом, норовя упасть на голову. Приходится поэтому перед каждой работой шестью тщательно

простукивать потолок и обваливать сомнительные камни. И гадать дальше – отвалится ли еще какой-нибудь камень тебе потом на голову.

Дали мне в помощники маркшейдера Дьяченко. Хороший и опытный человек, с которым мы дружны были.

И сделано было за четыре нелегких месяца работы все точнейшим образом – миллиметр в миллиметр. Благо, ветра под землей нет, и висели наши бесчисленные отвесы совершенно неподвижно.

Пошел я, по окончании работ, в последний раз проверять размеры. И в самом отдаленном от основного массива фундамента углу обнаружил, что, копаясь в миллиметрах, мы ровно на тысячу миллиметров отдалили этот злополучный угол железобетона.

Делать нечего. Надо докладывать. Показал я в управлении рудника свою ошибку, а там смеются. Оказывается, в этом углу стоят лишь масляные компенсаторы. И соединены они с машиной трубами.

– Ну, удлиним мы эти трубы! – сказали мне.

Поторопился я под землю к Дьяченко – успокаивать. Долго жали мы друг другу руки и похлопывали по плечам. Такую нужную работу мы закончили!

Тут и говорит мне он:

– А поедем на самый нижний горизонт! Хоть почувствуешь, как горяча наша Земля.

Вызвали клеть, поехали. Жарища там почти на десять градусов выше, чем на нашем уровне. Работать опасно – проткнешь буровой штангой скалу, а оттуда под сильнейшим давлением – вода! Бурильщик со своим буром – кувырок! И если не заткнуть эту дырку, то затопит весь горизонт. Поэтому везде наготове деревянные пробки. Ими, с помощью пневмолома, и заколачивают дыры.

Насмотрелись. Пропотели. Поехали вверх.

Клеть открытая, как балкончик. Свесился я через ограждение и смотрю, как мерцает и тает свет нижнего горизонта. Триста метров! Интересно!

Темнота. У маркшейдера фонарик на каске светит в одну сторону, у меня – вниз. Долго поднимаемся. В темноте каждый думает о своем.

И вдруг что-то как рванет меня за шиворот!

И в ту же секунду подкулачная балка, что с зазором несколько миллиметров фиксирует клеть в верхнем положении, скользнула мимо меня вниз. Остановилась она, а друг кроет меня матом что есть силы:

– Ты зачем свесился? Не рвани я тебя за шиворот, твоя голова лежала бы на триста метров ниже!

Вот так было. На земле опасно, а под землей опасней намного.

Жакенов

Жакенов был возчиком. Типичный азиат, худошавый, с постоянной хитрецей в глазах. Говорил с явно выраженным акцентом. За что его посадили – не знаю. Но, несомненно, было за что. Постоянно он приворовывал.

– Чичмек-чичмек! Почти китаец! И смотри – и он туда же! Пиломатериалы на дрова продает! – кричал на него прораб Гузь.

Воровство Жакенова приняло серьезные размеры. Когда же он бревенчатые детали опоры высоковольтной линии электропередач, что мы, в частности, строили, отвез на дрова в поселок, я вызвал Жакенова к себе.

– Я оформляю на тебя материалы в милицию. Пусть тебя за воровство посадят! – сказал я.

– Не посадят! – живо отозвался Жакенов. – Я тебя убью!

– Ты меня убьешь? А ну, вон отсюда! – заорал, уже не сдерживаясь. Жакенов исчез.

Как ни странно, отношения наши стали налаживаться. Жакенов стал мне улыбаться. И все чаще. Воровать не перестал, но уже понимал, что можно тащить, а что нельзя.

Возчиком действительно он был хорошим. В самый лютой мороз сам все грузил на сани и привозил куда надо. В общем, на него можно было положиться.

Как-то засиделся я у себя на работе, выписывая наряды.

Ночь была какая-то в особенности тихая. Блаженная ночь.

В такую ночь только мечтать о чем-то самом хорошем, убаюкивая беспокойную свою душу. Горы. Луна.

Лютый мороз. Хоть пиши картину.

И только мы вдвоем с Жакеновым, прирабатывавшим у меня истопником, в жарко натопленном помещении. Благодать!

Вероятно, блаженное состояние посетило и Жакенова.

– А помнишь, Натольпетрович (так он меня называл), я обещал убить тебя. А ты мне не поверил.

Я с любопытством уставился на Жакенова, сидящего на фоне пылающих дров.

– Да брось, Жакенов, – сказал я. – Конечно, не поверил.

– А я троих убил! – почти хвастливо сказал вдруг Жакенов.

И рассказал он мне о нравах, царивших в лагере для заключенных.

Жили они в длинных зековских бараках. И в каждом бараке, когда всех угоняли на работу, оставался дежурный.

Не нужно думать, что он ничего не делал и ни за что не отвечал. Дело это было весьма ответственное. Кроме уборки барака и отопления его, дежурный головой отвечал за все, оставленное в бараке. В особенности, конечно, за теплые вещи.

И смотрит Жакенов в окно, а к нему в сумерках по снегу идут трое. Взял Жакенов топор, выключил свет. И стал за дверь. Только первый вошел, он ему голову и разрубил. Затем, и второму, и третьему.

Добавили Жакенову за это еще пять лет...

Вспомнил – за что посадили Жакенова! Был он продавцом у себя на родине. И выдавал продукты в долг, ведя книгу долгов. И нагрянула вдруг ревизия. И обнаружила у него громадную недостачу. За то и сел Жакенов.

Собачье предчувствие

Пришел как-то ко мне сосед, Глущенко Петр Миныч. Вижу, не просто пришел – стоит, мнется.

Рассказал потом, что его собака очень больна. У нее в паху образовалась такая громадная грыжа, что скоро волочиться по земле будет.

Жена этого видеть не может и просит собаку пристрелить. А он это сделать не может. Вот и пришел, чтобы я помог избавиться от собаки.

Хоть и дурноват я был тогда по молодости, но от такой просьбы все же поежился.

Но сосед есть сосед. Человек хороший. Придется помочь.

Взял ружье, зарядил картечью, направился к соседу.

При виде собаки меня передернуло: меж ног ее болталась опухоль невероятной величины.

Собака, увидев, что я с ружьем, оживилась. А когда с ружьем вышел и ее хозяин, она совсем чуть было не запрыгала от счастья: на охоту идем!

Пошли втроем вверх по горной долине подальше от дома.

Собака рядом. Счастлива.

Зашли в тайгу. Остановились. Стали совещаться – здесь, или дальше пойдем.

Решили – здесь.

И вот тут с собакой произошло что-то невероятное: она встревожилась и стала жаться к нашим ногам.

Под ноги себе стрелять не будешь, а от себя отогнать ее невозможно! Сколько ни старались – жметесь к ногам, будто хорошо понимает, что мы хотим делать.

Не по себе стало.

И тут хозяин не выдержал. Сорвал с головы шапку и бросил в сторону. Собака рванулась за шапкой. И в ту же секунду я выстрелил. Выстрелил в момент, когда она, отбежав, с недоверием, оглянулась на хозяина.

Картечь, на счастье, попала точно в лоб. Собака упала замертво.

Постояли мы с хозяином. Тот закурил.

В глубоком молчании, не глядя в глаза друг другу, вернулись по домам...

ФЗЦО. Плиты покрытия

С большим трудом мы вырвались наконец из строительства фундаментной части здания и стали возводить колонны и стены. Дело пошло веселее. Пора было подумать о конструкциях покрытия фабрики.

ФЗЦО заработало. Приемный бункер и дробильно-сортировочное отделение фабрики.

Когда же я увидел чертежи сборных плит покрытия, мне стало очень невесело. Плиты имели толщину 50 мм и к тому же были преднапряженные.

Первый вопрос – где возьмем столь мелкий гравий? Он по берегам Селемджи-то есть, но как отсортировать его от крупной фракции? Кроме того, гравия нужной нам крупности было в гравийных косах так мало, что нужно было перерабатывать весьма большие объемы кос.

Небольшой барабанный грохот нашли, но очень мала была его производительность, да и физической работы вокруг него было много. Нужно было что-то выдумывать.

И зацепился я взглядом за тракторную лопату. Это такое погрузочное устройство, что, как бульдозер, набрав сыпучий материал в широченный ковш спереди, переносит тот ковш над собой и высыпает материал позади себя, в кузов грузовика.

Много дней подряд, оставаясь на вторую смену, наваривал я над днищем ковша в продольном направлении густую сеть арматурных стержней с выносом их далеко назад, за пределы ковша. Предполагалось, что, по мере движения гравия по сетке над ковшом, мелкая фракция будет

сваливаться на сам ковш, и с кромки его – в кузов машины. Крупная же фракция – перелетать через кузов.

Погнали мы это чудо техники на Селемджу, и я, как Генеральный Конструктор и Сварщик, поехал посмотреть, как будет работать мое творение. На косе, на мелкой воде, уже стояли МАЗы. И тракторная лопата стала загружать мелким гравием один самосвал за другим. Я ликовал! Производительность громадная и – ни одного рабочего!

Нужно, однако, сделать шаг в сторону. Сказать, что жили мы и строили в условной системе координат, местной, не привязанной ко всесоюзной и мировой. Карты тех мест еще составлялись. Поэтому рядом с поселком находилась картографическая экспедиция, целью которой и было показать нас всему миру с нужными географическими подробностями.

Испытывали мы свое изделие рядом с экспедицией.

И появился с ее стороны интеллигентного вида человек, присаживается рядом. Начинает расспрашивать, что там на реке такое работает, и для чего работает, и кто я такой, и как сюда попал.

С величайшим удовольствием разговаривал я с незнакомцем, видя в нем искреннюю заинтересованность и мною, и многим другим, со мною связанным. Также и строительством обогатительной фабрики.

Много лет спустя появились в продаже удивительные книги о нелегком и опасном труде геодезистов и картографов, составлявших последние карты страны. Книги вызвали большой интерес.

И я тут же узнал в том незнакомце, с которым сидел на берегу Селемджи, писателя Федосеева!

И книги его назывались «В теснинах Джугдыра», «В тисках Джугдыра» и «Смерть меня подождет».

А хребет Джугдыр не так уж далек от Токура!

Далее появились «Злой дух Ямбуя», «Последний ко-стер» и другие книги.

Не могу не привести слова писателя:

«...Карта... Как просто на нее смотреть и как не-просто, порою мучительно трудно, создавать ее!»

Федосеев ввел в литературу образ якута

Улукиткана, его друга и проводника, тончайшего знатока природы тех мест. Это был литературный потомок Дерсу Узала знаменитого Арсеньева.

Когда Улукиткан умер, Федосеев поставил ему памятник с самыми проникновенными словами благодарности.

Один из перевалов Саян назван именем самого Федосеева. И на нем поставлен ему памятник.

Проблема заполнителя для бетона плит была решена: на стройке возвышалась громадная гора мелкого гравия!

Но как формировать плиты и армировать их напряженной рабочей арматурой?

И я решил наплевать на все, чему учили меня по железобетонным конструкциям!

С помощью плотников создана была большая дощатая горизонтальная поверхность с продольными и поперечными углублениями под ребра плит. В продольные углубления укладывались длинные, на всю площадку, несущие стержни, закрепленные к мертвякам с одной стороны. С помощью автомобиля каждый стержень натягивался до требуемого звона, определяемого на слух, и прикреплялся в натянутом положении к мертвякам с противоположной стороны. Далее сверху укладывались сетки и бетон! Все! Оставалось лишь регулярно смачивать бетон водой, пока он не наберет требуемой прочности.

После этого на торцах плит рабочая арматура обрезалась, и с импровизированного стенда снималось 60 плит вполне приличного вида.

Испытания нагрузкой показали, что ими вполне можно накрывать фабрику.

*Токур. ФЗЦО. Съемка из космоса.
Так и работает эта фабрика по сей день благополучно,
судя по фотографиям ее в Интернете и текстам о То-
куре.*

Цыган

Не все, конечно было благополучно в отношениях с рабочими. Люди хотели заработать побольше, наслышавшись сказок пропаганды о заработках в наших краях.

Но не это главное. Главное – в драконовских расценках на выполненные работы. Приходилось делать серьезные приписки.

Как-то заполнил я наряды и дал их на подпись нормировщику. Тот возмутился:

– Ты, Анатолий Иванович, пишешь о переноске бревен на 30 метров. А бревна-то – вот они! Лежат рядом!

(Люди работали недалеко от окон моего административного домика).

– Я приставлен не только для проверки правильности применения расценок. Я должен следить и за объемами работ, – продолжал он.

– Ну, выйди и проверь, сколько ты заработаешь по своим расценкам! – взорвался я.

И тут нормировщик схватил шапку, надел фуфайку и вышел к плотникам.

Я из окна с любопытством поглядывал, как он вместе с рабочими ворочает бревна.

Не прошло и часа, как он, взъерошенный, раскрасневшийся от мороза, вернулся и молча подмахнул наряды.

Серьезные стычки происходили у меня с одним бригадиром, с черной, как смоль, бородой, цыганом.

И однажды ругань с ним накалилась настолько, что взмахнул он над моей головой своим топором.

Но не знал он, что немало времени провел я с одним своим товарищем, на борцовском ковре, отрабатывая приемы боевого самбо. (Досталась мне от одного десантника книга Харламбиева «Боевое самбо»).

И азбучная истина этого самбо – видеть все вокруг, что может тебе помочь.

А могло мне помочь то, что за ногами цыгана лежало толстое бревно. Поэтому, глядя в бешеные глаза его, пытаюсь предугадать, что будет в следующий миг, я готов был оттолкнуться от него вправо, левой рукой толкнув в грудь.

И цыган опустил топор.

Через пару дней вызывает меня участковый наш милиционер Шабанов.

– Будем сажать его. На него наберется материалов. Пиши, что он хотел зарубить тебя.

– Но не зарубил же! – возразил я. И писать отказался.

Как я понимаю, дошел мой разговор с Шабановым до того цыгана – стукачество работало в обе стороны. И отношения наши резко улучшились.

Но приписки надо было делать. И всякий раз, когда я заполнял так называемую «форму-два» в банк для оплаты сделанных объемов работ, я приходил в ужас от того, сколько их мною опроцентовано, еще не выполненных, но банком уже оплаченных.

Но тут помог Вайзеров. Добился он того, что из Новосибирска приехали проектировщики, убедились в трудностях работ в наших условиях и составили новую смету.

Делать новые приписки можно было спокойнее.

Не всегда нужно спасаться бегством. Если бы я не взял себя в руки и побежал, медведь непременно бросился бы в погоню.

Если бы я побежал от цыгана, то стал бы заложником, от которого можно требовать больше и больше.

Много в моей жизни было еще критических моментов. Но в них нужно, прежде всего, расслабиться и оценить ситуацию. Как ни странно, нужно расслабиться. Именно из состояния расслабления можно сделать наиболее быстрое движение.

Но я. кажется, нравоучаю уже о хорошо известном.

Вася Чирочкин

Был у нас пилорамщик, Вася Чирочкин.

Сгорели у него две дочки. Девочки лет по десять-двенадцать.

Вася, вытирая грязным рукавом рабочей своей куртки скупые слезы попеременно с выделениями из носа, тут же заторопился на пилораму – поскорее залить горе водкой.

На законном основании! В рабочее время!

И оправдываться не надо: «Ща допьем, ща допилим!»

Может быть, для благополучного интеллигентного человека, куда более остро пережившего бы несравненно меньшее горе, Вася показался бы недоразвитым каким-то.

Человеком второго сорта.

А меня это поразило: до какой же степени можно «опустить» человека, чтобы даже мучительная смерть детей воспринималась им как сквозь толстую стену!

А ведь Вася – человек не второго сорта.

Просто его чувства угнетены были эксплуатировавшей его средой настолько, что, кроме водки, никакой он радости жизни в этом медвежьем углу не видел.

А пилорамщик он был отменный: все тонкости настройки пилорамы знал превосходно!

Маленького роста, дохляк на вид, бревна ворочал – будь здоров!

Мог работать столько, сколько начальство прикажет.

Матерился отчаянно, но работал!

Его бы поближе к непреходящим человеческим ценностям – Вася в горе о землю бы забился!

Да и то сказать. На долю Васи приходится довольно приличное количество добытого золота.

Займусь расчетами.

На прииске Токур Селемджинского приискового управления Амурской области жило около 2 тысяч человек. (К слову, был у нас и маленький поселочек Сагур).

Работало, таким образом, около 800.

В прииске было 13 драг. По плану каждая – около 70 кг в месяц.

Дражный сезон – 7 месяцев (район приравнен к условиям Крайнего Севера).

$13 \times 70 \times 7 = 6370$ кг/год.

Да горный цех давал более 100 кг в месяц. $12 \times 100 = 1200$ кг/год.

Итого – около 7570 кг.

На душу в год (7570/800) около 10 кг.

Вася работал там не менее 20 лет.

$20 \times 10 = 200$ кг почти чистого, 94-процентного золота приходится на Васю!

200 000 граммов!

Из которых получается около 400 000 граммов ювелирного золота!

Около 40 000 обручальных колец!

На целый город!

Как не уважать такого человека?!

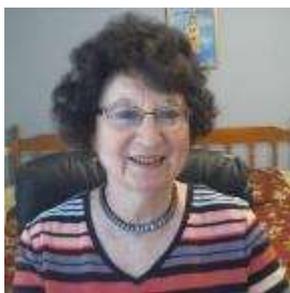
Каждый ли из нас, образованных, осмелится предположить, что и от него такая же польза?

Мало мы, в том числе и я, подолгу протирали штаны на разного уровня стульях и креслах?

Иногда прекрасно осознавая практическую ненужность своего труда.

=====

(Продолжение в следующем номере.)

Ирина Кант

Стихи

Затворник

Садовой пчелой, собирающей
Нектар, привычной к труду,
Очерчен мир, окружающий
Счастливец в летнем саду.

В его пределах – цветы и травы,
И запах жаркого лета.
За ними – город, битвы за славу,
За власть, и за монету.

Затворник – не тот, кто в пчелином раю
Свободен, как кузнечик,
А тот, кто в длинном общем строю –
Маленький человечек.

Книжки да фильмы, да Интернет;
Мотив, приятный для слуха.
Как Эмили Дикинсон – много лет
В царстве свободы духа.

Отшельник – не тот, кто лишен всего,
Что ярко блестит в руке,
А тот, кто ушел от себя самого
И ютится в чужом мирке.

О Бар-Гиора¹! Лучшая из всех...

О. Ц.

О Бар-Гиора! Лучшая из всех
Ночных дорог, луною освещенных.
Здесь тайны сердца и веселый смех,
Взаимопониманье посвященных.

Под олеандром на доске скамьи
Два призрака расположились мило.
Хмельно и сладко сердце защемило,
Ведя с недостижимостью бои.

Два призрака взобрались на пригорок,
И меж собой они дружны, как мы.
И каждой – свой необходим и дорог,
Как луч любви из беспросветной тьмы.

На Бар-Гиора мы сейчас в гостях
У звездной ночи и у поздней Музы.
Наш разговор – не дружеские узы:
Два вольных монолога о страстях.

И каждая толкует о своем,
Взволнована возможностью открыться.
Любимый призрак вновь боготворится,
Ввысь вознесенный над житьем-бытьем.

¹ Бар-Гиора – название улицы в Хайфе.

Вся Бар-Гиора в сказочном цвету.
Мы впереди, они идут за нами
И наполняют радужными снами
Обыденность, бесплодность, пустоту.

Нет! Байрон – не злодей, и Оксфорд¹ – не злодей...

Нет! Байрон – не злодей, и Оксфорд – не злодей.
Поэт – он не Сатурн, и он не ест детей.
Бытует мнение. А где? В быту бытует:
«Ату его! Чего он там бунтует?»
Он – скверный человек. Черт с ним, с его грехами,
Но снимем шляпу пред его стихами».

Колен ни перед кем не преклоню.
Я не перевозношу и не виню.
Два полюса – они мне оба чужды.
В них нет нужды, нужны иные нужды.
Не в ножны – нож, рубашка нараспашку,
Открытая душа прожгла рубашку.

И в сердце Байрона не вижу я уродства –
В нем извращенное судьбою благородство.
Щиты самозащиты и сведенье
Счетов за в спину нож, за нападенье –
Внезапное впотъмах, –
Язвительных когтистых росомах.

¹ Эдвард де Вер, 17-ый граф Оксфорд (1550–1604). По одной из альтернативных версий, он является главным автором произведений, известных нам как шекспировские. Недруги обвиняли его – неясно, насколько справедливо, – в различных злодеяниях, включая замыслы тайных убийств.

Ошибка, промах – не ядро души.
Когда в душе есть чистота и вера,
Когда она – не крепость лицемера,
Тогда душа страдает, согрешив.
Ей муки совести и вечные терзанья
Есть мера высшая земного наказания.

Потеря части самого себя,
И то, что шел на поводу у века
И окружения. Твоя душа – калекка.
Вот худшее! Надежды истребя
И веру потеряв, как возродиться,
Восстать из пепла? Каяться, молиться?

Мне человек важней его таланта.
Пускай другие признают Гиганта
В том, кто взошел на склоны мастерства
И чья от этого кружится голова.
Мне мытарства души, заботы о соседе
Важней преуспевающих в беседе.

Мне дороги не те, кто превосходство
Над нами ощущает. Донкихотства
Ищу вокруг и редко нахожу.
Но за ошибки строго не сужу.
И разница меж Байроном и снобом,
Высоколобым горемыкофобом,
Огромна, как и пропасть меж ошибкой
В минуту слабости на почве зыбкой
И скрытыми дефектами сознания
Врожденными. И никакие знания
Приобретенные, успехи мастерства,
Признание групп и масс не скроют естества.

Сломить Офелию – не фокус...

Сломить Офелию – не фокус:
Никто ее не защитит,
Такую хрупкую, как крокус.
Подует ветер – облетит.

Она и так всегда на грани,
В смятении чувства и ума.
И без особенных стараний
Со стороны уйдет сама.

И смоем дождь печали мудро,
А слезы – грустный стих с листка.
И не останется наутро
Ни стебелька, ни лепестка.

Забыть! Зачем страдать напрасно?
Спасти ль от смертного огня
Того, кому судьбою властной
Отведено цвести два дня?

Конь д'Артаньяна топчет мяту.
Седлает Дон Кихот коня.
Не все потеряно, ребята, –
Еще не истекли два дня.

Слуга у истины, я рыцарь, а не пленник...

Слуга у истины, я – рыцарь, а не пленник.
В служении – свободы феномен.
Ни у меня, ни у нее нет денег,
Зато каков наш бартерный обмен!

Нас вдохновляют, как голы в футболе,
Забитые в последние мгновенья
Игры, любые откровенья
И самообнажение до боли.

Срываем вывески, срываем ярлыки
И фиговые древние листки.
Рискнем прозреть, проверив, веря.
Расплатою – наивности потеря.

Самообман – безумно сладкий яд.
А у дверей – сомнение на страже.
Но часто сладость в горечи таят
Непрошенных разгадок экипажи.

Когда действительность своим пугает видом
И сущностью, нам хочется забыться.
Но быть «худым собой» милей, чем в психбольнице
Свою персону мнить царем Давидом.

Где свито и свято гнездо мое...

Где свито и свято гнездо мое,
Птицы гнезда вьют,
Под крышей устроив себе жилье,
Целуются и поют.

Здесь невидимые сверчки
Лягушек зовут в хор,
И залетные светлячки
Освещают двор.

Окрестные зайцы тут как тут –
В густой траве залегли.

Они и ухом не поведут,
Увидев меня вдали.

Бабочки, яркие, как цветы,
Пчелы и шмели
В мире блаженства и красоты
Сладкий покой нашли.

Добрая Муза не станет злой.
И пчелы ей не обуза.
Муза с восторженною пчелой
Разделит кусок арбуза.

В этих краях веселый дух
Неги, любви и лета.
В этих местах ласкает слух
Счастливая песнь поэта.

Юному лорду Саутгемптону в облике леди Нортон¹

Жемчужность полутона,
Улыбки красота.
Сикстинская мадонна,
Сошедшая с холста.

В мужской наряд одета.
Богиня или Бог?
Мальчишка, что Джульетту
Легко сыграть бы мог?

¹ Существует теория, согласно которой загадочный портрет леди Нортон – на самом деле портрет юного лорда Саутгемптона. Графу Саутгемптону были посвящены две шекспировские поэмы: «Венера и Адонис» и «Обесчещенная Лукреция».

В театре превращений
Над тайнами лица
Царит бессмертный гений
Незримого творца.

Секрет очарованья,
Твоей улыбки свет.
Доступно любованье,
А постиженье – нет.

Мария Стюарт

Все худшее известно обо мне:
Ошибки все, обмолвки и описки.
Пороки те, которых нет и близко.
Все беды по моей вине.

Весь хлам души, весь мусор напоказ:
Наивность и тщеславие влечений.
Недальновидность, колкость дерзких фраз,
Любвеобильность без ограничений.

И тем, кто занавес не хочет приоткрыть
И заглянуть в дремучие глубины,
Не ясно, как могли меня любить
Такие славные и смелые мужчины.

Русалка пленная, напрасно сети рву
Политики, интриг ее бесчестных.
Среди понятий неизвестных
И непонятных дел живу.

Суди меня по внешней стороне
Поверхности явлений и событий,

По глупости чужих кровопролитий, –
Все худшее известно обо мне.

Отстраненный от королевского двора Эдвард де Вер¹

Гордый, тщеславный и уязвимый,
Женщин вводящий в любовный раж.
И вдруг забытый и нелюбимый,
Списанный в тираж.

«Куда угодно за ним, хоть в омут!» –
Так диктует любовь.
И вдруг отрезанный, как ломоть,
От самых пышных хлебов.

Кристофер Хэттон в подобной роли
Угасал, как свеча.
И умер от непонятной боли,
Удивив своего врача.

А ты, королевского турнира
Победитель – раненный зверь, –
Ты, лишенный целого мира,
Что будешь делать теперь?

Подальше забросишь доспех латный?
Забудешь имя свое?
Повесишь на стенку меч булатный
И сломаешь копьё?

¹ Эдвард де Вер – 17-ый граф Оксфорд, английский придворный времен Елизаветы 1-ой (см. прим. к стихотворению «Нет! Байрон – не злодей, и Оксфорд – не злодей...»). Кристофер Хэттон – один из фаворитов королевы Елизаветы, соперник де Вера.

Засыплешь письмами Елизавету,
Мол, верни ко двору,
Люблю и страдаю, мочи нету,
И без тебя помру?

Спасенный Музой, выпьешь настойку,
Заостришь перо... и зренье, и слух.
И кровью сердца напишешь столько –
Захватывает дух!

На холме Бельвуарском мираж Аравийской земли...

И. М. Гилилову

На холме Бельвуарском мираж Аравийской земли.
Дуб высокий, тенистый стоит, головою поник.
Там, у этого дуба, бессмертный огонь разожгли
Благородная Феникс и Голубь¹,
окутанный тайной шутник.

И проходят века, и плывут облака, и цветы
Опадают, и новые им расцветают вослед.
И задумчиво смотрит поэт с высоты
На тринадцать земель, а разгадки все нет.

Бойкой Маске достался лавровый венец.
Что стихи существуют отдельно
от авторских плоти и духа,
Принимают на веру, и Бардом слывет

¹ Феникс и Голубь – герои поэтического сборника Роберта Честера «Жертва любви». По гипотезе И. М. Гилилова за образами Феникса и Голубя скрываются хозяева Бельвуарского замка графиня и граф Ратленд.

Мы в Великом Поэте могли бы увидеть шута
Или жертву страстей, но зато никогда – лицемера.

Две Магдалины каялись в грехах...

Две Магдалины каялись в грехах.
Одна самоотверженно и рьяно
(Большая Магдалина Тициана)
В отчаянье, в раскаянье, в слезах.

В ее лице потерянности след,
Ее мольбы не достигают цели.
И, кажется, на самом деле
Ей ни спасенья, ни прощенья нет.

Еще одна – другая Магдалина, –
Фантазия и мука Джампетрино.
И кается сомнительно она,
Упрямства затаенного полна.

Она себе и Богу лжет напрасно:
Раскаянье слабей надежды страстной.
И зря она с раскаяньем спешит:
Наступит час – и снова согрешит.

Мне подарили плащ для маскарада

Мне подарили плащ для маскарада.
В нем было стыдно появиться мне.
Я сшила вместо этого наряда
Другой – и он приличным был вполне.

В толпе людей я с милым танцевала.
И он меня сначала не узнал.

А после говорит: «Где плащ твой алый,
Ведь этот слишком беден, сер и мал?»

Безумство что-то объяснять...

Безумство что-то объяснять
Тому, кто вас понять не хочет.
Тот, кто не хочет вас понять,
Все осквернит и опорочит.

Он, не дослушав до конца,
Все знает, все ему не новость.
Ему бы вашего лица
Увидеть бледность и суровость.

Еще не начат разговор,
Душа не истекла словами, –
Он свой готовый приговор,
Как меч, уже занес над вами.

Напрасно мучаясь, любя,
Путь сердце к сердцу пролагает.
Он вас не слушает. Себя
Он слушает, а вас ругает.

Вы сами после тщетных фраз,
С пути сбиваясь добровольно,
Сдаетесь: то, что ждут от вас,
Вы произносите невольно.

Под апельсиновой осиной...

Под апельсиновой осиной
Мы с Датским кроликом вдвоем

Резвимся, пляшем и поем,
Катаем дружно мячик синий
И счастье новое куем.

Сгребаю листья в пятый раз,
А он разваливает кучу.
Я не устраиваю бучу
По поводу его проказ.

Листвы монетой золотой
Желает осень расплатиться
За наш простой,
За сон пустой,
Что не сбывается, но снится.

Судьбы подарок для меня –
В чужом краю союз наш братский.
Мы все – друзья, мы все – родня:
Осина, я и кролик датский.

Хрустят сухие стебельки
Цветов и маленьких растений,
А листья в ветреном смятенье
Кружатся, словно мотыльки.

Под апельсиновой осиной
Мы с Датским кроликом вдвоем
Резвимся, пляшем и поем,
Катаем дружно мячик синий
И счастье новое куем.

Памяти Хелен Маккрори¹

Забросить бы все эти съемки:
Пожары, пальбу и гульбу,
Экстрим, пулеметы в гробу,
Обманы, потери и ломки.

Умчаться б в кокосовый рай,
Где плещутся волны, играя.
Актриса не ведает рая –
Есть долг и приказ: «Доиграй!»

Сезон еще первый пока,
Но Тень уже где-то маячит.
Черт с нею. Никто не заплачет,
Хоть «Гаррисон» – дым в облака.

Продлить бы хотя бы чуть-чуть
Сияние звездного лета,
И сладко уснуть, и вдохнуть,
Проснувшись, прохладу рассвета.

Снимаешься снова: вино,
Насилие, ругань, ножи.
Да, это же только кино –
Не то что реальная жизнь.

Но Тень протоптала дорожку,
На съемки приходит без спроса,

¹ Хелен Маккрори (1968–2021) – британская актриса театра и кино, блестяще сыгравшая роль Полли Грей в пяти сезонах сериала «Острые козырьки». 6-й сезон выйдет в 2022-м году уже без нее. В ее впечатляющем послужном списке есть также ведущие роли в зарубежных постановках русской классики: роль Нины в пьесе Чехова «Чайка», роль Елены в «Дяде Ване», роль Анны Карениной в одноименном мини-сериале.

Не в шутку и не понарошку
Задумала сбросить с откоса.

Отсняты сезоны: второй
И третий, а это не мало.
И виден уже за горой
Победный конец сериала.

Успеть бы! Тебе не до пальм
И не до блаженства земного.
Горит огнемётный напалм –
Снимаем. И снова, и снова.

Смертельная бледность лица.
Впивается в шею веревка.
Конец? – Нет, пока тренировка,
Пока кинопроба конца.

Четвертый сезон доиграв,
Ты знаешь и чувствуешь: «Крышка!»
Не сможет помочь ни Минздрав,
Ни чудо и ни передышка.

Но хочется жить и сниматься,
Быть сильной и слез не ронять,
В кибитке цыганской кататься
И в кадре цыгана обнять.

Сумела – и голову выше,
Улыбкой опять козырни.
А тот, кто все видит и слышит,
Продлит твои славные дни.

Вот пятый сезон одолев,
Ты веришь и думаешь: «Рано».

За дух кочевых королев!
За жизнь королевы экрана!

Еще на коне – но конец.
Дорога в небесный розарий.
Прощальный звенит бубенец.
Стив Найт перепишет сценарий.

Партия в шахматы

Мне ничего судьба не обещала.
И все же, милый, сделай первый ход.
Но в нашей жизни все наоборот:
И я хожу. Испанское начало.

О, как же я хочу сыграть с тобой,
И выиграть, и насладиться славой.
Меня попутал бес лукавый.
А ну-ка, офицер, смелее в бой.

Я холод мысли с пламенем в груди
Соединив, рискованно играю.
И вся горю, да только не сгораю.
Ты слишком долго думаешь. Ходи.

Эх, нам бы полночью, эх, нам бы на ладье...
А может быть, такого не бывает?
Твой друг сидит с тобою на скамье,
Бранит тебя и соперничает.

Он занял очередь, но разве он игрок?
Хорош игрок без страсти и без риска.
А может быть, ему не вышел срок?
А может, этот срок совсем уж близко?

Ах, нет у нас ни ночи, ни ладьи.
Ладьи все средь фигур, недавно сбитых.
Но жарче и смелей бои,
Чем больше на поле убитых.

Мне королеву жаль твою.
Хозяйку прогонять из рая...
Она останется в раю,
Но только, если проиграю.

Все, королева, до поры.
Готова для тебя ловушка.
Пора, игра ведь – не игрушка.
Ошибся – выбыл из игры.

Был вечер. Несколько парней,
А девочек, возможно, двадцать.
И каждой нужно улыбаться...
Вот разменяли мы коней.

И на доске фигур уж мало,
И силы кажутся равны.
Бывают женщины сильны,
Когда так сильно влюблены.
Не зря я пешку брать не стала.

Зачем в меня вселился бес?
О, как бы мне хотелось сдаться!
А я все продолжаю драться.
Так чей же будет перевес?

Но ты представь, вообрази,
Как я стремлюсь к заветной цели.
Так пешке хочется в ферзи,
Так солнца хочется в апреле.

А друг твой молод и востер,
Он чует перемены сразу,
Он руку об руку потер
И зорко смотрит в оба глаза.

И я внезапно поняла,
Что я ошибку допустила.
Ну, просто не туда пошла –
И сразу счастье упустила.

Но я играю до конца.
И заплачу, коль виновата.
А друга твоего, юнца,
Я так хочу послать куда-то.

Ты силу чувствуешь свою.
Расстегивая душный китель,
Ты предлагаешь мне ничью,
Как настоящий победитель.

Увы, ничья – ни ты, ни я.
Ничья, а что это такое?
Мы равнодушны, как друзья.
Ничья – подобие покоя.

Пока дано мне выбирать,
Продолжим – порох есть и силы,
Предпочитаю проиграть,
Чем зачеркнуть все то, что было.

Твой ход. Теперь уж душно мне.
Как ни крутись, а финиш скоро.
И все приму я без укора
Судьбе, ведь по своей вине

Я оказалась в западне.

Безумство – грезить наяву.
Чем я живу? Во что я верю?
Сожмусь в кулак, переживу
Одну беду, одну потерю.

Еще не мат, еще я бьюсь.
Сопrotивляюсь Божьей воле.
Но вдруг ты говоришь: «Сдаюсь», –
И короля кладешь на поле.

«Ты просто спятил», – шепчет друг
И короля приподымает.
Бедняга, он не понимает,
Как изменилось все вокруг.

Как сердце, словно в нем стрела,
Испуганной трепещет ланью.
Как все тщеславные желанья
Одна мечта сожгла дотла.

Стелла Подлубная

Калейдоскоп с оптическим прицелом, ве- нок не-сонетов

1

Ночами обнажается душа
в порыве полоумного стриптиза.
Упала маскировочная риза,
послышалось шуршанье барыша.
Вот взглядом плотоядным и хмельным
настырно призывает к откровенью.
И метроном болваном заводным
«лабает» онемевшему мгновенью.
Когда в солено-раненную грудь
клюв месяца залетного вонзится,
душа моя, ты только не забудь,
куда несет пархатый твой возница.
Она пронзает звездные бураны
и бережно зализывает раны.

2

И бережно зализывает раны
душа, презрев искусство десмургии.
Слова ее отрывисты и бранны,
а там – рукой подать до ностальгии.
И память разрисовывает вехи:
и нежность жал приписывает осам,
и кружевом становятся доспехи,
тепло лучей даровано торосам.
И каждый, кто открыл учебник – «физик»,
и каждый, кто мечтал когда-то – «лирик».
Устав от расточительных коллизий,
душа себе слагает панегирик.
В зигзаге от волнений до нирваны
Ее движенья танцевально-странны.

3

Ее движенья танцевально-странны...
Свирель судьбы поет душе гавот.
А у судьбы замашечки пираньи:
чуть зазевался – сердце прожует.
Оно еще не стало рудиментом,
как старенький червяк-аппендицит.
Но цвет души зависит от клиента,
судьба же может быть как антрацит.
Как их единоборство мне знакомо!
И, ежели природа нам не врет,
зла сила отступает (слава Ому!),
когда сопротивление растет.
Победных фейерверков антраша
смущают, неритмичностью греша.

4

Смущают, неритмичностью греша,

движения эпохи в пляске Витта.
То рвутся к власти урки-кореша,
а то и перекормленная свита.
Лояльностью пропитаны дела,
Бравурному подыгрывая маршу.
И в раже «инородные тела»
отправят прохлаждаться на «парашу».
– Пора предел проверить бытием! –
Джордано Бруно вдалбливал бы внуку,
У сказочки из детства взяв внаем
Дюймовочки наскальную науку:
претят душе «ученые кроты»,
пусть крестные пути ее круты.

5

Пусть крестные пути ее круты,
бредет душа без жалоб на одышку.
Бельмом луны вершина слепоты
ее поймала, словно на мормышку.
И так уж у людей заведено,
что звуки колыбельной – без аккордов.
Кудель моих дорог веретено
свивает постепенно в шнур бикфордов.
На финише воронку Бог предрек,
но близкие порой бывают глухи.
Покуда на горящий фитилек
слетаются «обиженные мухи»,
душа отогревает всех золою,
но раненная словом, как стрелою.

6

Но раненная словом, как стрелою,
душа в тиши не ищет утешенья,
а, потерпев утопиекрушенье,
становится язвительной и злою.

Должна на пике жизненного тура
диагноз ставить аутоскопия.
Найдет слова – вот вам литература,
а не найдет – так... психотерапия.
Расцвел иммунитет к фальшивым фразам,
во что бы ложь сусально ни рядилась,
наивную любовь прикончил разум –
душа сдается Господу на милость.
Ночною одинокою порою
карабкается с верой к аналою.

7

Карабкается с верой к аналою
душа, от напряжения дуря.
Под нимбом, что вращается юлою,
увидела тщедушного еврея.
– Вам далеко, дружок мой, до могилы,
ведь тридцать семь – не возраст для «пиита».
Вот для души напев «Хава Нагилы»,
а для желудка – хумус, тхина¹, пита.
А для молитв назойливых, мой странник,
вот Вам из звезд сверкающая сфера,
магендавид² – колючий шестигранник –
то якорь бедолаги Агасфера.
Страхните грусть и путы суеты,
чтоб с Лекарем поговорить на «ты».

8

Чтоб с Лекарем поговорить на «ты»,
настроюсь я на горькое леченье.
Дотошно, не стесняясь наготы,
бубню про день до умопомраченья,

¹ Густая паста из молотого кунжутного семени.

² Дословно «щит Давида» (ивр.) – шестиконечная звезда.

чтоб указал, где устье и исток,
личина, личность, воля или клетка.
«Хай»¹ или «хайль», «братан» или «браток»
подскажет трезвой логики таблетка.
И Лекарь суматошные года
в историю (болезни) запихает.
Бредет душа неведомо куда,
где смерть смердит, и жизнь благоухает,
с пилюльными мотивами во рту,
в страданьях набирая высоту.

9

В страданьях набирая высоту,
взлетая от рождения до смерти,
инстинктами, присущими скоту,
душа не ограничится, поверьте.
Ее добудут Бог и Сатана
из некоего сумрачного лона.
Не в роскоши рождается она,
а в камерах О. Генри и Вийона.
Со временем утрачивалась прыть,
и тягости давили ей на плечи...
Я пробовала душу излечить,
но... начисто расшаливалась печень.
Кнут немощи грядущей гонит люто
до облачного Божьего приюта.

10

До облачного Божьего приюта
домчал бы вмиг Голландец мой летучий,
да незадача: липнут к борту тучи,
холодной лавой выросли до юта.
Какого же рожна им было надо?

¹ «Жив» (ивр.)

Нет, корчат в небе пакостные рожи.
И в кучевом скопленье этих гадов
смеется над собой Веселый Роджер.
Тут облачные страшные драконы
тоскливыми дождями истекают.
За горизонтом праведней законы,
но душу в рай бесплатно не пускают.
За пользование призрачной каютой
расплатится соленою валютой.

11

Расплатится соленою валютой
душа, не экономя капитал.
За толику покоя и уюта –
и пот, и кровь – процент не так уж мал.
Как смело утверждал астролог Глоба,
в руке судьбы игрив калейдоскоп.
Подобострастно стелется у гроба
спасительной соломы мокрый сноп.
Калейдоскоп с оптическим прицелом
осколками расстреливает день.
Цель праведника – святочная целла,
а критика – вот эта дребедень.
Душа, примкнув безропотно к гурту,
пересечет предельную черту.

12

Пересечет предельную черту
моя любовь. Когда ты в Лете сгинешь,
подарком замаячит скорбный финиш,
окручивая лентой паспарту.
И сколько не гони любовь взашей,
она вцепилась хваткою паучьей,
но черная вдова любовью учит,
как цель вдруг превращается в мишень.

Из двух проекций сотканный эпюр
нас интригует нежностью нехитро.
Но после, зеленея от купюр,
Он весь испепеляется до фильтра.
Оставив на виске паленый след,
на краткий сон покинет белый свет.

13

На краткий сон покинет белый свет
Душа, ворвавшись в святость негатива,
под ангельское пение мотива,
хотя и там пернатых этих нет.
Они всяк час готовы, как чекист,
осуществлять сбор перьев из подушек.
Как не подать, увидев этих «душек»,
ведь каждый бородат и так речист.
Но их интересует лишь нектар,
порханья – театральные, не боле.
А в жизнь мою въедается Тартар:
сплошное поглощенье пуда соли.
С дороги всех «хранителей», в кювет,
чтоб поутру разбиться... о рассвет.

14

Чтоб поутру разбиться о рассвет,
я ночь крошу на острые осколки,
как черепки. У вечности на полке
скрывается от ветхости завет:
«Не выставлять волнения души
среди прочих экспонатов на витрину.
Позывы откровения глуши,
пока не получил удара в спину!».
Стою с калейдоскопом на посту,
мирок притихший меряю саженью.
Доверив сокровенное листу,

едва ли доведется стать мишенью:
на нем, бразды приличия круша,
ночами обнажается душа.

15

Ночами обнажается душа
и бережно зализывает раны.
Ее движенья танцевально-странны,
смущают, неритмичностью греша.
Пусть крестные пути ее круты,
но раненая словом, как стрелою,
карабкается с верой к аналою,
чтоб с Лекарем поговорить на «ты».
В страданиях набирая высоту
до облачного Божьего приюта,
расплатится соленою валютой,
пересечет предельную черту.
На краткий сон покинет белый свет,
чтоб поутру разбиться... о рассвет.

Надежда Бесфамильная

Стихи

Багульник

Где вечер морозной конфеткой
Остудит гортань и нутро,
Багульника мерзлые ветки
Увидишь на входе в метро.

Пусть рядом в нагретом киоске
Цветов – что вина на пиру,
Поймешь ты: вот эти, неброские,
Тебя заждались на ветру.

Как будто застывшую птаху
Ухватишь – и к дому бежать!
Поставишь их в воду с размаху
И будешь на почки дышать.

И тут же, оставив зарубку
На память для будущих строк,
Морозами свернутый в трубку,
Расправится первый листок.

Ах, сколько нападает снега
На путаных рифм суровье,
Но вешней беспомощной негой
Наполнится время твое!

Ты будешь сиреневым светом
Гореть среди зеленых ветвей
И ждать невозможного в этом

Теченье заснеженных дней.

Как ее не любить, как не плакать над ней

А слеза не стечет, но осядет на дне,
Закипая улыбчивой дурой...
Как ее не любить, как не плакать над ней –
Навсегда уходящей натурой?

На сетчатке глазной отчего берегу
До сих пор это диво простое –
Там копается лошадь на старом снегу
В прошлогодних сухих травостоях.

Запустенье в величии снежных оков,
Но к заутрене колокол слышен...
Там на улице добрый десяток домов
Без окон, с развалившейся крышей.

В остальных узнается негромкая жизнь –
По гераням цветущим карминным,
По дымам из печей, утекающим ввысь,
И протоптанным снежным тропинкам.

Как зима на селе затяжна, нелегка,
Глохнет эхом в ушной перепонке,
Только гуси пьют воду со дна желобка,
Суется у чугунной колонки.

Только выхвачен солнечным слабым лучом
Куст калины в саду поределом
И мостки над замерзшим уснувшим ручьем
До разлива грустят не у дела.

Да шумит у изножья пустого села
Долгожданным нелепым контрастом –
Лошадиными силами зла и сильна, –
Федеральная новая трасса.

Золотарник

В Москву, в Москву!
...Немного погода.
Есть повод задержаться, неотложный.

Где золотарник пылью придорожной
Устал дышать в отсутствие дождя,
Где выцветает неба синь-трава,
И блекнет лето, быстро истончаясь,
Во что не верю и за что ручаюсь,
Чему ищу утешные слова?
Зачем грущу, как будто бы ропщу,
Унынье – грех, и, значит, грех – роптанье...
Тропинка, август, пыльный золотарник,
Бьют розги золотые по плечу
И возвращают в августовский день,
Неоспоримый, жаркий, тугоплавкий...

Купить немного хлеба в местной лавке,
Набрать в довесок короб новостей –
Сермяжный фейк на кумушкин пошиб,
Что в лавке раздают бесплатно бабы,
И я им на язык попасть могла бы,
Но...
хлеб купить и к дому поспешить.

Столичный житель, глаз не прячу в пол,
Я мамина (и маменькина) дочка,

Днем куклам сарафаны шью, а ночью
Играю через сетку в волейбол.

В Москву, в Москву, полцарства за коня!
Орлом и куропаткой, хочешь – каркни,
А хлеб живой и теплый, из пекарни,
А время – из огня да в полымя.

Над сеткой – волейбольная свеча.
Стираю пыль и золото с плеча.

Ходить

Маме

Теплые вещи лежат в комодке.
Книга лежит – читать.
Ходики ходят и тучи ходят,
Ходит за домом тать.

Времени гений и места гений
Ходят к плечу плечо,
Лето в зените, пора варений
И ненасытных пчел.

Тазик составлен с огня. Черешня
Впитывает сироп.
Ходит пчела – обернулась пешей,
Слопать варенье чтоб.

Сахара в кашу – совсем немножко,
Маме – сластить сильней.
Пенку с черешней снимаю ложкой
Прямо на кашу ей.

Мама снимает варенье с каши
И отправляет в рот.
Ходит по стенке на фото важный
Голубоглазый кот.

Время шагает в часах упрямо
И у меня в груди.
Дочке во внучки годится мама.
Мама, ходи, ходи.

Кукурузник. Этюды

А то не ласточки на воле, не сизари,
Летает «Аннушка» над полем – смотри, смотри:
То шею к облаку заносит, то книзу гнет,
Глаза и крылышки стрекозьи, но самолет.
И струи тянутся из пуза, и день в меду,
Здесь быть пшенице, кукурузе – в другом году...
А мы в другом году, воспетом – мы будем где?
Осколок яблочного лета – Успенья день.

*

То ли комбайн, то ли трактор гудит на поле –
Голос у техники в ведро особо зычен –
Яблоки старая Марфа несет в подоле,
Кухонный фартук прижав к животу привычно.
Сколько нападало, сколько еще на ветках...
Гул самолета мешается с птичьим гвалтом,
Марфа отчаянно крестится: черт отпетый,
Чудом подворье не вынес, как напугал-то.
В очередь ждал сигареты в ларьке – не борзый,
А за штурвалом лихач, хоть сажай на цепи...
Вспомнится детское: ехали в тыл обозом,
Так же кренился и фриц, заходя на цели.

*

Осколок очумительного лета...
Он яркого оранжевого цвета –
В подсолнухах веселых сарафан.
Потянет Колька пояс из кулиски,
И все внутри расплавится у Лизки,
И ходит ходуном аэроплан.
Но сколько их, полей, в округе, сколько...
Ждет в авиаотряде Кольку койка –
Железная с пружинами кровать.
А дальше на других просторах вахта,
А Лизка-то беременная, ах ты,
И пузо скоро некуда девать...

Пригорок

А с линзой небесной земные подвижки видней,
Пусть даже сквозь тучи, с излишком
дождем налитые:
Смотри, по дороге ползет-мельтешит муравей,
А если получше взглядеться – людишка. Не ты ли?

Проселком, что вербным подгоном по плечи зарос,
Кисель внедорожия в сторону кладбища топчешь,
Туда, где барвинок зеленый в жару и мороз,
Кресты персональны, а плиты надгробные общи.

Пока еще рак на горе по тебе не свистел,
Но с детства ты помнишь дорогу
от корки до корки –
Всего-то ходьбы от извечных житейских страстей
До вечных покоев на тишь обжитом пригорке.

Зеленых да глупых сюда любопытство влечет

На лицах тех, что гнезда здесь совьют,
Отгородясь от яблонек соседних,
Не помня и не зная прошлых лет,
Где общим был на улице штакетник,
Через который жизнь как на просвет,
Где любопытно и неворовито
Через калитку в сад войти могли,
Где жизнь не омрачала скудность быта
И вкусны были с «таким» пироги,
Которыми соседей обносили
Не ради и не в честь, а просто так,
А просто потому, что в магазине
Вдруг появились дрожжи и мука,
Уйдут слова на дальнее кочевье,
Уснут слова среди незнакомых дол,
Когда засохнут добрые деревья,
Что мне ссыпали яблоки в подол.

.....

Нет, не о том. Теперь – о скором лете.
В разливе день, но тропка на мели,
Несет сосед подснежников букетик,
Тех, что сегодня утром расцвели.

Берег пологий и берег коряжистый

А без грехов-то о чем и покаешься,
Жизнь перелистывая...
Скороговоркой сбегала по камешкам
Речка извилистая.

Плечико к плечу – равные тяжести,
Дружно да совестливо
Берег пологий и берег коряжистый

С кручами-оползнями

Речку держали в дожди-снеготаянья,
Чтоб не выпрыгивала,
Да наполняла мальковыми стаями
Заводи рыбные.

Было, серчали, по малости вздорили,
Спор не дослушивая,
И разлучались, разделены отмелью
Года засушливого.

Но только лед выступал по закраинам,
Да подбирался к нутру –
Ночью срастались губами и ранами,
Не разорвать поутру.

Вдоль да по речке, а речка все по небу
Плыть приноравливалась.
Пожили-пожили, вместе и померли,
Не уговариваясь.

Классики

А помнишь, мой североглазенький,
Сидевший на соседней парте,
Как рисовали мелом классики
На чуть просохнувшем асфальте?

Под тополями и под липами –
Где раньше снег сойти успеет –
Как прыгали по клеткам лихо мы
Весь март до самого апреля.

По старой банке гуталиновой

Домашней тапочкой нацелясь,
Смотрю в окно, где свет малиновый
Весны предвосхищает прелесть.

И, хоть последним словом выругай,
Североглазенький мой мальчик,
Не прыгать хочется, а выпрыгнуть
Куда-нибудь к чертям собачьим.

Ах ты дубовый ты мой буфет

Ах ты дубовый ты мой буфет,
Сдвинуть тебя нет мочи,
Так и стоял бы еще сто лет,
Если б не древоточец.

Был богатырь, а теперь фантом,
Увалень арьергарда,
Перебирается в новый дом
«Мануфактура Гарднерь».

В горке IKEA, без толчеи
Перенеся кочевье,
Чашки расставятся под чай,
Вазочки для печенья.

А за былую красу и статью
Не отдадут полушки,
Век недоточенный доживать
Вытащат в сараюшку.

Там, где искал вожделенно глаз
Кофе и кофемолку,
Куры приладутся яйца класть
На одряхлевших полках.

Будет жучок доедать хребет,
Будут гнездиться мыши,
Ах ты дубовый ты мой буфет,
Ты ко всему привыкнешь...

В кухне новье и простор – на ять,
Так и хотелось, вроде,
Только расхочет душа отдать
Дань современной моде.

С места не стронуть – как в землю врос
День мой позавчерашний...
Ест изнутри и дырявит мозг
Неугомонный шашель¹.

Илья

Рутинa в райской оболочке,
Какой там, к лешему, покой –
Возить грозу в дырявой бочке
Из одного конца в другой.

Когда бы росные лужайки,
А не в ухабах колея...
На двухколесной чертопхайке
По небу тащится Илья.

Веселый и слегка поддатый,
В небесных топяx ищет гать.
Он был развозчиком когда-то
На спиртзаводе номер пять.

¹ Гусеница бабочки-древоточца.

В его трудах была потреба,
Ведь что ни смена, то аврал.
Илья живьем попал на небо
За то, что капли в рот не брал.

За то, что, трезвенник идейный,
Терпя насмешки и молву,
Он тратил заработок сдельный
На книжки, шашки и халву.

Теперь же чарка стремная –
Венец бессрочного пути,
И кто ему там наливает,
Попробуй, Отче, уследи.

Чашка с незабудками

Ах, лучше бы мягкие куклы
Иль пишущий редкий прибор...
В поездке на память был куплен
Тончайший английский фарфор.

Из бережных рук антиквара,
Не веря везенью, за грош,
Старинную чайную пару
Не в руки, а в душу возьмешь.

Казалось бы, что в ней – посуда,
Ходить и ходить по рукам,
Но сколько сокрыто под спудом
Ее кружевных монограмм!

Торговцу сдана в обнищанье,
В забвенье корней, в нелюбви?
Вовек не забыть обещали

Кого незабудки твои?

Какие семейные бури
Намерен был в тайне держать
Цветочный узор под глазурью,
Подробный, как сердца скрижаль?

Он клятвы своей не нарушит...
О тайнах подумаешь вдруг,
И, будто боясь их подслушать,
Ты выронишь блюдце из рук.

Расколется вязь монограммы
Цветочных узоров первой,
Чужие останутся драмы
За линией жизни твоей.

И как же досадна промашка...
Но ты облегченно вздохнешь,
Что лишь с незабудками чашку
На память домой привезешь.

В спутанных мыслях своя объяснимая прелесть

Все хорошо, даже если, по-честному, плохо.
Пуговка держится еле в петле прорезной.
Бабочка крылья сложила, уснула, засохла
И не проснется на шторе оконной весной.

Крылья с изнанки у бабочки скучны и темны,
Яркой была, а сложилась – что серая мышь...
Держится пуговка слабо на нитке потертой,
Только за прорезью этого не разглядишь.

Чья-то рука из окна, где мое отраженье,
Дернет за пуговку, бабочку снимет со штор,
Кофта побудет без пуговки энное время,
Бабочка крылья расправит и спросит: «За что?»

В этом сумбуре какую придумать из линий,
Чтоб паранойю ночную к благому свела?
Бабочка сядет на кофту и глазом павлиньим
Петлю прикроет, где пуговка раньше была.

Я – моего отражения окаменелость –
Кофтой прикроюсь, и веки прикрою, устав.
В спутанных мыслях своя объяснимая прелесть –
Все расставлять терпеливо по нужным местам.

К Персеидам

Бабочкой полощется на ветру,
И узор затейный – павлиний глаз,
Широко покроено, на жару,
Через ноги сбрасывать – в самый раз.

А и кто увидит? Одна в дому,
Разве что у стен завелись глаза...
Поносила платье – сниму, сниму,
Через ноги, ситчик, сползай, сползай.

Падай на пол, ситчик, не затопчу,
Лишь поддену ловко босой ногой,
Да рукой легонечко подхвачу,
И пройдуся по дому почти нагой,

И повешу, снятое, на крючок,
Что любимым намертво в стенку вбит,

Ситцевое платьице, пусячок –
На виду всю зиму пускай висит.

Сандалеты с крылышками – под ним,
А на небе сонмища Персеид,
И грустит всевидящий херувим,
И знакомо август внутри болит.

Яуза течет по Москве

Утро в тени комнатных штор
Бежево и даже серо.
Сказывают умники, что
Холода идут с северов.

Но попробуй штору откинь,
Дверь приотвори на балкон,
В комнату польется теплынь –
Лета отлетевшего клон.

Если не по нраву октябрь,
Августом его нареки!
Знаешь, как обманчива явь –
Стоит постоять у реки...

У реки тумана клубы –
Листьям мягко с веток лететь,
Не боясь ледовых глубин
В Яузе на мелкой воде.

Где к югам всего полпути,
Не сомкнется в заводи лед –
Птица ль с северов прилетит,
Рыба ли во сне забредет.

Будут спать в прибрежном песке,
Чешуи да перья менять.
Яуза течет по Москве,
А впадает точно в меня.

Волшебный чемоданчик

Из книги стихов для детей «Майский жук»

Вот волшебный чемоданчик
Для лечебных процедур:
В нем пипетка и стаканчик
Для принятия микстур.

Шприц с иглой для уколов,
Трубка – сердце слушать... стоп!
Есть еще другое слово
Для нее: фо-нен-до-скоп!

Есть пинцет, термометр, грелка,
Вата, бинт и есть...
Апчхи!
И халат, и чепчик белый,
И для доктора очки.

Если худо приключилось,
Встаньте в очередь к врачу...
Всех я кукол полечила,
Дай бабулю полечу!

Манная каша с вишневым вареньем

Из книги стихов для детей «Майский жук»

Какой за окошком денечек прекрасный,

На солнце, снежки и морозец горазд,
Но манную кашу со сливочным маслом
Вам бабушка снова на завтрак подаст.

И пусть вас от каши ждут рвота, удушье,
Артачиться и огрызаться не след,
Как с бабушкой дружбу свою не нарушить,
Вам девочка Таня даст мудрый совет:

Вишневым вареньем украсьте вы кашу,
Из вишен сложите любимый цветок,
Котенка, медведя и Спасскую башню,
За ворот заправьте бумажный платок,

И дальше водите серебряной ложкой,
Что крестный на первый зубок подарил,
От края тарелки, как циркуль чертежник
Вращает, а может, как хвост – гамадрил:

За маму, за папу, за старшего брата,
За елку в лесу (за едою не спать!),
За мамину с папой большую зарплату
И так по этапу опять и опять

Кругами, спиралью до самого центра,
Съедая за ложкою ложку на счет,
Дойдете вы в центре до финишной ленты –
Поставит вам бабушка жирный зачет!

А если не знаете про гамадрила,
Про циркуль, чертежника et setera,
Чтоб бабушка вас за бойкот не корила,
Вы съешьте и бабушку, это ж игра!

Ирина Лир

С намордником наперевес. Мемуары.

(Окончание. Начало в №4.)

Волшебная палочка от государства

(К тридцатилетию Большой Алиш)

Эта удивительная история про волшебную палочку началась 1 сентября 1965 года. В тот день я пошла первый раз в первый класс. Школа находилась в старинном особняке с огромным вестибюлем и широкой мраморной лестницей. Школьный двор, больше похожий на сквер со скамейками, детскими качелями, спортивной площадкой и цветочной клумбой, был огорожен высоким каменным забором с тяжелыми воротами из витой чугунной решетки. Величественность здания, вкупе с музыкой, школьной формой, белым бантом, цветами и соответствующими объяснениями родителей, создавали у меня, домашнего ребенка из профессорской семьи, ощущение присоединения к священному храму науки.

Но снаружи у ворот этого сказочного храма стояли две живые Бабы Яги. Две нищие старухи пугали меня, тогда семилетнего ребенка, седыми космами волос, выбивавшимися из-под черных платков, серым тряпьем, некогда бывшим одеждой, и страшными сморщенными лицами. Однако в руках они держали завораживающие вещи. Одна старуха продавала леденцы на палочке. Красные и малиновые прозрачные петушки на толстой палочке сказочно манили. Другая старуха продавала разноцветные вязаные сеточки для переноски чернильниц-непроливаек.

Тогда, в далеком 1965, шариковых ручек еще не было в широком пользовании, тем более у школьников-первоклашек. А были перьевые ручки, жидкие чернила в белых фаянсовых чернильницах-непроливайках, уроки чистописания и прописи как учебник каллиграфии. Да и стандартные школьные столы были только в старших классах, по крайней

мере, в моей школе, а младшие школьники сидели за деревянными партами специальной конструкции, некий гибрид наклоненного стола с перекладной для ног и скамьи со спинкой. Считалось, что такая посадка формирует здоровую осанку. Столешница была выкрашена в зеленый цвет, чтобы не утомлять глаза, скамья была коричневой. Наклонная столешница имела узкую горизонтальную часть с длинным желобом для ручки и круглым отверстием для чернильницы. Почему чернильница называлась непроливайкой? Ее конструкция состояла из двух усеченных конусов, вставленных один в другой таким образом, что между меньшим внутренним и большим наружным оставалось свободное пространство. Если в такую чернильницу наливали небольшое, но достаточное для письма количество чернил, то при ее наклоне чернила не выливались, а затекали в имеющуюся полость. Это позволяло такую чернильницу безопасно переносить. Вот для такой переноски и предназначались те самые сеточки, которые продавала Баба Яга у школьных ворот. Когда-то такими сеточками пользовались писари, которые ходили из дома в дом, из конторы в контору, и носили чернильницы с собой. В моем раннем школьном детстве мы уже не носили чернильницы. Просто их было две. Одна в школе, в отверстии парты, а вторая дома. Чернила продавали отдельно в склянках в канцелярских магазинах. Они были четырех цветов: синие, черные, фиолетовые и красные. А вот сеточки у старухи были самые разнообразные и все потрясающе красивые. Яркие сочные цвета, замысловатые узоры.

И петушки на палочках, и эти сеточки выглядели в руках старух огоньками праздничного фейерверка. Руки и глаза первоклашек тянулись к ним как к желанной игрушке. Тем более, что стать счастливым обладателем таких сокровищ было очень просто. Сокровище продавалось по цене булочки с изюмом из школьного буфета и было в наличии всегда, в любой день и в любую погоду. Старухи стояли на своих местах с постоянством и надежностью атлантов, держащих небо на своих руках.

Постепенно мы перестали бояться старух. Огоньки в их руках затмили их страшный вид, а карманных денег нам хватало. Помню счастливые мордашки моих одноклассников, заходящих утром в класс с леденцом на палочке или с

очередной сеточкой, а то и с тем, и с другим.

Проблема была в другом. Эта незамысловатая нищенская коммерция, единственный источник жизни несчастных старух, рассматривалась государственной властью как частное предпринимательство, что было делом презренным и недопустимым в социалистическом обществе, а потому нещадно преследовалось городской милицией и руководством школы. Помню ужас, с которым мы, семилетние дети, наблюдали, как на наших глазах огромный милиционер прогонял бедных женщин, кричал, угрожал, пытался отобрать товар. Так мы получили свои первые уроки воспитания страха перед властью. Старухи быстро прятали свои сокровища, убегали, где-то прятались сами, но снова появлялись на своих местах, как птица феникс. Им нужно было выжить. Другого средства у них не было. Пенсий не было. Это мне объяснила бабушка. Она отдала им кое-что из своей одежды, а мне – дала урок доброты и помощи слабым.

Вслед за милицией наши учителя также вели непримиримую войну со старухами. Нам запрещали у них покупать, объясняли, что они специально отливают леденцы и вяжут сеточки на продажу, а это недостойное поведение. И мы, покупая у них, тоже ведем себя недостойно, поэтому нас могут не принять в октябрюта и даже в пионеры. У нас государство заботится обо всех гражданах, особенно о детях и стариках, внушали нам учителя в школе. А все, что нам нужно, государство продает в магазинах. Так мы узнали, что наши потребности целиком и полностью определяются только государством. Это были наши первые уроки обществоведения. Но леденцов на палочках в магазинах не было. Никогда и никаких. Были леденцовые конфеты в бумажных обертках в кондитерских, довольно вкусные, иногда бывали эскимо на палочках в киосках мороженого, но посадить леденец хотя бы на палочку от эскимо, очевидно, было неподъемной задачей для государства, впервые в мире отправившего человека в космос.

Мои родители также категорически возражали против покупки петушков у школьной старухи. Но совсем по другой причине. В нашей медицинской семье на кустарные леденцы, сваренные в антисанитарных условиях и хранящиеся, а затем продающиеся без защитной упаковки, было

наложено «вето». Однозначно и навечно, без права на обжалование и снисхождение. И я, послушный домашний ребенок, стояла по утрам перед старухой с петушками на палочках и смотрела на моих счастливых одноклассников, покушавших себе очередной леденец.

На сеточки «вето» не распространялось, т. к. их не предполагалось брать в рот. И вот однажды я подошла ко второй старухе. Мои глаза и руки металась между потрясающе красивыми вещицами, не в силах определиться. В конце концов я что-то купила. А потом еще долго взвешивала и переживала, может быть лучше было не эту, а вон ту или еще какую-то другую. Так Баба Яга открыла мне феномен свободы выбора и результата принятого решения. Очень скоро меня постигло горькое разочарование. Оказалось, что сеточка бесполезна. Чернильниц мы не носили, а больше она мне ни на что не годилась, и я осчастливила ею соседского ребенка во дворе. Так Баба Яга познакомила меня со мной. Теперь я знала, что вещи обладают свойством утилитарности, и даже самая красивая и желанная, но бесполезная вещь теряет для меня свою ценность

В следующем учебном году старух у школьных ворот уже не было. А простой леденец на палочке из сиюминутного детского желания превратился в символ несбыточной мечты.

Всего один раз, когда я была уже в пятом классе, маме удалось раздобыть где-то два леденца на палочках. Они были выпущены на кондитерской фабрике в соответствии с ГОСТом, имели бумажные обертки на леденцовой части и потому годились к употреблению. Только вид у них был жалкий. Это были маленькие, почти бесформенные и мутные леденцы на коротких тонюсеньких палочках. Один, очевидно, считался листиком салатного цвета, а другой, похоже, желтого. Салатовый был ранен. Его палочка была сильно надломлена, и я наложила ему шину, прикрепив спичку электроизоляционной лентой. Прозрачных канцелярских скотчей тогда у нас еще не было. Снять обертку оказалось делом сложным. Она намертво приклеилась, а краска с нее кое-где отпечаталась на самих леденцах. Пришлось чистить их ножом, соскребая бумагу и краску кое-где вместе с самим леденцом.

Но все же это были леденцы на палочках. Они были дороги мне уже самим фактом своего наличия. И еще я испытывала огромную благодарность и любовь к маме, которая столько лет помнила о том, что я хочу, искала и все-таки нашла.

Я долго смотрела на них, прежде чем съесть, понимая, что больше их в моей жизни, скорее всего, не будет. Вероятность того, что мама найдет их еще раз, была близка к нулю. Очевидно, их когда-то где-то как-то зачем-то все же произвели, но ни я, ни мои тогдашние друзья-знакомые в магазинах их не видели. Остается предположить, что либо все леденцы от нас так ловко прятались, либо это был стратегический товар.

От желтого леденца осталась палочка. Я не могла ее выбросить. Она была воплощением моей детской мечты. И палочка переехала на ПМЖ в коробку с карандашами. Через много лет, в 1991, она совершит со мной алию, а аббревиатура ПМЖ, постоянное место жительства, появится в нашем лексиконе.

Мне девять лет. Столичная школа. Шестидневная война. Советские средства массовой информации клеймят израильскую военщину. Нас собирают в актовом зале школы. Митинг против израильской агрессии. Красная руководительница – антисемитка. Я – единственная еврейка в ее классе. Она открыто и безнаказанно проповедует свои взгляды. Старается обидеть меня всегда, когда может. Это ее время. Получая высокую оценку за ответ у доски, я слышу: «Черт с тобой. Все равно вы все еще получите». Тридцать моих ровесников-одноклассников смотрят на меня, многие злорадно усмехаясь, некоторые просто зло, кое-кто равнодушно. Это их уроки ненависти. Мне страшно и почему-то стыдно. Так в моей жизни появились категории «мы» и «они».

«В жизни нужно быть бойцом, – говорит отец. – Тяжело жить только первые сто лет. Потом привыкают». Я смотрю на мою прабабушку. Ей 94. Морщины, согнутая спина, палка в руках, голова перевязана мокрой тряпкой от мигрени, но беззубый рот улыбается. Она много знает про эту жизнь.

Седьмой класс уже другой столичной школы. Время

алии 70-х. Меня бьют два двоечника-одноклассника. «Яврейский прохфесор, убирайся в свой Израиль», – вопят они. Бьют открыто, в школьном коридоре на большой перемене между уроками. Остальные ученики собралась вокруг. Наблюдают. Бой гладиаторов. Хлеба и зрелищ. Учителя не вмешиваются. Их просто нет на месте расправы. Они ничего не видят и не слышат, хотя учительская находится здесь же в коридоре, через три двери от нас. Помощи ждать неоткуда. Впрочем, пока мой портфель успешно отражает атаки. Моя русская подруга стоит в растерянности рядом со мной. Она не знает, что делать. После драки она будет оттирать мой портфель и открыто провожать меня домой.

Три последних класса школы. Меня больше не бьют. Третий класса у меня списывает, включая тех двух двоечников. Продаю еврейские мозги.

Окончание школы, аттестат зрелости, институт, развод родителей. Летом мы с подругой отдыхаем в Туапсе. Щирый украинец с двумя детьми орет на меня: «Пошла вон, жидовка. Здесь тебе не место». А украинцам в Туапсе место?

Замужество, развод, аспирантура, успешная защита диссертации, начало научной карьеры, первые авторские свидетельства, интересная работа. Конец перестройки, развал экономики. На работе каждому научному сотруднику выдали по 4 куска мыла. Наш профессор говорит, что на его памяти мыло выдавали на работе во время Великой Отечественной Войны. В ЖЭКе жильцам дают талоны на сахар в соответствии с пропиской. Из буфета Дома Ученых я несу домой кусок вареного мяса маме и бабушке.

Общество «Память», начало Большой Алии. Уехали друзья, любимые родственники, уезжают знакомые. Мы остаемся одни. Сосед, вежливо здоровавшийся с нами у лифта почти десять лет, колотит в дверь: «Жидаы, выходите». Тонкая дверь дрожит.

1990 год. Лаборатория – единственный оазис жизни. Интересный пионерский проект, увлеченные люди, интеллектуальные разговоры, дружеские отношения. Выхожу из института и попадаю в параллельный мир. Вокруг атмосфера злости, агрессии, усталости, страха. Город стал серого цвета. Серое все: лица, люди, дома, автобусы, улицы, очереди. Серые горы подтаявшего снега, серые лужи какой-то

жижи у бордюров, озверевшие толпы штурмуют переполненный транспорт. Меня придушили в набитом автобусе, придушили сильно, до онемения обеих рук и обморока. Не искали именно меня, а просто было очень тесно, так получилось «по ходу жизни». Болею. Ничего не могу есть, кроме чая с молоком. Желудок болит от всего, даже от нескольких ложек овсяной каши или картофельного пюре. «Неврогенный гастрит. Успокойсья – пройдет», – говорит врач. Успокойсья тут... Из-за финансовой политики правительства серьезно пострадали накопленные сбережения. Я издержана до предела. Работаю и все время болею, то одно, то другое. Мама, уже сама без сил, мечется между мною и лежачей бабушкой.

Господи, если это – конец, то, прошу тебя, не здесь. В мире есть точка на карте, куда люди выгоняли меня всю мою жизнь. Теперь сама жизнь выталкивает меня отсюда. Там наши родственники. Туда мои прадедушки и прабабушки жертвовали деньги. Это имя произносили, приглушив голос.

ОВИР, посольство, визы, сборы. Очередь на отправку багажа – полтора года, а срок действия визы на выезд – 6 месяцев. С собой разрешается только 40 кг груза на одну жидовскую морду. Разрушаем гнездо четырех поколений. Весы становятся членом семьи, самым жестким и бескомпромиссным. Немного одежды и обуви, одеяла, минимум домашней утвари. Хорошо, что там тепло, теплую одежду можно не брать, ведь это большой вес. Конечно, фотографии, документы, семейный архив. Несколько главных детских книжек, на которых мы выросли. Там я буду читать их детям. Никакого интернета еще не существует. Чайный сервиз, подаренный бабушкиной сестрой моим родителям на свадьбу. Он прошел с нами все. Он поил чаем четыре поколения нашей семьи и в горе, и в радости. Он помнит еще мою прабабушку. Там я подарю его на свадьбу пятому поколению. Довезти бы, все-таки фарфор. Старая тряпичная игрушка, мамина ровесница, бывшая когда-то маминым котиком, ставшая потом моим, давно потеряла вид, но оставить я ее не могу. Плюшевая собака, подаренная мне на свадьбу в память о настоящей живой собаке, прожившей с нами одиннадцать лет, тоже едет. Два медведя остаются сидеть на

шкафу. Через много лет, путешествуя в отпуске по Германии, я увижу таких медведей и свою детскую заводную черепаху в городском музее игрушки в городе Трир. Кто бы мог подумать: мои игрушки – музейные экспонаты. Так, теперь распотрошить мой письменный стол. Вот она, коробка с карандашами и в ней заветная палочка от леденца. По счастью, она совсем ничего не весит...

Друзья прикрутили колеса к металлической раме и закрепили на ней пляжный шезлонг. Он крепкий, тоже металлический. Теперь мы завернем бабушку в одеяло и привяжем к шезлонгу. Нормального инвалидного кресла нет. Дорога займет 3 дня. Машина-поезд-автобус-пересадка в Варшаве-автобус-самолет-такси. И всюду будет та же тяжелая задача: внести и вынести кресло с бабушкой. Мы с мамой это сделать не в силах.

Отъезд-исход. Москва, Белорусский вокзал. Прощание с отцом. Он остается. Успешная карьера, положение в обществе, возраст. Он не готов потерять статус. Мы смотрим друг на друга. В глазах один и тот же немой вопрос. Мы еще не знаем, что видим друг друга в предпоследний раз. Отец достает часы, выставляет на них московское время и отдает мне. Они будут у меня на руке весь первый год моей новой жизни и будут показывать московское время.

Аэропорт Бен-Гурион. Приземление. Мы выходим из самолета. Еще ночь, но скоро рассвет. Я вдыхаю теплый воздух, и мне чудится, что я вижу кроны пальм. В зале регистрации к нам подходит какой-то сотрудник. Он улыбается! Вдруг я понимаю, что это – первая улыбка, которую я вижу за последний год. В углу зала буфетная стойка: напитки, сэндвичи и, о Чудо! – они – леденцы на палочках. Огромные разноцветные диски на толстых крепких и длинных палочках. Их здесь десятки, все разные и все потрясающе красивые. Они стоят правильными рядами в картонном основании, каждый в своем отверстии, каждый в прозрачной пленке, позволяющей рассмотреть его со всех сторон.

Я сражена. Как же так? Страна реально воюет за свое право на жизнь, вынуждена защищаться с самого первого дня своего существования, систематически борется с терроризмом, регулярно дискредитируется «мировой общественностью», принимает волны алии, поднимает

промышленность и сельское хозяйство в условиях тотального отсутствия природных ресурсов и серьезной нехватки квалифицированных кадров и при этом еще обеспечивает высокое качество жизни, производя товары далеко не первой необходимости! Сионизм с человеческим лицом? Я стою перед этим строим леденцов на палочках и чувствую, что я дома, что дальше все будет хорошо.

С чего начинается Родина? Бывает, она начинается с леденца на палочке.

Такси везет нас из Бен-Гуриона в Нетанию к родственникам, которые приехали год назад. Уже давно рассветело, и все хорошо видно: солнце, зеленая трава, голубое небо, цветы вдоль дороги, дома светлых тонов и улыбающиеся люди. Неужели это не мираж?

Частный учебный центр в пригороде города Нетания – ульпан Акива. Огромная благоустроенная территория на берегу моря, похожая на пансионат. Беседки, клумбы, открытый бассейн, учебные и жилые корпуса, столовая, актовый зал. Основательница, владелица и «большая мама» этого заведения, чудом спасаясь в Холокосте. Уроки иврита, знакомство со структурой страны, ее историей, культурой, традициями. Лекции, экскурсии и поездки. Полгода душевного тепла и человеческого добра. Нас всех любят. Я впервые в раю. Согрета солнцем и людьми. Отгаиваю. Отвечаю добром на добро. Помогаю всем чем и как могу. Мечтаю, что, когда я начну работать и сумею собрать сколько-то денег, то пожертвую часть этому ульпану. Я еще не знаю, что через несколько лет наша «большая мама» уйдет в лучший мир, ее дело погибнет, а территорию распродадут по кускам в чужие холодные руки. И когда мы захотим собраться на встречу выпускников в нашей «альма матер», нам некуда будет идти.

Новая незнакомая реальность. Учимся жить заново. Даже в мелочах. Часто вообще не приходит в голову, что нужно проверить. Так, посланное мною письмо с важными документами почтальон доставил мне же, а не адресату. Оказалось, что здесь адреса отправителя и получателя на почтовом конверте пишутся вовсе не там, где мы привыкли. Электронной почты тогда еще не существовало. Как найти работу по специальности? Что такое психотест, и как его

сдают? Как правильно сориентироваться в супермаркете в море непонятных упаковок при отсутствии ценников? Ценники появятся только через несколько лет по инициативе министра Щаранского. Что такое «асимон» и как им пользоваться? Чем отличаются четыре имеющиеся в стране больничные кассы и какую из них выбрать? А банки? Их тоже несколько. А в чем разница? А что такое почтовый банк? В той стране, из которой мы уехали, такого сочетания вообще не было. А что это за организация Институт национального страхования «Битуах леуми»? И еще нужно обменять автомобильные права и представить дипломы об образовании на подтверждение, заплатив за их перевод и нотариальное заверение. Денег очень мало. Что можно себе позволить, непонятно. Экономия на всем. Многие стараются ходить пешком где можно, чтобы экономить на транспорте. Покупать на рынке остатки в конце дня по ценам распродажи. Готовы браться почти за любую работу. Как найти и снять квартиру? Что мы подписываем в договоре с квартирным маклером и в договоре с хозяином квартиры? Как понять коммунальные счета? Любое официальное письмо требует перевода и разъяснения. Нужно ли делать страховки? Нужно ли брать «сохнутовскую» ссуду? Каковы последствия? О чем конкретно, в деталях, контракт с работодателем? Что такое «тлуш маскорет», и зачем он нужен? Такого документа о выплаченной месячной зарплате в нашей прошлой жизни не было. Что конкретно означает каждое число и каждый термин в этом море чуждой информации? А зачем форма 101? А форма 106? Многие подписывают официальные документы, толком не понимая их, не надеясь или не пытаясь разобраться. Потом сталкиваются с дополнительными сложностями. Я чувствую себя идущей по минному полю. Я – единственный работоспособный член семьи. От меня зависят мама и бабушка. Выверяю каждый шаг. Спустя годы все эти и многие другие вопросы превратятся в стандартные технические житейские хлопоты. Но тогда каждый из них был «этгаром» – «вызовом».

... Вопросы, задачи, проблемы, сложности сыплются на наши головы нескончаемым камнепадом в горах. Любые контакты с людьми, посиделки с друзьями и знакомыми, даже простой домашний ужин превращаются в

производственные совещания, перекрестные допросы, мозговые штурмы. Нам всем катастрофически не хватает иврита, тем более официального канцелярского, знаний местных реалий, особенностей, законов. Мы вынуждены играть по правилам, которых не знаем и не понимаем. Бывает, в наших спорах рождается не истина, а дезинформация. В центре абсорбции есть русскоговорящие сотрудники и брошюры по всем вопросам. Но там только общие сведения, а дьявол, как известно, в деталях. Обращаемся к ивритоязычным знакомым, они все охотно отвечают, все стараются помочь, но их разъяснения тоже нелегко понять. Стараемся ориентироваться, помогаем друг другу, делимся всем: едой, одеждой, утварью, информацией, опытом набитых шишек. Атмосфера взаимопомощи, доброжелательности, заботы, поддержки. Мне кажется, теперь я понимаю, как рождались кибуцы. Общая нужда сближает людей и делает их людьми. Через несколько лет, когда мы встанем на ноги, утвердимся на работах по специальности, обзаведемся квартирами и машинами, поедем в отпуска за границу, наш виртуальный кибуц постепенно распадется. Многие потеряют друг друга из вида. Останутся те, кого связывают профессия, хобби или добрососедские отношения. А пока мы все на передовой.

Леденцы на палочках в супермаркете кажутся миражами нормальной размеренной жизни. Я беру ребенка друзей, и мы идем покупать ему леденец на палочке. Они стоят в парадном строю. Все разные, но все большие и красивые, на крепких длинных палочках и в защитных плащах из прозрачной пленки. Мы, два высоких эксперта, строго выбираем самого-самого. Форма, расцветка, узор, ленточка... В моей душе военный духовой оркестр играет марш. А потом мы долго сидим на скамейке в сквере. Я обнимаю малыша, а он, у меня под крылом, сосет свой леденец, крепко зажав палочку в маленьком кулачке. И я чувствую, как меня наполняют силы, спокойствие, уверенность, душевное равновесие. Теперь я знаю: я справлюсь.

Я шесть месяцев в стране. Закончен улыпан. Из министерства пришло подтверждение моей докторской степени. Первая работа. Я – исследователь в научно-исследовательском отделе большого промышленного концерна на юге страны. Оставляю маму и бабушку в Нетании. Сама уезжаю

на юг. Без денег, без нормального языка, без знакомых, без жилья. В неизвестность. Впервые из дома. Мобильных телефонов еще не существует. Колоссальное напряжение. И языковое, и профессиональное. Другая научная школа. Плюс компьютер. Для меня вещь новая. В прошлой жизни персональные компьютеры попадались мне только в научно-фантастической литературе. Статьи и научные отчеты по-английски, совещания и служебная переписка на иврите, устное общение на иврите и кое с кем по-русски. Изъясняюсь на дикой смеси иврита и английского, иногда вставляю от безысходности русские слова. Не всегда могу точно выразить свою мысль, далеко не всегда – понять оппонента. Поставленная передо мной задача является новым направлением для этого отдела. Я здесь первый и пока единственный специалист такого рода. Поэтому вопросы – ко мне, реализация – на мне и ответственность – тоже на мне. Счастье, что вокруг доброжелательные люди имеют терпение выслушать мой жуткий язык, хотят меня понять и знакомят со спецификой работы в отделе. Все: и техники, и инженеры, и исследователи. «Процесс пошел», как говорил известный политический деятель конца 20-го века. Через 9 месяцев от начала работы есть результаты, выходит мой отчет, впервые в жизни по-английски.

Я полтора года в стране. Меня нашел профессор из Техниона. Он открывает новый проект, который по существу является прямым продолжением моей диссертации. Ему нужен мой опыт в соответствующей теме и мои результаты. После больших колебаний (страшно оставлять первую работу, хороший коллектив и перспективу постоянства) перехожу в Технион с повышением в зарплате и в должности. Моя тема, результаты, публикации, конференции. Через год покупаю квартиру в Хайфе. Мама со мной.

На пятилетие нашей алии мама принесла мне леденец на палочке. Ее глаза светились счастьем. Мои тоже. Мы давно стали с ней фронтowymi друзьями и понимали друг друга без слов. Мы праздновали победу.

Замужество. Семейные заботы и семейные радости. И я не заметила, когда из нашего супермаркета ушли леденцы на палочках. Они ушли все, всей ратью, вместе со своим картонным плацдармом. Куда ушли? Наверное, туда,

куда уходит детство.

Шли годы. Мамина спина все больше сгибалась и болела. Смещение позвонков. Были перепробованы все конвенциональные и альтернативные средства, включая две клиники боли при двух ведущих больницах. Зажигая субботние свечи, я неизменно прошу Всевышнего ей помочь. Все напрасно. Двадцать лет страданий и безуспешных поисков исцеления. Я работаю и веду два хозяйства: свое и ее. Мы обе измучены и физически, и морально. Мама уже с трудом ходит, и однажды я нахожу ее на полу. Перелом шейки бедра. Госпитализация. Нужна операция.

В больнице выясняется, что у нее проблема с сердцем. С высокой вероятностью оно не выдержит наркоза. Но не оперировать тоже нельзя. Консервативное лечение в данном случае не годится. Ортопеды боятся «брать риск» и откладывают операцию со дня на день. Мама – сплошной комок боли, страданий, страха и беспомощности. Дважды в день она получает наркотики, но боль они почему-то не облегчают, а только дураят ей голову. Она сильно сдала ментально. Не понимает, не помнит, не ест, не спит, даже не знает, как нужно жевать и глотать, десятки раз задает одни и те же вопросы, не в силах понять мои ответы. Просит смерти как избавления. Но в этом ей тоже отказано. Мама совсем не отпускает меня от себя. Конечно, я рядом. И днем, и ночью. Мечусь между ортопедами, кардиологами, анестезиологами и мамой. Ищу выход из безвыходного положения. Муж принес мне в больницу сухой паек: мешок сухофруктов, орехов, шоколада. Родственники поддерживают по телефону. Иногда удается подремать в кресле рядом с мамой или сбежать домой на пару-тройку часов, чтобы прилечь, вымыться и поесть горячего. Нет сил видеть эти страдания. Каждый ее вздох стучит в моем сердце. Так проходит 10 дней. Приближается Пурим.

Праздник Пурим. Еврейский жребий. Я слышу в коридоре больницы веселые детские голоса, смех, музыку. Это школьники пришли поздравить больных с праздником, отвлечь, поднять настроение. Некоторые принесли подарки. У маминой кровати появляется ребенок в пуримской маске и протягивает мне мешочек. В нем два треугольных печенья и большой красивый леденец на толстой крепкой палочке.

Зал ожидания перед дверью операционного блока. Маму взяли на операцию. Собрали бригаду из ведущих анестезиологов. Есть договоренность, что после операции маму поднимут в отделение кардиологической реанимации. Если будет кого поднимать. Заведующий отделением ортопедии уверен, что шансов нет. Однозначно. Говорит мне это прямым текстом. У него уже было два таких случая. Этот – третий. Мой муж stand by ждет в машине на улице. Он заберет меня, когда все будет кончено.

Я стою перед дверью операционного блока и держусь за леденец на палочке. Тот самый, подаренный пуримской маской. Держусь за палочку, как утопающий за соломинку. Больше держаться не за что. В голове мелькают обрывки мыслей, осколки воспоминаний. Раз за разом я повторяю молитву «Шма»: «Слушай, Израиль. Господь – Бог наш, Господь один.»

Меня зовут в послеоперационную палату. Мама жива! Она понимает и разговаривает. Сердце работает стабильно. Операция прошла успешно. Ее возвращают в отделение ортопедии как стандартного пациента. Я плачу. Слезы разрядки. «А что ты плачешь? – удивляется ортопед. – Медицина – наука неточная.»

Вот уже который месяц мы с мамой путешествуем: больница, реабилитационный центр, снова больница. Я при маме. Она – сильная личность. Ее интеллект почти восстановился. Она общается с людьми в режиме нормального диалога, разговаривает по телефону, читает, пишет, самостоятельно ест. Но беспокоят сильные боли, она почти не ходит, пять метров с огромным трудом, когда мы с физиотерапевтом поднимаем ее из кресла. Требуется еще долгий путь восстановления. Она очень старается, но после всего пережитого ей не хватает сил, как физических, так и моральных. Но у меня есть еще одно средство. Я знаю, что еще можно сделать.

Сегодня у мамы день рождения. Моей маме 87 лет. Я подарю ей этот рассказ и принесу леденец на палочке. Палочке-выручалочке... Волшебной палочке... Хранящей нас с того самого первого рассвета в Бен-Гурионе...

Декабрь 2019 года, Хайфа, Израиль

Глобус Израиля

Темной апрельской ночью 1991 года со взлетной полосы варшавского аэропорта уплывал Ноев ковчег. Он был непохож на своего библейского собрата, пересекал не водный океан, а воздушный, и на его борту собрались не «всякой твари по паре», а только бывшие советские евреи. Взрослые и дети, мужчины и женщины, европейцы и восточные, здоровые и больные, сильные и инвалиды. Парами, втроем-вчетвером или в одиночку. Эту пеструю, измученную, напряженную толпу собрала здесь общая цель, та самая, когда-то объединившая подопечных библейского Ноя: спастись из уже обреченно тонущего, но еще существующего мира и добраться до клочка суши. На этот раз из огромного СССР до узкой и короткой полоски вдоль берега Средиземного моря.

Для выезда из СССР требовалось получить на это разрешение власти и выкупить себя из советского гражданства за огромную сумму. Для моей 90-летней бабушки она оказалась равной ее годовой пенсии. Интересно, а откуда должен был бы взять столько денег *одинокий* пенсионер, выживающий только на свою месячную пенсию? Как у него мог собраться годовой избыток? Да и за что, фактически насильно, лишали гражданства людей, поколениями отдававших этой стране свои знания, опыт, умение работать в науке, в промышленности, в искусстве и в организации производства, людей, внесших весомый вклад в восстановление экономики и развитие Советского Союза после всех его революций и войн?

В Варшаву выезжающие добирались самостоятельно из самых разных уголков Советского Союза. Добирались тяжело, кто как мог, с лишениями и опасностями, сутками в дороге, почти без сна, перехватив где-то какой-то еды, героически таща на себе немощных стариков и становясь дорожными врачами для своих больных. Мы ехали втроем: моя мама, моя бабушка, уже несколько лет лежавшая после перелома, и я. Нормального инвалидного кресла не было, и мы, завернув бабушку в одеяло, привязали ее к металлическому шезлонгу на колесах.

Ковчег-самолет набрал высоту и взял курс на Тель-

Авив, чтобы через несколько часов вернуть своих пассажиров в неизвестную им страну их древнего народа. Вернуть из рассеяния. Домой. В совсем другую жизнь. В совсем «другой глобус».

Дома было тепло и непривычно доброжелательно, голубело небо, зеленела трава и цвели цветы на улицах, а на закате огромное солнце стремительно, прямо на глазах, буквально за четверть часа, падало в Средиземное море. Нам приветливо улыбались незнакомые люди в футболках и шортах, а мы никак не могли согреться после страшной Москвы 1990-1991 годов. Тот, кто тогда там был, понимает меня. Того, кто счастливо не понимает, я приглашаю в мои другие рассказы. Еще почти две недели мы с мамой ходили в зимних московских куртках. Позже, изучая иврит, я услышу выражение «теплый дом», теплый в самом широком смысле, согревающий и тело, и душу. Это тепло моих первых впечатлений согревает меня до сих пор, помогая выстоять в непростых испытаниях абсорбции и вообще израильской жизни.

Через много лет на юбилей моего мужа соберутся наши родные и друзья. И те, с кем мы познакомились и подружились уже здесь, и бывшие школьные друзья-одноклассники. Мы сделали большой вечер-капустник, для чего сняли целиком небольшой ресторанчик, чтобы никто нам не мешал. Мы были счастливы видеть, что нас много, и мы все, приехав без языка, без денег, без связей в стране, без знания местных реалий, сумели преодолеть серьезные трудности обустройства, выстояли и, начав жизнь сначала, победили, «встали на ноги» и благополучно устроились. И вот теперь мы можем расслабиться, «отпустить вожжи» и позволить себе праздник. Мы заслужили.

Вечер удался. Остроумные теплые поздравления, воспоминания, три яркие стенгазеты на разные темы праздника, викторина «Знаешь ли ты юбиляра?» с мешком призов за правильные ответы, вручение юбиляру «Знака Качества», а его маме – ордена «За заслуги перед семьей». Атмосфера радости, отдыха и счастья.

И еще я придумала и сделала Глобус Израиля. В отличие от глобуса Земли, круглого, как и положено глобусу, наш «глобус» цилиндрический, как наша протяженная с

севера на юг страна. Суша на этом глобусе имеет очертания карты Израиля. В стилизованных географических названиях прослеживаются корни имен и фамилий наших родных и друзей. Сушу окружает Море Проблем. Но на его акватории есть острова бело-голубых роз, роз Израиля, роз цвета нашего флага. На глобусе они маленькие капроновые, но я видела их большими живыми на выставке цветов. Такие розы действительно существуют. Их вывели израильские цветоводы. И, конечно, в настоящей жизни не бывает роз без шипов. Колючая проволока, рвущая сердце то здесь, то там на земле нашей страны, тоже часть нашей песни.

После этого вечера муж признался мне, что такой юбилей был его тайной мечтой, которую он уверенно считал несбыточной. Когда-то, еще в студенчестве, на юбилее своего учителя, он с тоской подумал и поверил, что у него такого праздника, уж, конечно, никогда не будет. Да, многие из нас тогда были уверены, причем по самым разным вопросам, что им не положено, они не достойны, у них не будет. Интересно, в чем причина: психология галута или что-то еще?

Теплым апрельским днем 2020 года мы с мужем сидели одни за обеденным столом. В Израиле эпидемия Ковид-19. Карантин, самоизоляция. К нам никто не приходит. Еще совсем недавно за нашим столом собирались три поколения, и у каждого человека было свое постоянное место. «Любовь – это отдаление», – так теперь звучит лозунг времени. Счастье, что есть Zoom, Skype и WhatsApp. Суррогатное, но все же общение.

Но, дорогой мой, праздник у нас будет. Я беру две медицинские маски, главных «героев нашего времени», крахмалу их для жесткости и, придав им форму крыльев, прикрепляю к глобусу Израиля. Он сохранился в невредимости с того юбилея, и на нем все так же горят географические названия из имен наших родных и друзей. Я накрываю праздничный стол, наполняю красивую вазу водой, поджигаю в ней плавающие свечи и ставлю на стол НАШ ГЛОБУС. Мы снова все вместе. Ведь люди находятся там, где находятся их мысли. И уже много раз так было в нашей жизни и в нашей истории, что черная полоса становилась ВЗЛЕТНОЙ.

Самое синее в мире

«Случайностей не бывает. Все в мире предопределено», – говорит мне старый раввин. Мы сидим с ним на веранде гостиницы Дан в городе Эйлат на берегу Эйлатского залива на Красном море. Я здесь на международной научной конференции. Мой собеседник – по каким-то своим делам. За окном быстро сгущаются сумерки. Вечереет. Я смотрю на море и думаю о том, как интересно движется по спирали моя жизнь, совершая виток за витком по определенным реперным точкам и оставляя мне, очевидно для ориентира, метки судьбы. «Всевышний всегда дает нам знаки», – слышу я голос старого раввина.

Когда-то, много лет назад, на заре нашей израильской жизни, мы с мамой также сидели вечером в холле этой гостиницы. Днем успешно прошел мой доклад, стоивший мне огромного напряжения. Тогда это была моя первая международная конференция такого масштаба и представительства, к тому же впервые с обратной стороны того самого «железного занавеса», за которым выросли и я, и мои родители. Незнакомая многоотраслевая аудитория, разные научные школы, рабочий язык английский, для меня иностранный и далеко не свободный. Впрочем, и мой иврит оставлял желать лучшего. Мы с мамой – новые репатриантки из Советского Союза 1991 года выпуска и здесь в Израиле начали новую жизнь. Вторая попытка. Второе рождение. Опять учимся разговаривать, читать, писать, жить в новой незнакомой реальности, причем, в отличие от советской жизни, на трех языках одновременно, из которых два иностранные и срочно требуют совершенства. Правда, на этот раз в моем багаже есть образование, профессия, специальность, опыт предыдущей жизни. Хотя оказалось, что опыт далеко не релевантный, часто вообще не применимый в этих новых условиях. А потому даже в основных вопросах приходится собирать информацию по крупицам, иногда методом «разведки боем», действовать где интуитивно, где на основе общей логики, а где учась на своих и чужих ошибках. Как когда-то в юности, много лет назад...

Много лет назад теплой июльской ночью мы втроем, я и двое моих друзей-одноклассников, сидели во дворе

нашей московской, тогда еще советской, школы. Уже были сданы выпускные экзамены, отшумел школьный бал и был получен аттестат зрелости. Впереди была другая, теперь уже взрослая, жизнь в другом окружении и по другим законам. Она волновала своей неизвестностью, дарила надежду и позволяла строить планы. А мы пытались понять, как она устроена, где в ней место каждого из нас и где от нее ключи. Мы искали инструкцию к этой жизни. Мы просидели и проговорили всю ночь, но волновавшие нас вопросы остались неразрешенными. Мы были друзьями и ровесниками-одноклассниками, имели примерно одинаковый уровень развития и жизненный опыт, а потому мало что принципиально нового могли сказать друг другу.

Полезной доступной литературы у нас тогда не было. Разговоры с более взрослыми знакомыми, родителями и немногими доверенными учителями тоже ничего не проясняли. Нам предлагались общие замечания типа «тон делает музыку», «необходимо уметь ладить с людьми», «ставить серьезные цели», «уметь решать задачи», «найти свой путь в жизни» и т. п. Но КАК ладить с людьми, и со всеми ли людьми нужно ладить, ведь люди все такие разные? КАК правильно ставить цели и КАК отличить серьезные от не очень серьезных, ведь приоритеты тоже меняются по ходу жизни? КАК найти свой путь в жизни и КАК отличить свой путь от не своего, ведь в жизни все так взаимосвязано? Этого никто из нас тогда не знал.

Я чувствовала себя на развилке, на большой узловой станции моей жизни, первой такой большой и важной, и должна была выбрать правильный поезд, не зная ни его точного маршрута, ни расписания, ни конечной станции назначения. По ассоциации вспоминался тот сказочный персонаж на коне из русской народной сказки, который стоял у природного камня на развилке из трех дорог. Кто помнит эти сказки, тот знает, что на камне было написано: «Направо пойдешь – коня потеряешь, налево пойдешь – голову сложишь, прямо пойдешь – ...» Только в отличие от сказочного героя, однозначно знавшего, к чему приведет каждая из дорог, мне приходилось выбирать интуитивно, часто в отсутствии достоверной информации, пытаясь экстраполировать предыдущий опыт на предполагаемое возможное будущее.

И очень хотелось иметь некий компас, золотой ключик Буратино, позволяющий выбирать оптимальную дорогу и эффективно двигаться по ней.

Моя мама, превратившаяся для меня к концу школы в старшую сестру-подругу, считала, что мастер-ключей от жизни нет и быть не может. Хотя бы потому, что у каждого человека своя жизнь, уникальная и неповторимая, и то, что правильно и приемлемо для одного, не всегда годится для другого в аналогичной ситуации. Но мне интуитивно казалось, что из всего многообразия жизни можно выделить какое-то количество типичных ситуаций, для которых человечество, за всю свою долгую историю, выработало алгоритм успешного поведения. По молодости лет мне очень хотелось верить, что существует универсальный набор инструментов, способный в любой жизненной ситуации дать человеку оптимальное именно для него решение с учетом его индивидуальных особенностей.

И вот прожита первая половина жизни: университет, защита диссертации, успешно начатая научная карьера, материальная база благополучной обеспеченной жизни (московская квартира, дача, машина, любимая интересная работа), а затем полное разрушение моего мира, развал СССР, репатриация, жизнь с начала, выживание и восстановление статуса, вновь сделанная успешная научная карьера и заново построенная жизнь. Судьба часто дарила меня удачей, но и была уроками. Были успехи и победы, но были ошибки и провалы тоже. Иногда приходилось вытаскивать себя за волосы из болота, подобно Мюнхгаузену, иногда на это не хватало сил. И каждый раз, оглядываясь назад на очередной развилке, я спрашивала себя, правильную ли дорогу я выбрала. А как бы сложилась моя жизнь, пойдя я по другой дороге? С кем и чем я бы там встретилась, что бы делала, кем бы стала? Снова и снова я старалась понять, что и почему происходит со мной, и как я могу или должна строить свою жизнь. Есть ли, и где он, мой золотой ключик? Как он работает? Как его найти? Периодически жизнь указывала мне возможные направления поиска. Она познакомила меня с людьми, открывшими мне двери в основы иудаизма, нейролингвистического программирования, психологии и раджа-йоги.

Мы с моим собеседником-раввином оставляем

веранду гостиницы и выходим на набережную ближе к морю. «Бессмертные души – это фундаментальное убеждение иудаизма. Душа возвращается в этот мир для выполнения задания Всевышнего, часто связанного с непроработанным в прошлых жизнях. Для этого ей посылаются определенные люди, ситуации и события. То, что у тебя есть, и то, чего у тебя нет, это все не случайно. Это – твои инструменты. То, что человеку дается очень легко, он уже сделал в прошлой жизни. То, что человеку дается тяжело, но глубоко внутри он знает, что обязан это сделать, – это и есть именно то, что человек призван исправить в этой жизни», – говорит мне мудрый знаток Торы.

Я смотрю на удивительно прозрачную воду Эйлатского залива и вспоминаю мою прабабушку. Лето на даче. Прабабушка варит куриный бульон. Я, маленькая девочка, еще дошкольница, верчусь рядом с ней. «Настоящий еврейский бульон должен быть прозрачным, как *воды* Красного моря», – говорит она мне. «В море вода, а не воды. Правильно говорить: вода в море», – поправляю я. Моя прабабушка почти не знает русского, только немного разговорный на самом бытовом уровне, ее родной язык – идиш, а я, дошкольница, горжусь тем, что уже умею читать и знаю, как правильно. «В Красном море – *воды*», – мягко объясняет мне прабабушка, чему-то улыбаясь, как будто пророчески видит тот день, когда я действительно войду в воды Красного моря.

Спустя десятки лет, изучая иврит в Израиле, я узнаю, что здесь, в этой иссушенной стране, где жизнь еще недавно целиком зависела от немногочисленных дождей, где нередко годы засух, где каждая капля воды имеет ценность и где даже самые малые дети уже воспитаны беречь воду, в языке моего народа слово «вода» существует *только* во множественном числе: *воды*. Прозрачные воды Красного моря, соленые воды Мертвого моря, дождевые воды от Всевышнего, питьевые воды из кулера, водопроводные воды из крана, минеральные воды в бутылке, талые воды, дистиллированные воды, обессоленные воды опреснительной установки. *Воды* как отражение психологии выживания нашего древнего народа, выживания в условиях тотальной хронической нехватки второго после воздуха жизненно важного

ресурса. И даже обычная вода, называемая по-русски пресной, на иврите называется сладкой.

Мои бабушка и дедушка, врачи, придавали большое значение отдыху на море и все лето проводили со мной на нашей одесской даче, улетая из Москвы в конце мая и возвращаясь в начале сентября. В середине или в конце лета обычно на какое-то время к нам присоединялись мои родители – провести на даче весь или часть своего ежегодного отпуска. Дача находилась на 14-ой станции Большого Фонтана и стояла на вершине глубокого обрыва, образовавшегося в результате страшного оползня глиняного склона, в котором, как мне рассказали старшие, погибли два человека. С вершины обрыва открывался величественный вид на Черное море, бескрайнее, уходившее за горизонт и вправо-влево насколько хватало глаз. В солнечный день синее море переливалось желтыми бликами, а ночью завораживало волшебной лунной дорожкой. «Там, за горизонтом, находятся другие страны», – объясняет мне бабушка. Мы стоим с ней на вершине обрыва. Мне пять лет. Меня удивляет это новое знание. Оказывается, что страна, в которой мы живем, имеет границу, и там, за морем, еще что-то есть.

За годы, прошедшие со времени оползня, сам обрыв, довольно крутой, успел зарости диким кустарником, шиповником, цикорием, а кое-где виднелись отдельные кусты жасмина и редкие деревья шелковицы, чудом пережившие оползень. На самом верху обрыва росло странное дерево. Оно было одно такое во всей округе. Низкорослое, с маленькими двухцветными листочками, зелеными сверху и серыми снизу, с малюсенькими, не крупнее вишневой косточки, зелеными плодами-завязями овальной формы с заостренными концами, просто какой-то заморыш. «Это оливковое дерево, – говорит мне бабушка. – Оно больше не вырастет и его плоды не созреют. Ему здесь холодно. Такие деревья растут в Средиземноморье. Сюда оно попало *случайно*.»

От дачи к морю по обрыву петляла протоптанная в глине тропинка без ступенек и, разумеется, без перил, больше похожая на полосу препятствий, осыпающаяся под ногами в сухую погоду и скользкая после дождя. «Не нужно хвататься за кустарник. Это ненадежно. Ветка может обломиться», – говорит мне мама. Мы спускаемся с ней к морю.

Мне трудно идти. Ноги разъезжаются. «Смотри, куда ставишь ногу. Выбирай место и, управляя своим телом, держи равновесие», – учит меня мама. Ни я, ни она еще не знаем, что, повзрослев, я возьму этот ее совет на вооружение и много раз в жизни буду с благодарностью вспоминать мою маму, в очередной раз убеждаясь в правильности ее слов: полагайся на себя; думай, что делаешь; активно управляй своей жизнью.

Ежедневные морские купания, разумеется, были главным пунктом повестки дня нашего летнего отдыха. Для старшего поколения это было и удовольствие, и эффективное средство оздоровления, а я, понятно, ни о каком здоровье не думала. Я просто любила море, а оно, похоже, любило меня. Я плавала с маской среди огромных камней, обломков того самого оползня, щедро обросших водорослями и заселенных морскими обитателями, и море великодушно показывало мне свою подводную жизнь. Большая колония черноморских мидий процветала на ржавых сваях старого давно заброшенного пирса. Шустрые стайки мелких рыбок деловито сновали туда-сюда, крабы вылезали из-под камней, густые заросли коричневых водорослей, прочно закрепившись на камнях, раскачивали свои кроны вместе с током воды, а зеленые водоросли, вооружившись воздушными пузырьками, свободно плавали по поверхности. Вдоль кромки воды на границе двух стихий, воды и воздуха, процветала бурная жизнь огромной колонии раков-отшельников. Они почти вылезали из своих раковин навстречу набегавшей волне, что-то ловили и прятались обратно, чтобы снова выйти к следующей волне. Бывало, некоторые раки оставляли свои раковины и, подравшись, залезали в чужие, очевидно более комфортные. А после шторма море дарило мне подарки. Оно выбрасывало на берег осколки перламутровых раковин и кусочки зеленого стекла, обточенные прибоем до абсолютной гладкости, гальку необычной формы, а изредка и раковины рапаны, в которых, если приложить их к уху, еще долго звучало эхо отшумевшего шторма. Перламутр меня завораживал. Я следила глазами за волшебными переливами цветов, и они уносили меня в другой мир, мир сказки. На пляже было малолюдно, в основном местные дачники, и довольно тихо. Слышен был шум набегавшей и

откатывающейся волны, шуршание гальки под ногами, стрекотание цикад на обрыве, шум мотора редких моторных лодок, выходивших из-за мыса от куреней летней резиденции артели местных рыбаков. В этом хоре периодически солировали настойчивые призывы одесских мамаш, тщетно пытавшихся заставить своих чад выйти из воды, и резкие крики чаек, охотившихся чуть поодаль от береговой линии.

Мне было семь лет, когда однажды, после шторма, я нашла на пляже сидящую на песке чайку. Она с трудом держала голову и даже не пыталась улететь при моем приближении. То ли больная, то ли уставшая. Внешних повреждений видно не было. Я попыталась ее покормить размоченным в воде хлебом. Я много раз видела, как чайки летят за кораблями и хватают из воды брошенный им хлеб. Но эта чайка не стала есть. Наверное, не могла. Я взяла ее в руки и отнесла домой, надеясь на помощь старших. Однако дома моя бабушка-врач сказала, что птицы болеют орнитозом. Эта болезнь заразна, опасна для людей, и поэтому диких птиц в руки брать нельзя, а эту чайку нужно выбросить, а руки хорошо помыть. Выбросить чайку я не могла, она явно нуждалась в помощи, ведь мы в ответе за того, кого приручили, и я понесла ее биологам на противооползневую станцию, находившуюся чуть дальше на обрыве по соседству с нашей дачей. Однако на станции мне сказали, что птицами они не занимаются, и мы с чайкой пошли к рыбакам. У рыбаков для моей чайки нашлась рыба, но бедная птица даже не пыталась есть. Больше идти мне было некуда, и я в полном отчаянии стояла между лодками, пока какой-то старик-рыбак не забрал из рук несчастного ребенка умирающую птицу.

Об этой истории с чайкой я вспомнила в Израиле, когда увидела в небе огромные стаи перелетных птиц, пересекающие нашу страну дважды в год по пути из Европы в Африку и обратно. В нашей маленькой стране, при всех наших проблемах – политических, экономических и безопасности, – оборудованы специальные станции-гостиницы для больных и уставших птиц, где есть врачи, оборудование, лекарства, корм и места для отдыха перед продолжением перелета. Две самые крупные станции находятся на северо-востоке в долине Хула и на юге в районе Эйлата. Станции

поменьше есть во всех национальных парках, зоопарках, биологических станциях и в некоторых кибуцах. Иногда случаются любопытные истории. Так, в последние годы огромные стаи журавлей, останавливающиеся на отдых на озерах долины Хула, отказываются продолжать свой перелет в Африку и остаются зимовать у нас. А зачем, если и здесь хорошо? Недалеко от города Хайфа на одной из вершин горной гряды Кармель оборудована специальная площадка. Место охраняется символическим шлагбаумом и табличкой с надписью на иврите и английском: «Место кормления орлов. Просьба не заходить и не беспокоить птиц.» А на станции в заповеднике Гамла учат молодых птиц беречься электрических проводов. Поддержка слабых, помощь нуждающимся в нашей еврейской традиции. Так написано в Торе: не переведутся нищие на земле, поэтому раскрывай руку свою... И наша маленькая страна, вынужденная бороться за свое право на жизнь с самого первого дня своего существования, находит силы и средства помогать всем: и своим, и чужим, и людям, и животным, и растениям. Израильские передвижные госпитали работают во всех горячих точках, где их готовы принять, причем часто приезжают первыми и уезжают последними. Израиль разрабатывает и делится со всем миром самыми передовыми технологиями в хайтеке, науке, медицине, сельском хозяйстве. «Вот я даю тебе сегодня жизнь и смерть, благословение и проклятие, и выбери жизнь», – цитирует мне из Торы на иврите мой собеседник-раввин.

Иногда по вечерам, сидя в дальней комнате одесской дачи, мой дедушка крутил колесико настройки транзистора «Спидола» и гулял в радиоэфире. Передачи «Маяка» и других советских радиостанций перемежались иностранной речью. Они с бабушкой еще до революции успели закончить гимназии в царской России и кроме русского владеют французским, немецким, английским, латынью и греческим. А для меня эти непонятные звуки на незнакомых языках – свидетельства существования Зазеркалья, параллельного мира, другой цивилизации. Эти звуки волнуют меня, возбуждают интерес, будоражат мое воображение. Я думаю о том, как может выглядеть этот мир, как он живет и увижу ли я его, когда вырасту. Этот желтый транзистор «Спидола» с

черными колесиками настройки я ясно вижу до сих пор. Он честно прослужил нашей семье много лет: сначала моему деду, а после его смерти – моему отцу и мне. И, похоже, даже не ломался. Во всяком случае, я не помню, чтобы его чинили. «Самое синее в мире Черное море мое», – слышу я голос Леонида Утесова, льющийся из «Спидолы».

Однажды Зазеркалью удалось прорваться ко мне. По какой-то невероятной оказии дед смог попасть в круиз по Средиземному морю. Кроме впечатлений и рассказов дед привез из потустороннего мира необыкновенные по тем временам вещи: надувной резиновый матрас с резиновым же ножным насосом к нему, ментоловую жвачку и подарочный набор шариковых ручек. На этом матрасе я проспала почти все лето, используя его вместо обычного. Спать было не очень удобно, но недостаток комфорта с лихвой компенсировался экзотикой. Тем же летом такие матрасы появились на пляже. Одесса – портовый город, и, видимо, моряки начали привозить. Все матрасы были двухцветные – красная резина с одной стороны и синяя с другой, – но различались по конструкции: двух- и трехсекционные. Трехсекционные можно было сложить в кресло. Теперь такие конструкции мы называем трансформерами.

Ментоловая жвачка удовлетворила мое любопытство, но по удовольствию сильно уступила привычным ирискам и леденцам и вскоре сильно потеряла для меня в своей значимости. Однако, как ни смешно, она стала провокатором грубой политической ошибки и проводником образа классового врага. Я принесла пару ментоловых пластинок в школу и угостила одноклассников на перемене. А уже через час разразился скандал. Очередной урок отменили, а вместо него устроили собрание. Тройка преподавателей в лице классной руководительницы, завуча и директрисы школы объясняла нам, второклашкам-несмышленишкам, как недостойно мы себя ведем, не соответствуя высокому званию октябренька. Оказалось, что такие безобидные с виду пластинки специально выпускаются коварными капиталистами для угнетения рабочего класса. Когда их жуют, объясняла нам учительница, кровь приливает к желудку и отливает от мозга, заставляя человека хуже соображать. А плохо соображающий человек не может хорошо учиться и освоить

квалифицированную работу, чем и пользуются зловередные капиталисты. И нам всем должно быть стыдно. Но мне стыдно не было. Мне было странно, что рабочий класс, самый сильный и передовой класс общества, как нас учили в школе, зависит от маленькой резиновой пластинки, которую даже я могу просто выбросить, когда захочу.

Набор шариковых ручек поразил мое воображение. Шариковые ручки тогда были экзотикой. Об их существовании уже было известно, но в обиходе их еще не было. Писали перьевыми ручками жидкими чернилами. А тут я держу в руках просто чудо из сказки. Большая плоская коробка с откидывающейся верхней крышкой была изготовлена из невиданной доселе блестящей атласной черной и белой бумаги и была похожа на дорогой шоколадный набор. Внутри коробки десятка два удивительных пластиковых ручек разного размера, формы и цвета лежали каждая в своем гнезде. Гнезда образовывали геометрические фигуры. Часть ручек была одноцветной, с одним стержнем внутри, синим или черным. Другая часть – двухцветные: синий и красный. Третья – трехцветные: синий, красный и черный. А две ручки были четырехцветные: синий, красный, черный и зеленый. В верхней части многоцветных ручек были бусинки соответствующего цвета, позволявшие включать нужный стержень. А в середине коробки лежало что-то совершенно необыкновенное. Оно было похоже на очень-очень толстую сигару из черного пластика, заостренную с одного конца и усыпанную множеством разноцветных бусинок с другого конца. Это была ручка 13 (тринадцати!) цветов. Там были даже желтый и коричневый. Больше никогда в жизни ни такая ручка, ни желтый и коричневый стержни мне не попадались. Этот набор пролежал еще довольно долго, прежде чем я начала им пользоваться. Я не могла разрушить волшебную сказку. Периодически я открывала коробку и рассматривала ее содержимое, раздумывая о том, как выглядит тот мир, откуда она пришла.

Как-то, кажется в пятом классе, нам в школе задали написать сочинение на тему «Что бы я сделала, если бы у меня был миллион рублей». Предполагалось, что мы, юные пионеры, проявим гражданскую сознательность и напишем что-то типа: отдам родной стране на ударные

коммунистические стройки, помогу голодающим детям Африки, куплю игрушки и учебники бедным детям воюющего Вьетнама и тому подобное. А я, простодушный домашний ребенок, честно написала, что поеду путешествовать по миру. Тому, кто застал и еще помнит политическую обстановку в СССР 60-х и 70-х годов 20-го века, не нужно объяснять, какое святотатство я совершила. Тому, кто не понимает, даю вводную: торжество развитого социализма, железный занавес, *граница на замке*, загнивающий капитализм. Родителей вызвали в школу, мне поставили тройку по поведению (двойку, наверное, побоялись) и вызвали «на ковер» к комсоргу школы и к директору. Помню с каким напряжением мама ждала возвращения отца из школы. Под угрозу была поставлена его карьера, объяснила мне мама. А мне было очень плохо от того, что я стала невольной причиной неприятностей в семье.

Результат этого инцидента меня поразил. Родители подарили мне *Атлас Мира* и много лет ежегодно выписывали журнал «Вокруг света». Атлас стал моей любимой настольной книгой. Моим первым экскурсоводом, компаньоном, проводником в Зазеркалье. Мы прошли с ним за детьми капитана Гранта, ходили с Одиссеем по греческим островам, с Афанасием Никитиным за три моря, с Туром Хейердалом пересекли Тихий океан на плоту Кон-Тики и пришли в Полинезию, побывали на острове Пасхи, прошли по Уссурийской тайге с Дерсу Узала, гладили слоновых черепах на Галапагосах и лам в Андах Южной Америки и еще очень много всего. Огромное количество книг раскрылось мне еще одной стороной, наполнилось дополнительным звучанием. И еще атлас научил меня работать с каталогами, предметными и другими указателями, читать карты, ориентироваться в часовых поясах, вычислять координаты, время и расстояние. Но была в этом атласе страница, на которой почему-то неизменно задерживались мои руки и глаза, хотя ни с какими книжками она связана не была. Страница называлась Палестина. На ней государство Израиль с уродливо выгрызленным посередине куском протянулось вдоль берега Средиземного моря к Красному морю. Географические названия: Иерусалим, Тель-Авив, Цефат, Седом, Хеврон, Тиверия, Иерихон вызывали напряжение, а странный

холодок полз по спине. Интернет тогда еще не существовал даже в фантазиях, а в доступных школьнику городских библиотеках никаких книжек про Израиль и Палестину не было. Единственным источником были средства массовой информации: израильская военщина, израильские агрессоры, оккупированные палестинские территории. Но вместо праведного гнева эти агитки будили во мне чувство запретной причастности и желание защитить и защититься.

Примерно в середине школы одесскую дачу продали. Для моих бабушки и дедушки, в силу их возраста, дача с ее ежесезонными полетами туда и обратно стала больше нагрузкой, чем отдыхом. Но Черное море осталось со мной. Оно оживало в произведениях Катаева, Паустовского, Бабеля, Грина и в огромной причудливой раковине, стоящей у бабушки на столе. «Самое синее в мире», – пела мне желтая «Спидола».

После окончания школы я опять ненадолго оказалась в Одессе. Бабушка поехала по какому-то делу и взяла меня с собой для сопровождения. Все так же цвели платаны на Пушкинской улице, спускалась к морю Потемкинская лестница, белела колоннада Воронцовского дворца и восхищало своей архитектурой здание Одесского оперного театра, а памятник Дюку де Ришелье на Приморском бульваре зорко контролировал деятельность морского вокзала и всматривался вдаль. Но того, настоящего живого моря, моря моего детства уже не было. Его убили люди, превратив доброго великана в средство потребления и источник дохода. Не было того запаха и вкуса воды, не было водорослей, мидий и раков-отшельников, из воды убрали огромные камни, стоя на которых одесские мальчишки когда-то ловили на удочку знаменитых одесских бычков. Вдоль моря были построены гостиницы, увеличено количество домов отдыха и пансионатов, а в Аркадию провели канатную дорогу. Галечные пляжи Ланжерона, Аркадии и узкие полудикие пляжи Большого Фонтана, зажатые между глинистым обрывом и водой, были обустроены, расширены и засыпаны песком для удобства отдыхающих. Причем на все местного желтого песка не хватило, и тогда привезли серый мертвый песок Одесских лиманов. На меня и нас всех, знавших и помнивших прежде море, этот серый песок производил угнетающее впечатление

пепелища. Морское дно вдоль береговой линии было выровнено и тоже засыпано песком, отчего вода перестала быть прозрачной, а придонная жизнь погибла. На некогда дикий пляж моего детства вела широкая каменная лестница с перилами и промежуточными площадками для отдыха со скамейками, а по низу обрыва вдоль моря была проложена автомобильная дорога. На пляже было многолюдно, в основном приезжие иногородние курортники-отдыхающие. Плотнo лежащие и сидящие тела, где по одному, по двое, а где группами и семьями, производили впечатление лежбища тюленей. Здесь же валялись обглоданные початки вареной кукурузы, называемой пшенкой на одесском языке, огрызки яблок и груш, косточки абрикосов и персиков, бумажные обертки от мороженого. У некоторых пляжников были с собой транзисторы, оглашавшие все лежбище дворовыми или блатными песнями, среди которых редко-редко можно было услышать песни Высоцкого. В воде тоже было тесновато. Плавали взрослые и подростки, стояли и судачили кумушки, дрейфовали дети в надувных кругах и лежали тела на надувных матрасах. Через много лет, отдыхая на прекрасных курортах Черного, Красного и Средиземного моря, я поняла, что, возможно, точно так же бездумно и грубо топчу чье-то детство.

Наш хайфский дом тоже стоит на вершине крутого склона. Это геологическое образование называется «вади» – ущелье, образовавшееся на месте пересохшего русла реликтовой реки. Иногда, в редкие дождливые зимы, дно вади заполняется водой, стекающей с горы Кармель. Вади «впадает» в Средиземное море. С вершины обрыва открывается замечательный вид на море, уходящее за горизонт и вправо-влево насколько хватает глаз, а за горизонтом лежит другая страна. Как когда-то в детстве... По всему склону вади растут оливковые деревья. Целая роща: мощные стволы, густые серебристые под ветром кроны, крупные мясистые плоды. Мои соседи регулярно собирают здесь большой урожай. Для удобства жителей расположенных на склоне домов вдоль верхней части склона построены три террасы, одна под другой. Железная наружная лестница, выкрашенная по какой-то причине именно в зеленый цвет, соединяет среднюю и верхнюю террасу. Такая же зеленая железная наружная

лестница, как та, которая вела на второй этаж дорогого мне дома в одесском двореике моего детства, от воспоминания о котором ноет сердце. А на мне надеты замечательные украшения из перламутра новозеландских ракушек пауа, подаренные нашей австралийской подругой. Яркий многоцветный перламутр похож, наверное, на море, давшее ему жизнь. Зеленое на ветру, отливающее желтым на солнце, розовое, горящее огнем на закате, пепельное с пенными барашками в шторм, с черными разводами в особо глубоких местах, когда-то фиолетовое, а в хорошую погоду, наверное, синее-синее... Буйство красок и потрясающие замысловатые переливы цветов отзываются во мне эхом того скромного, кремового с легким голубым отблеском, перламутра черноморских ракушек. Виток спирали судьбы, неслучайные метки-ориентиры... Или, может быть, якоря, хранящие корабль в правильном месте в нужный час?

Мой собеседник прощается и уходит. Его ждет мидьян в синагоге. Приближается время вечерней молитвы, а за ней наступит новый день. У нас, у евреев, лунный календарь.

2020 год, Хайфа, Израиль

Арсен Терованесов

Рассказы

Осень, осень, осень

Осень, осень, осень. Я стал стареть или взрослеть, а может, мудреть. Осень начинаю любить больше, чем весну. Любуюсь этими пурпурно-золотыми деревьями, беру в руки листву, поднимаю ее ногами.

Осень я любил в детстве, как все первоклассники. Она пахла манящим и неизведанным. К восьмому классу осень, как символ начала школьной рутины, стала раздражать. Я никогда не мог понять, почему нас необходимо так резко «окунать» в учебу. Взяли и... Первого сентября в старших классах вторым уроком шла геометрия. Геометрия! Этот предмет не то что учить страшно, его произносить жутко. Я понять не мог, когда же закончилось лето? Еще неделю назад мы гуляли, смотрели на слегка облачное небо, успокаивали себя, что до окончания августа целых 7 дней. Сейчас тоже солнечно, пока еще, но мы уже за партой, передо мной треугольники и параллелепипед нарисованы мелом, голос учителя заставляет вернуться к обыденности.

В ноябре учитель украинского языка на уроке нам говорила: «Сьогодні ви пишете твір під назвою “Танок останнього листа”». Погляньте у вікно і подивіться як

останній лист відривається від гілочки і кружляє, кружляє, кружляє». Я глянул в окно, картина была следующая: во дворе стояла грязная «Волга» рядом с переполненной урной и одинокий мужчина курил неподалеку. Сильные порывы ветра и морозящий дождь уже оборвали всю растительность. На свой танец последнего листа я не успел и понял, что в этот день осеннее вдохновение ко мне не придет.

Сейчас я полюбил осень. Берусь руками за стволы деревьев, наслаждаюсь прохладой, вспоминаю, как в детстве в парке кувыркался в листве.

Я правда старею. Мало того, что я наслаждаюсь природой, так у меня еще желание положить свои мысли на бумагу и даже хватает наглости представить эти ностальгические нотки публике...

10.09.2018

Бормотуха

20 лет. Ты пьешь бормотуху, купленную в пляжном киоске, которое продавец гордо называет «авторским вином». Голова болит, в желудке мутит. Цель была напиться, не думая ни о чем.

30 лет. Ты пьешь водку. Но ее ты купил в супермаркете. Она подороже, купил ты ее на кровно заработанные деньги, поэтому головной боли не замечаешь. Стыдно признаться самому себе. Ты же не можешь для себя купить плохое.

40 лет. Ты пьешь коллекционный коньяк. Не пьешь, слегка пригубливаешь подаренный друзьями. Снисходительно, но с уважением предлагаешь, наливаешь. Срок выдержки напитка пропорционален успеху и положению в обществе, которого ты достиг. К нему относишься как к данности, неотъемлемой части кабинета и той жизни, которую создал сам.

50 лет. Ты угощаешь гостей напитком собственного приготовления. Собственноручно вино поставил, оно выдержалось, а ты с умиротворенным восторгом наблюдал за процессором брожения. Ты угощаешь. Нет. Ты представляешь гостям наливку как тобою рожденное дитя. Все пьют,

говорят, что лучшего в жизни не пробовали.

Выясняется, что высшая стадия успеха – это потягивать и предлагать бормотуху, сделанную своими собственными руками.

Ирония в глазах кобылы

Настоящий мужчина должен в этой жизни, как известно, посадить дерево, вырастить сына, построить дом и уметь водить машину. Ну как уметь? Ну, хотя бы попытаться просто тронуться с места.

Один раз я тоже пытался тронуться на нашем автомобиле Ваз 2110, в простонародье – десятка. Тогда я занимался верховой ездой. Мы ездили в конноспортивный клуб, который располагался в деревне. С трассы сворачивали на проселочную дорогу, которая через поле вела в конюшню.

Папа свернул с трассы, дал мне сесть за руль, сел рядом, предусмотрительно положил левую руку на ручной тормоз. Я, как прилежный ученик, пристегнулся, выжал сцепление, ручку переключения скоростей с нейтральной перевел на первую. Мягко тронулся и поехал по проселочной дороге. Скорость небольшая, до 20 км/ч, хотя мне казалось, что я мчался как по автобану. Солнышко светит, поле пустое, на проселочной дороге ни души. Дорога немного сворачивала влево, и вдалеке, возле самой конюшни несколько лошадей мирно щипали травку. А еще возле конюшни стоял «жигуль». Дальше вы догадываетесь, что произошло, то есть повествование вполне предсказуемое. Перефразируем Антона Павловича: «Если в поле стоит “жигуль”, то в него должен кто-то въехать». Главное, отец мой говорит: «Хорошо едешь, пристраивайся за “жигуленком” и останавливайся». Позже он признал ошибочность этих слов. Я издали прицелился и неотвратно приближался к логическому концу. В общем, все произошло по законам драмы. Все предметы на сцене существуют для чего-то. «Жигули» и «десятка» не зря появились в этом поле... Я, подъезжая к «жигулю», или газ с тормозом перепутал, или не сильно тормоз выжал. Помню крики «Тормози, впереди машина! Тормози!!! Стооп!!!» и скрежещущий звук ручного тормоза.

Отец позже вспоминал: «Я смотрю, “жигуль” приближается к нам. Я кричу, понимаю, что надо тормозить. Рванул ручник на себя. Смотрю, ты вцепился в руль и меня ни слышишь. И мысль: или тебя по голове треснуть, или из машины на ходу выпрыгнуть...» Папа так сильно тянул ручник, что машина стала передвигаться какими-то скачками, медленно, но верно приближаясь к своей жертве. Лошади прекратили жевать и с интересом смотрели на эту сцену. Я в «жигуль» не въехал. Я «жигуль» «подцепил» сзади передним бампером, продвинул вперед метра на два, только потом остановился. В жигулях мирно спал водитель, а рядом с ним охраняла его сон какая-то женщина, судя по ее дальнейшему поведению – жена. Она выскочила из машины, заламывая руки, стала кричать. Что кричать, не помню, вокруг все было туманно. Водитель «жигулей» вышел из машины, посмотрел внимательно, как-то театрально показал рукой на пустое поле и интеллигентно, без матов, сказал, обращаясь ко мне: «Мужик, тебе что, места мало, да?».

Мы, конечно, извинились, отец дополнил извинения большим спасибо. «Жигули» не пострадали. Женщина успокоилась. И только ироничное лошадиное ржание, которое сопровождало этапы разборок, долго еще звучало в моей голове.

Откуда мы родом?

Вначале была голая степь, где под палящим солнцем расположились несколько хуторов. Вдруг геологи обнаруживают в этой степи залежи угля, металла и других ценных материалов, продажа которых обещала принести большие прибыли. Прискакали инженеры, проверили информацию, приехали предприниматели – детально подсчитали выгоду и кинули клич на всю тогдашнюю империю – «Народ, айда на заработки!» И со всех концов страны, вне зависимости от национальности, вероисповедания и даже профессии, потянулись бойким шагом мужики с семьями и без, бедные и с достатком, беглые и отставные, искатели приключений и романтики. Пришли в самую глубь, туда, за черным золотом. Там, под землей, убивая собственное здоровье и надежду на

нормальное существование, они пытались, работая, найти свое счастье. И находили... и основали село. В это село стали приезжать ремесленники, торговцы, строители, врачи, учителя, рабочие, крестьяне. Все вместе построили красивый город миллиона роз и множество других городов. Последние 200 лет они крутились в этом многонациональном котле.

Какой мы национальности? То ли украинцы, то ли русские, то ли евреи, то ли армяне, может, татары, греки или грузины, есть даже потомки немцев, британцев. Вопрос национальности в Донбассе – это самый бестолковый вопрос. Не бестактный, а именно бестолковый. Все равно однозначно ответить невозможно, потому что в генах этих жителей представлена вся карта бывшей империи.

Варясь в собственном соку, они прошли революции, репрессии, потрясения, воевали в 1920-е и 1940-е годы, строили коммунизм, пережили 1990-е... Привыкли всегда быть самими... Самые лучшие певцы из Донбасса – Кобзон, Гуляев, Соловьяненко, самые лучшие спортсмены – Бубка, Подкопаева, футбольный клуб лучший, космонавт Береговой отсюда и композитор Прокофьев...

Отличительная наша черта – это полупролетарская полуинтеллигентность, смешанная с романтизмом. Шахтер, профессор, врач или учитель... если в утреннем автобусе раздастся «А белый лебедь на пруду качает павшую звезду...», сразу становится теплее на душе, мы улыбаемся...

Вот такие мы, вечно стремящиеся к успеху, головой работаем как отбойным молотком, пробивая себе обозначенную цель. Одни смотрят на нас с уважением, другие – с недоумением, третьи – с завистью. Мы никого не оставляем равнодушными, потому что чем-то отличаемся от всех. Донецкие в Харькове, Киеве, Москве, Берлине, Тель-Авиве. Бродим по миру непонятые и ищущие место под солнцем. Полуармяне, полуевреи, полуукраинцы, полугреки. Мы «полу». Найти бы место, где стать «целым», цены бы нам тогда не было... А целые мы только в Донецке.

Апрель 2016

Немного чертовщины в хайфском округе!

Каждый человек, который что-то читал, слышал, смотрел об Израиле и, в частности, о городе Хайфа, – знает, что в этом городе есть такая достопримечательность, как Бахайские сады. Этот заповедный комплекс представляет из себя удивительный по своей красоте архитектурно-природный ансамбль, который стал символом этого города. И вообще, север с центром в Хайфе – это не пустыня, а самая что ни на есть зеленая зона с пальмовыми, апельсиновыми и лимонными деревьями, плоды которых можно срывать с веток, идя по улице мимо соседского забора, прямо как у нас абрикосы или яблони.

Так я думал, когда ехал учиться в Израиль. Как только мы прибыли в колледж, который находится у подножия горы Кармель, я поразился обширной территории этого заведения. Учебные корпуса утопают в деревьях авокадо, кустарниках, невообразимых зарослях плюща. В первую ночь пребывания в общежитии колледжа меня разбудил кошачий ор. Он был очень громкий и странно назойливый. Оказалось, что два кота сидели у двери в комнату, еще один – черный с большими изумрудными глазами, – расположился на кондиционере у окна. И этот черный кот в 4 утра общался со своими друзьями через нашу комнату. Кстати, коты – отличительная черта этой страны. В портовом городе всегда их много. Дворовых собак вы здесь не найдете, а котов... в магазинах и возле офисов, в учебных корпусах и подъездах, на остановках и в садах. Ощущение, что сначала коты всего мира эмигрировали сюда, а уже вслед за ними переехали люди.

Как-то, прогуливаясь по дороге возле колледжа, я услышал страшный треск в кустах и нарастающий звук ломающихся деревьев. Три черных кабана перебежали мне дорогу и направились в сторону горы Кармель. Я не поверил своим глазам и спросил у охранника на входе в колледж: «Я видел кабана?» «И что? – охранник не понял вопроса – В этих местах их много». Моему удивлению не было предела: «Так они же дикие, опасные, среди людей». Охранник посмотрел на меня и бодро сказал: «Не переживайте, общество по охране животных их защищает. Вы, главное, не трогайте,

не наносите им урон». Я понял, что вопрос наоборот – что дикий кабан может нанести урон человеку, – даже не ставится.

Но больше всего меня впечатлила прогулка по ботаническому саду колледжа. Наполовину ухоженная, частично дикая лесная территория, по которой можно бродить, дышать запахом растений, глядеть, как облака уходят туда... вдаль за горную гряду. Я не следил за временем, и в ноябре, когда здесь на улице еще тепло, но темнеет, как и во всем северном полушарии, рано, я много гулял по лесу, пока наконец не решил возвращаться. Дорога домой пролетала через прямую узкую тропинку. Вдалеке виднелся свет окон общежития.

Я никогда не боялся гулять ночью по темноте, но в этот раз меня сопровождал весь животный мир Хайфского округа. Над головой пролетела стая летучих мышей так низко, что волосы мои чувствовали сильное движение воздуха. Где-то слева «угукала» сова. В кустах я слышал постоянные звуки, как будто кто-то приближался или наоборот убегал от меня. Было не по себе от всей этой зловещей фауны. Сразу приходит на ум знаменитая фраза из кинофильма «Неуловимые мстители» режиссера Э. Кеосаяна «А вдоль дороги мертвые с косами стоять. И тишина...» До корпуса оставалось немного, но тут я с правой стороны от тропинки услышал завыванье. Не волчье (я живу никогда не слышал волков, но видел в фильмах и зоопарке). Но оно было похоже на собачье или волчье. Какой-то клопочущий звук. Как будто бы выла заикающаяся собака. Я ускорил шаг, убежал из леса, возле корпуса встретил приятеля-израильянина, который в колледже учился года два. На мой вопрос: «Что это за звук?» израильянин ответил: «Как что, шакал. Их здесь много. Ты днем их увидишь.» Я воскликнул: «Так они же опасные!» Мой друг мне ответил: «Не волнуйся, если шакал сытый, он никогда не нападет на человека. Они под защитой общества по охране животных.» Я понял, что в этой стране общество, защищающее человека от животных, еще не создано.

Самое удивительное, что, обучаясь в колледже, к животному миру привыкаешь быстро. Ну сидишь ты на лавочке, ну проползает мимо тебя змея. Ну и сиди дальше, не

волнуйся. Змея тоже под защитой общества от тебя. И когда новым студентам мы показывали территорию колледжа, и кто-то испуганно восклицал: «Ой, а что это за шорох в кустах?», мы снисходительно говорили: «Ну что вы такие нервные? Может, змея, может, кот, шакал. В крайнем случае дикий кабан. Да ничего страшного».

Поэтому приезжайте на север Израиля, – познакомьтесь со всем многообразием животного мира, который нам подарила матушка-планета. Да, кстати, Бахайские сады в Хайфе действительно изумительны.

Не любят у нас люди работать за деньги

Не любят у нас люди работать за деньги. Без денег тоже, но работать за деньги, а еще и за большие – стыдно и неудобно перед коллегами.

Коллеги не переносят, когда рядом сидящий больше получает. Удобно, когда вы работаете в одном учреждении и вы вкалываете, а он нет, а получают одинаково. А достойное вознаграждение за труд какой-нибудь небольшой надбавкой-премией вызывает озлобление команды.

Не любят в коллективе рвение рядом сидящего, особенно на государственном предприятии. А у него не рвение, ну он так живет. Он по городу ходит быстро, с документами работает быстро, в трех совещаниях участвует одновременно, идеи дает, переговоры ведет. Остальные в недоумении: «Откуда он взялся?», «Ему что, больше всех надо?», «Он в директора, что ли, рвется?» Да нет, ну живет он так. Коллег своих любит, профессию и место работы обожает. «Почему он с улыбкой на работу ходит? Надо с ним что-то делать, может, на полставки перевести или по голове дать, чтобы не высовывался?» Правильно, работник не должен радость на работе получать. Он обязан испытывать чувство вины перед руководством и глубокую благодарность за то, что пока еще не уволили.

Один профессор в сторону меня отводит, говорит: «Ты зачем это делаешь?»

– Что?

– Работашь с таким показательным удовольствием?

Поверь мне, пожилому человеку. У нас в стране зарплата не зависит от производительности труда, она вообще у нас мало от чего зависит. Вне зависимости от сделанного, ты ее получишь наравне со всеми, гарантированно маленькую. Ну и к Новому Году премию, не за хорошую работу, а потому что праздник.

– Да я... – отвечаю, – нравится мне...

Он спрашивает:

– Работать нравится? Молодой человек, Вас скоро выгонят.

– За что?

– За то, что своими действиями нарушаешь спокойствие и единообразие жизни в государственном учреждении. Не шевели ты болото.

– Да я хотел болото отчистить, в реку обратно превратить.

– Эти организмы в реке не выживут, – сказал он, поправляя на переносице очки, – организмам удобно приходиться к 9:00, когда рабочий день с 8:00, уходить на час раньше. Мой совет: займись делом. Послонишься по коридорам, попей кофе, кроссворды разгадывай, сплетни послушай. Короче, проведи рабочее время с пользой, и приходи ты на 30 минут позже! Это неприлично приходиться, когда уборщица только начинает убирать этаж (у нас на предприятии рабочий день официально с 8:00, а убирать начинают где-то с 8:20). В зарплате ты не проиграешь, там нечего проигрывать, а уважение коллектива приобретешь.

Когда, уставший от работы, которая никому не нужна, и от негативных мыслей, которые мне не нужны, я приходил домой, меня встречала соседка по лестничной клетке, которая едким голосом говорила: «Так, ваша очередь мыть полы в подъезде.» Она уже за мной вторую неделю ходит. Я ей в который раз повторил:

– Я уже трудодни сегодня отпахал. Давайте я заплачу кому угодно, вам, например, и вы уберете в подъезде.

Предложение заработать ее оскорбило до глубины души:

– Деньги есть, а времени помыть полы нет?

– Именно так, – отвечаю, – в обратной зависимости: деньги зарабатываю, поэтому не остается времени

бесплатно мыть полы.

Она на меня посмотрела взглядом комсомольца-добровольца, поехавшего в молодые годы поднимать целину. У нее в этом взгляде написано было все: то, что я интеллигент вонючий, которого выучили на ее голову, буржуй бело-ручка, и даже Ленин бревно на субботнике поднимал, а ты не можешь... Сказала вслух: «Я сама полы помою, бесплатно, а тебе будет стыдно.» Как ей объяснить, что совсем не стыдно, а грустно...

Кстати говоря, статус-кво нарушен не был, потому что денег она не взяла, но и полы не вымыла. Поэтому диалог наш каждый вечер продолжается.

Ну не любят у нас люди работать, а особенно за деньги.

Поколение

Поколение, родившееся в 60-е! Детство тесным образом переплелось с садиком. Из приятных воспоминаний: бесконечные утренники, где мама сидит в первом ряду, какао и манная каша. Из неприятных впечатлений – рыбий жир, который давали на завтрак, и тихий час со страшно неудобной позой во время сна на правом боку с двумя руками под щекой. Это ограничение личной свободы не имело никаких последствий, потому что восполнялось пропаданием во дворе каждый день, в любую погоду. До тех пор, пока родители не загоняют домой. Обязательная программа во дворе – это игра в прятки, лазанье по деревьям и крышам гаражей, разновидности войнушки (наши с немцами, индейцы с бледнолицыми, рыцари, казаки-разбойники).

Самое спортивное поколение, помнящее Пеле, Яшина, Михайлова, Харламова, Фетисова. Поэтому игры в футбол (зимой в хоккей) были неотъемлемой частью жизни любого пацана, а посещение спортивной секции легкой атлетики или, скажем, плавания стало признаком хорошего тона.

Ко всем развлечениям детства прибавляются обязательные хобби: марки, книги, шахматы, радиокружок и, конечно, мечты. Из непонятных – это построение коммунизма

и борьба с американским империализмом. Коммунизм строили весело и мощно, стоя в очередях, идя в колонне на демонстрации, выезжая осенью в колхозы. Отсюда и непрерывное ожидание счастья, и непоколебимая вера в светлое будущее, выражающаяся во фразе: «Все будет хорошо.»

Из осязаемых мечт: мощный качественный усилитель и звуковая аппаратура. Мечты реализуются в бобинный магнитофон, обязательно 4-х дорожечный, и светомузыку самодельную из гирлянд... И, конечно, диски. Не пластинки, а именно диски с любимыми поп-группами, которые, не зная об этом, становились самыми верными друзьями: Beatles, Vee Gees, Deep Purple, Eagles. Диски можно было слушать, записывать, обменивать, покупать или продавать, получая первый опыт ведения собственного бизнеса. Правда, в уголовном кодексе это называлось спекуляцией, а в кругах просвещенной интеллигенции – фарцовкой. После духовной пищи в виде рок-музыки задумываешься о материальном, и с помощью всевозможных ухищрений становишься обладателем символа 70-х – джинсов, которые дополняются футболкой или батником. Портрет готов.

Старшее поколение тебя осуждает (как можно за американскую спецодежду отваливать месячную зарплату инженера НИИ?), а сверстники и особенно сверстницы смотрят с восторгом. Для закрепления успеха в руках появляется гитара. Музыкальную школу в виде одного урока за гаражом заканчивать обязательно. Поэтому волшебные три аккорда Am, Dm, E знают все, от студента техникума до кандидата наук. С помощью этих аккордов пытаешься исполнить любую композицию, включая «Tombe La Neige» Salvatore Adamo или «Танец с саблями» Арама Хачатуряна. Последнее удастся с трудом, поэтому ограничивались «Вишнями в саду у дяди Вани». Желание виртуозно владеть гитарой подогревалось популярностью Высоцкого и Окуджавы. Отсюда очереди на их концерты, красивый слог в стихах и романтизм молодежи.

Поколение, которое делится на два больших лагеря: тех, кто уехал в 90-е, и тех, которые остались. Они умеют дружить. У них скайп 1-го января не выключается. Из Германии звонит школьный друг, из Австралии одноклассник, из Израиля, Штатов... И они, немного поседевшие, чуть

облысевшие, садятся к компьютеру. Общаются, красочно вспоминают. Интересно рассказывают. Они всегда интересно рассказывают с тонким юмором и вечной иронией над жизнью. Потому что знают точно и непоколебимо, уверены абсолютно и достоверно, что все будет хорошо! Они этому научились. Они научились верить... А это для человека с интеллектом, живущего здесь, пишущего стихи и периодически играющего на гитаре, пожалуй, самое главное.

Вы знаете, Исаак Бабель тоже любил Донбасс

Исаак Бабель – знаменитый советский писатель, автор неподражаемой книги «Одесские рассказы», множества новелл и фельетонов, которые разошлись на цитаты и получили истинно народное признание: фразы вроде «Кладите себе в уши мои слова» уже живут отдельно от создателя. Исаак Эммануилович неоднократно бывал в Донбассе. Собственно, это объясняется тем, что наш край своим промышленным потенциалом привлекал ведущие печатные издания и корреспонденты в поисках материала о прогрессивном рабочем классе, схватив дорожный чемодан, устремлялись сюда, вооружившись химическим карандашом и записной книжкой.

Бабель в 1932 году жил в Горловке, общался с местными жителями, спускался в шахту, где записывал отборную художественную шахтерскую брань и особый лексикон, который так близок нашему городу и который не мог ускользнуть от тонкого уха знаменитого одессита. Именно в Горловку Бабель пригласит свою возлюбленную Антонину Пирожкову, впоследствии ставшую его женой. Поразительно, но именно донбасский городок станет для них романтическим местом, о котором бережно будут храниться воспоминания в семье.

Потом они отправятся в Сталино. Бабель к нашему городу относился тепло, он его где-то связывал с Одессой. Действительно, общие черты имеются. Оба этих города основаны не исторически естественно, а как результат выведенного архитектурного проектирования. Донецк и Одесса

своим возникновением обязаны хоть и различному, но уникальному географическому положению. Если Одесса изначально проектировалась как главный южный порт Российской империи, то Донецк стал важнейшим промышленным центром страны. В оба эти города со всех концов государства поехали люди на заработки, чем объясняется уникальная многонациональность и поликультурность этих регионов.

У Исаака Эммануиловича родилась потрясающая по своей оригинальности идея. Создатель Бени Крика – дерзкого, но справедливого одесского налетчика, прототипом которого выступил легендарный Мишка Япончик, – хотел придумать подобного персонажа здесь, в донбасских степях. Только сделать его не налетчиком, а шахтером по имени Коля Топуз – жизнерадостным, искренним рабочим парнем. Бабель стал работать, скрупулезно выводя на странице такой собирательный образ простых и трудолюбивых жителей нашего края. Исаак Эммануилович работал вдумчиво, как истинный педант и совершенный перфекционист. Константин Паустовский описывал в мемуарах, как Бабель мог создать двадцать два варианта одного рассказа и при этом не быть уверенным, что последний вариант можно отдавать в печать. И над донецким персонажем Колей Топузом автор работал, черкая черновые записи, переписывая начисто и снова черкая, продумывая каждую фразу и деталь образа.

Но его планам не суждено было сбыться. Уже заработала великая по своей подлости и жестокости репрессивная машина, которая раздавит многих представителей литературного XX столетия, хотевших этот мир изменить к лучшему. Сильно хотели, за что и пострадали. Бабеля, как и многих других, репрессировали. А его произведения по-прежнему цитируются и вызывают легкую улыбку читателей. В них добро, искренность, надежда на спокойное существование, которого так не хватает жителям нашего края.

София Шегель

Дороги моего детства

Точно знаю, что уже ездила в поездах, потому что зимой мы жили у бабушки, а летом – дома. А вот самих поездок – нет, не помню. И потому, когда нас загружают в «теплатник» – вагон-контейнер с встроенными по двум торцам нарами в два этажа, воспринимаю это, как раньше горящие поля: это и есть поезд. Одно плохо – туалета там нет, и вообще все в одной комнате. Устроили какую-то загородку из одеял, поставили в ней цинковое ведро, только я туда хоть лопну – не пойду: стыдно, все слышно. Мальчишкам хорошо, есть окошко, они в него и писают. А девочкам что делать?

Поезд между тем пыхтит сквозь совсем не интересное голое место, бесконечный пустырь – такой пейзаж виден из окошка. Люди плотно сидят, лежат, толкутся – их больше, чем можно вместить, но – куда деться? Нары с обеих сторон глубокие, нас – старших брата с сестрой и меня – мама поместила наверху у стенки, и это, наверное, очень хорошее место: нас не видно снизу и окошко рядом. Моим старшим хорошо, они большие, могут сами спрыгнуть вниз и потом вернуться, а мне приходится сидеть у этого окошка без движения. Ближе к краю нар – совсем другие люди, женщина с большим животом устало свесила ноги. Внизу, как раз под нею, сидит широкий, как сундук, лохматый дядька в шароварах и майке-соколке¹, очень похожий на казака с картинки в книжке у сестры. Верхние и нижние нары одинаковой глубины, и этот Тарас Бульба, поднимаясь, бьется головой о верхнюю доску. В который-то раз он больно ударяется и, призвав на помощь фольклор, выламывает эту крайнюю доску. Женщина вместе со своим животом грузно падает на пол.

Скандал уже набух, он звенит в затхлом дыхании вагона, но тут раздается такой знакомый по последним дням вой, поезд останавливается и слышится многократно повторенное: «Воздух!», люди выскакивают из вагонов, бросаются врассыпную по степи.

¹ Майка с широкими лямками и неглубокими вырезами.

У мамы в руках защитного цвета суконное одеяло – мы потом еще много лет подстилали его, когда белье гладили – и она, запихав нас в какую-то степную ямку, накрывает этим одеяльцем – маскировка. Но тут обнаруживается, что впопыхах мама оставила на нарах свою синюю сумку, а в ней – документы, денежный аттестат и фотография папы. Бомбы сыплются с неба, самолеты завывают (может, он вообще был один, но в памяти остался черный грай, и я теперь уже не знаю, видела ли его тогда в небе или потом в кино...), а мой старший брат срывается с места, бежит к вагону и очень скоро возвращается с маминой сумкой в руках. Он, конечно, совсем взрослый, ему уже тринадцать лет, и он совсем не испугался, только слово «сумка» губы никак не выговаривают – наверное, бежал слишком быстро. Хорошо, все живы, самолеты улетают – нет, все же их было несколько, люди, прежде чем вернуться на свои места, лезут под вагоны – не ватерклозет, конечно, но все же...

Едем дальше. На нижних нарах живет мальчик Сема – мой ровесник. С ним бабушка и дедушка: наверное, родители его, как и мой папа, воюют. Вот кому хорошо – ему все позволяют. Игрушек, ясное дело, у нас нет, книжек тоже, играть негде. Сема стащил у дедушки карманные часы – просто хотел посмотреть, что там у них внутри. Дед обнаруживает пропажу, когда часы еще можно спасти, но тут на защиту внука встает бабушка:

– Лазарь, не мешай ребенку играть! – генеральским тоном командует она, и дед сдается. Правда, потом демонстративно спрашивает у всех, который час, – чтоб видели, как ему не повезло в жизни.

Наверное, все бабушки одинаковые: помню, как мы прятались от гнева родителей за широкой бабушкиной спиной, за ее рясной сатиновой юбкой – синей в белых кольцах, там еще такой глубокий карман был – мне по локоть, а в нем – «ракоты шейки». Бабушка разрешала их оттуда выуживать, но я старалась этого не делать. Дело в том, что у нашей бабушки были очень красивые, белые и ровные, один к одному, зубы. Она их очень берегла и постоянно носила в кармане, том самом, где карамельки, и только если кто-то приходил в дом, использовала по назначению. Представляете, как страшно – полезть за карамелькой, а наткнуться на

зубы. Тем более что все это было еще до войны, в детстве, когда мы не знали про бомбы. А потом мы бабушку больше не видели, она погибла и могилы не осталось. Но это к слову.

Поезд у нас очень длинный, и это не просто поезд, а военный госпиталь. В последних, дальних от паровоза вагонах живут служащие, в передней части, где вагоны обустроены по-другому, все госпитальные службы – там палаты для раненых, лаборатории, аптека, кухня, складские вагоны и даже операционная. Все это вместе называется эшелон. Странно, все эти трудные названия вполне естественно укладывались в голове, притом сразу как понятия. Конечно, судить можно только по себе, но все же, я думаю, всех нас, детей войны, спасало то драматическое обстоятельство, что мы познавали эту жизнь первично, нам не с чем было ее сравнивать, а потому мы не могли осознать всего ужаса происходящего. Не знаю, как другие, а я, по крайней мере, очень не сразу начала понимать, как такое детство отпечаталось на всей моей жизни...

В эти четыре года вместилось столько понятий, событий, людей, и так все они сплелись и осели в моей душе, что совсем помимо желания ими и поверяется вся последующая жизнь.

Та самая бабушка мальчика Семы позднее, уже после того, как его нашли и забрали родители, а ее муж, оставшись в госпитале, отправил ее «в тыл» – подальше от опасности, и там она оказалась снова рядом с нами. Это я так подвела своих близких: я-то знала про себя, что я уже взрослый человек, а посторонние все еще принимали меня за маленькую, а с маленькими всех отправляли «в тыл». Этим таинственным тылом оказался город Актюбинск, где, правда, не стреляли и бомбы с неба не падали, но на самом деле прожитый там неполный год оказался самой черной страницей нашей жизни военного времени. И не только потому, что было особо голодно. За те годы нас забрасывало в самые разные города, в каждом надо было где-то селиться, снимать комнату или угол, и почти всех хозяев мы по сей день вспоминаем с благодарностью. Только в далеком от войны Актюбинске крупно не повезло. Хозяин домика, где сняли комнату, принял нас прямо на вокзале: на работе он был железнодорожником, а дома становился сукновалом – валенки

катал в холодной пристройке с глинобитным полом. По тогдашним временам семья была зажиточная: не голодали, даже мясо ели иногда, я сама видела в замочную скважину. Это не мешало нашему хозяину половинить мешочки, в которых мама приносила с базара выменянные на носильные вещи продукты – пшено или муку. А та самая бабушка – жена аптекаря – поселилась через дорогу и, конечно, приходила к нам по вечерам – время коротать при свете коптилки. Хозяин ей и сказал однажды:

– У нас климат суровый, а ты пока свой толстый зад в дверь протиснешь – холоду в дом напускаешь. Ты когда приходишь – полено с собой носи, чтоб нам убытку не было.

С тех пор она к нам ходить перестала, но иногда, постучав в окошко, забрасывала через форточку обгрызенный мышами сухарик – она их целый мешок нашла на чердаке у своего хозяина, потихоньку таскала – для себя и для нас, тем и жива осталась. И нас удержала, хоть и на краю. В городе был введен режим военного времени: 1) людей без прописки на работу не принимать; 2) не работающих не прописывать. Потому держались только тем, что маме удавалось выменять на вещи, да еще этими сухарями от сердобольной старушки. Благо, брата маме удалось определить в военное училище – там хоть как-то кормили. Выбраться из этого тыла было не просто: требовался вызов от госпиталя. Но когда в результате долгой и изнурительной переписки мама его уже получила – надо еще было как-то попасть на поезд, как-то уехать. Представьте, и это удалось. Что это был за вагон в тогдашней общей дорожной переполненности – вагон, заставленный какими-то большими предметами, и единственным его пассажиром был человек, давший нам попить горячего кипятку из красных в белых горошинах чашек, – то ли проводник, то ли хозяин этих зачехленных вещей, то ли фельд-служба, и как маме удалось уговорить его взять нас в вагон – этого я и по сей день не знаю. Через неполный год мы вернулись в войну.

Круг замкнулся

Я еще помню, как было – целую жизнь назад.

Ударила черная сила, смертельный свинцовый град.

Шли усталые люди в далекое никуда,
Оторванные от буден, от мира и от гнезда.
Детство осталось без детства, молодость – без огня,
Без дома, без крова, без хлеба, без завтрашнего дня.
Все было не на экране, реальней, чем смена дней,
И страшно, как сегодня, а может, сегодня страшней.
Забыты людские святыни – дети, душа и мать.
Отринута совесть ныне, идут, чтобы убивать!
И вновь мы у самого края и рвется времени нить.
Скажите мне те, кто знает, как дальше
нам с этим жить?

Эйтан Адам

О Бородинском сражении и сопутствующих вопросах¹

Итак, тема вроде бы давным-давно и широко известная. Но мы все с вами жертвы советской историографии. Если бы только ее, мы еще жертвы Льва Толстого – как с точки зрения подачи фактов, так и с точки зрения теоретизирования. Все современные преподаватели истории, профессора истории говорят, что первое, что нужно сделать, когда приступают к изучению, – это выбить у студентов из головы Льва Толстого.

Но этого мало. Мало нам Льва Толстого и советской историографии. У нас есть современные, так называемые, новые историки. По этому поводу я очень люблю цитировать классика:

– *Начнем с того, что пес в своем уме. Согласна?*

– *Допустим, – согласилась Алиса.*

– *Дальше, – сказал Кот. – Пес ворчит, когда сердится, а когда доволен, виляет хвостом. Ну, а я ворчу, когда я доволен, и виляю хвостом, когда сержусь. Следовательно, я не в своем уме.*

Льюис Кэрролл, «Алиса в стране чудес»

Если вы возьмете современных, столь широко популярных как бы историков, то они пишут, в основном, следующим методом. Берется советская историография (кстати, она довольно хорошо умела работать с полуправдами), меняются плюсы на минусы и минусы на плюсы, добавляется немного отсебятины, и все это подается под соусом некоторого литературного таланта².

И вот против всего этого я пытаюсь выступить. При этом я хочу заметить, что верно, есть загадки, есть вещи,

¹ Статья основана на лекции, прочитанной автором 25 Ияра 5779 г. (30.5.2019) в «Клубе книголюбов» в Бейт-Оле в Хайфе.

² Совсем недавно появилась теория о том, что московский пожар – это результат атомного взрыва. Не шучу. Опубликовано было в газетах. Что делать? Такие дела.

которые переосмысливаются, но когда это делается профессиональными историками или людьми, по крайней мере, добросовестными, то это другое дело. Например, совсем недавно стало общепринятым в российской историографии, что пожар Москвы, тот самый, был вызван поджигателями градоначальника графа Ростопчина. То есть то, что французы утверждали с самого начала, было верно. Точнее, как раз французы вначале утверждали, что пожар начался случайно, а потом, когда поймали поджигателей в полицейской форме, они стали утверждать, что это был поджог. Ну, про пожар Москвы см. ниже.

Главный вопрос, который мне задают о Бородине: «Ну, так кто победил?». Это почему-то главный вопрос, хотя, на мой взгляд, он достаточно неважный и, на самом деле, нечеткий. Цитирую:

Бородинское сражение было самое прекрасное и самое грозное, французы показали себя достойными победы, а русские заслужили быть непобедимыми.

Это слова Наполеона, которые он повторил не раз и не два в разное время разным людям. Эта характеристика показывает, в общем-то, что это сражение из себя представляло. А что случилось конкретно, мы разберем.

Еще такой важный момент для тех, кто читает западные источники, в России называется «Сражение при Бородине», а французы называли «Сражение у Москвы». Так вот, тут небольшая ошибка. Французы имели в виду Москву-реку, которая протекает аккуратно к северу от Бородинского поля. Так что они не имеют в виду город Москву, они имеют в виду сражение у реки Москвы, что действительно было

так¹.

Итак, вопрос первый: а зачем было дано сражение? Зачем оно вообще было, если все равно потом оставили Москву?

Сражение было дано в условиях, когда силы русских и французов были примерно равны. При этом русские думали, что французы сильнее. Зачем было тогда давать бой? Продолжайте отступать. (Тем более что, в конце концов, действительно отступили и сдали Москву.) Это первая загадка, на которую надо ответить. Зачем вообще был этот бой? Он только привел к колоссальному кровопролитию.

Кстати, Бородинское сражение до сих пор считается самым кровопролитным однодневным сражением в истории. Около 40 000 убитых и раненых с каждой стороны. С каждой стороны, за один день.

Кроме того, это сражение называют не генеральным, а генеральским. 23 убитых и раненых генералов российских, 49 – французских.

Итак, зачем оно было дано – это уже вопрос. Тем более что в результате все равно Кутузов продолжал отступать. Он надеялся победить? Посмотрим.

Все дело началось со сражения за Шевардинский редут. Итак, Шевардинский редут. Если мы читаем российскую и советскую историографию, то мы сразу же оказываемся перед проблемой.

Первая версия – это была передовая позиция перед основными российскими силами. В добром километре от главной позиции, как оно вышло в итоге, по тем временам

¹ Сражение именно у Москвы, но они пишут по-разному. Они пишут Москва-город – *Moscou*, а Москва-река – *La Moskova*. И вот этот бой у них называется именно бой у Москвы, у Москвы-реки – *La bataille de la Moskova*.

Это просто вопрос привязки географической. Например, в восточной историографии считается, что знаменитая битва в 1410 г. была при Грюнвальде, а немцы пишут при Танненберге. Сражение было просто между этими двумя деревнями. Кто как считает, это не принципиально на самом деле. Но, во всяком случае, никоим образом нельзя сказать, что это была битва у города Москвы. Потому что это было в 125 км от стен Кремля, и в 110 км от современного МКАДа.

совершенно нереально. Это в наше время так можно действовать, но не тогда.

Вторая версия – сражение за Шевардинский редут было дано для того, чтобы дать возможность русскому арьергарду оторваться от французского авангарда, чтобы дать ему возможность отдохнуть. Но ведь ясно было, что точно так же как русским нужно было время для организации генерального сражения, так же и французам оно будет нужно. Что французы тоже не нападут сразу же. Им тоже нужно было подтянуть свои колонны, расположиться и т. д. Не случайно был целый день после Шевардинского редута, когда обе стороны не делали ничего. Вернее, они отдыхали, организовывались, готовились.

Наконец, есть мнение Льва Толстого, которое сегодня уже поддерживают другие историки, что изначальная диспозиция должна была быть другой, и тогда Шевардинский редут должен был быть крайним южным флангом. Да простит меня Лев Николаевич, от артиллерийского офицера можно было ожидать большего понимания. Если бы русские встали так, Наполеон бы их в два счета обошел. Хуже того, они оставили бы тогда неприкрытой Старую Смоленскую дорогу и просто пригласили бы Наполеона на охват. Это совершенно ни в какие ворота не лезет.

Так что вот вам еще одна загадка, загадка Шевардинского редута – зачем за него сражались? Он был построен, построен далеко впереди, на кургане, в чистом поле. За него было сражение, которое продолжалось целый день и закончилось в 22 часа тем, что Кутузов приказал отступить. То есть там не было решения, Кутузов приказал отступить и оставить. Интересно.

Дальше, когда мы говорим об общем построении перед боем, у нас возникает некоторое удивление. Итак, из диспозиции Наполеона:

На рассвете две новые батареи, в продолжение ночи построенные на равнине, занимаемой принцем Экмюльским, откроют огонь на противостоящие две неприятельские батареи. В тот же момент генерал Пернетти, командующий артиллерию 1-го корпуса из 30 пушек дивизии Компана и из всех гаубиц дивизий Дезе и Фриана, которые двинутся вперед, начнет стрельбу и собьет гаубицами неприятельскую

батарею...

Генерал Фуше, командующий артиллерией 3-го корпуса, двинется со всеми гаубицами 3-го и 8-го корпусов, состоящими из 16 орудий, вокруг батареи, действующей против левого редута, что составит 40 орудий, направленных против этой батареи. Генерал Сорбье будет в готовности при первом приказе выступить со всеми гаубицами гвардии против того или другого редута. Во время стрельбы князь Понятовский вступит в деревню со стороны леса и обойдет неприятельскую позицию. Генерал Компан направится вдоль леса для овладения первым редутом. Сражение начнется указанным образом. В дальнейшем приказания будут даны согласно неприятельским диспозициям.

Итак, это Наполеон.

Кутузов:

В сем боевом порядке намерен я привлечь на себя силы неприятельские и действовать сообразно его движениям. [Инициатива отдается Наполеону – Э. А.]

Не в состоянии будучи находиться во время действия на всех пунктах, полагаюсь на известную опытность господ главнокомандующих армиями. [То есть Барклай-де-Толли и Багратиона – Э. А.]

...и потому представляю им делать соображения действий на поражение неприятеля. Возлагая все упование на помощь Всесильного и на храбрость и неустрашимость русских воинов, при счастливом отпоре неприятельских сил, дам собственные повеления на преследование его, для чего и буду ожидать беспрестанных рапортов о действиях, находясь за 6-м корпусом. При сем случае не излишим почитаю представить господам главнокомандующим, что резервы должны быть сберегаемы сколь можно долее, ибо тот генерал, который сохранит еще резерв, не побежден. В случае наступательного во время действия движения оное производить в колоннах в атаке...

На случай неудачного дела генералом Вистицким несколько дорог открыто, которые сообщены будут господам главнокомандующим и по коим армии должны будут отступить. Сей последний пункт остается единственно для сведения господам главнокомандующим.

Кстати, во всех тогдашних нормальных

диспозициях всегда указывались возможные пути отступления. Это не сталинский приказ «Ни шагу назад». Все нормальные генералы были готовы к отступлению.

Но главное, что мы здесь видим – это же совершенно пассивное построение: стоять и ждать неприятеля. Это становится еще страннее, если мы посмотрим, а как же были построены части. В общем и целом, части вытянулись по линии север–центр–юг.

Север, вдоль обрывистого берега реки Кóлочи, кое-где обрыв достигал 20-метровой высоты. И там еще были построены дополнительные флешы, редуты, и т. д. Центр – батарея на Красном холме, та самая, что была названа позднее батареей Раевского. Перед ней, на другой стороне реки Колочи, чуть севернее, деревня Бородино, которая была занята авангардом, одним егерским полком. И дальше, на юг вдоль Семеновского оврага и речки Каменки, там же были и те самые Багратионовы флешы, их называли, кстати, первоначально Семеновскими флешами, напротив села Семеновского. И дальше эта позиция упиралась в Утицкий лес и Утицкий курган.

С севера пойма реки Колочи, которая, кстати, впадает в Москву-реку, то есть с севера не обойдешь. С юга Утицкий лес и Утицкий курган, в принципе, через лес и через курган обойти было можно, поэтому туда был поставлен корпус Тучкова 1-го, правда, ополовиненный, но усиленный ополченцами. Тут следует отметить, что опять-таки отношение к ополченцам в те времена было другим, это не Великая Отечественная война, ополченцев ставили обычно в третью линию, если вообще ставили в боевой порядок. Ополченцы обычно заменяли солдат на разных второстепенных работах: на охране лагеря, в обозах и в тому подобных делах. Единственное место, где ополченцы сражались, – это в Утицком лесу.

Вроде бы все логично, все красиво. Очень хороший северный фланг вдоль реки Колочи. Неплохой южный фланг, но там, в основном, равнина. И распоряжается Кутузов: северный фланг занимает 1-ая Западная армия Барклая-де-Толли, центр и южный фланг занимает 2-ая Западная армия Багратиона. Правда, ему с самого начала передали один корпус от армии Барклая, тот самый тучковский корпус,

который пошел на самую дальнюю позицию в Утицкий лес.

Все бы ничего, только армия Барклая была более чем вдвое больше армии Багратиона. То есть на весьма угрожаемый участок – центр и юг – поставлена армия вдвое слабее, чем на очень хорошо укрепленную позицию, укрепленную самой природой. Что, Кутузов этого не понимал? Понимал прекрасно.

Что интересно? Во-первых, три Б. Кто такие три Б.? Это Барклай-де-Толли, Багратион – главнокомандующие двух Западных армий, и Беннигсен – и. д. начальника Главного штаба соединенных армий. Причем заметьте, все они друг друга очень нежно любили. Прямо скажем, гадюшник в генералитете был еще тот¹. Но все трое пришли к Кутузову накануне и предложили поменять армии местами. Слабую армию Багратиона – на северный укрепленный фланг, а центр и юг – Барклаю. Кутузов отказался.

Но и это еще не все. У нас есть свидетельство Клаузевица, того самого Клаузевица, который стал позднее главным западным теоретиком войны и прочая, и прочая, и прочая. Он молодым офицером участвовал в Бородинском бое.

Вообще, эта тема тщательно обходится стороной в российской историографии. Точно так же, как в 1940-м г. за Англию сражались добровольцы из разных стран, в 1812 г.

¹ В XVIII веке была разработана (и применена на практике – в США) теория «сдержек и противовесов» во власти. Александр I, по-видимому, тоже применил ее, но несколько странно. Вот его назначения:

главнокомандующий всеми действующими армиями – генерал от инфантерии Светлейший князь М. И. Голенищев-Кутузов; и. д. начальника Главного штаба соединенных армий – генерал от кавалерии барон Л. Л. Беннигсен;

главнокомандующий 1-й Западной армией – генерал от инфантерии М. Б. Барклай-де-Толли (военный министр); начальник Главного штаба – генерал-майор артиллерии А. П. Ермолов;

главнокомандующий 2-й Западной армией – генерал от инфантерии князь П. И. Багратион; начальник Главного штаба – генерал-майор и генерал-адъютант граф Э. Ф. де Сен-При.

Все три пары командующий – начальник штаба терпеть не могли друг друга (Кутузов, в конце концов, просто прогнал Беннигсена); все скопом (кроме Кутузова) завидовали Барклаю и ненавидели его.

многие офицеры из Пруссии, из Австрии и из других европейских государств, получив разрешение своих монархов, служили в русской армии¹. И одним из них был молодой прусский офицер Клаузевиц.

Так что, когда он дает анализ Бородина, мы помним, что это человек, который, во-первых, там был, а во-вторых, позднее вырос в великого военного теоретика. И что он пишет? Он пишет, что если Кутузов хотел добиться какого бы то ни было результата, он должен был большую часть войск расположить в резерве позади Багратиона. Ведь и так пришлось прямо во время боя передавать части из армии Барклая в армию Багратиона. Один корпус Барклай послал сам, когда увидел, что Багратиону приходится плохо. Другой корпус послал Беннингсен, начальник штаба. Кутузов действительно во время этого боя вел себя так, как его описывал Толстой, полусонно, хоть и послал еще два корпуса

¹ В 1969 г. был снят британский фильм «Битва за Британию» о страшном трехмесячном воздушном сражении в 1940 г. И в конце фильма показана таблица:

<u>Pilots</u> <i>[Летчики]</i>		<u>Killed in action</u> <i>[Погибли]</i>
1823	R.A.F and other Commonwealth <i>[BBC Королевства и Содружества]</i>	339
56	Fleet Air Arm <i>[Авиация ВМФ]</i>	9
21	Australian <i>[Австралийцы]</i>	14
73	New Zealandian <i>[Новозеландцы]</i>	11
88	Canadian <i>[Канадцы]</i>	20
21	South African <i>[Южноафриканцы]</i>	9
2	Southern Rhodesian <i>[Южнородезийцы]</i>	0
8	Irish <i>[Ирландцы]</i>	0
7	American <i>[Американцы]</i>	1
141	Polish <i>[Поляки]</i>	29
86	Czech <i>[Чехи]</i>	8
26	Belgian <i>[Бельгийцы]</i>	6
13	Free French <i>[Свободные французские силы]</i>	0

Никто не забыт и ничто не забыто. По-настоящему.

Багратиону. Тоже очень странно. Но о Кутузове потом.

Что же говорит Клаузевиц? Если бы основной резерв был изначально позади Багратиона, то можно было бы, воспользовавшись какой-нибудь контратакой, а Багратион не раз контратаковал, ударить свежими силами. Тогда еще неизвестно, чем бы все кончилось. Этого сделано не было. Изначально большая часть русской армии находилась не там, где она потом потребовалась, – находилась на северо-востоке. Это еще одна загадка: зачем Кутузов это сделал?

Дальше. Сражение за Утицкий курган. На определенном этапе, в 9 часов, (сам бой начался в 6), Наполеон направил колонну как бы в обход через Утицкий лес и Утицкий курган, туда, где стоял Тучков 1-й¹. Так вот, бой за Утицкий курган, там, где участвовали и ополченцы, где силы были весьма слабые. Но и Наполеон послал туда только один корпус и не пытался развить наступление. Хотя они смогли войти в лес. В лесу трудно сражаться, но французы сражались. Они выставили русских из леса. Те поднялись на курган. В конце концов, и курган вынуждены были сдать. Так? Но развить... То есть туда Наполеон один раз послал силы – и все. И не попытался развить этот возможный успех с обходом. Тоже странно.

Рейд Уварова и Платова. Это произошло примерно в полдень. Мы все знаем, что этот рейд, сделанный с северного фланга, чрезвычайно удивил и озадачил Наполеона. Так? Тем самым он добился большого результата. На два часа прекратились основные фронтальные атаки. Это дало возможность фактически разгромленной 2-й армии, тогда уже не Багратиона, – Багратион тогда уже был смертельно ранен, Коновницын принял командование, – реорганизоваться и занять новую линию обороны у Семеновского оврага. Короче говоря, рейд вроде был очень удачным.

Полагалось после сражения посылать списки представленных к наградам. Главнокомандующий давал списки генералов, которых считал, что нужно наградить. Что сделал главнокомандующий Кутузов? Про Беннигсена и про

¹ Это был старший из Тучковых. Их было пять генералов братьев Тучковых, и четверо участвовали в этой войне. Двое погибли при Бородине.

Баркляя-де-Толли он написал отдельное письмо с просьбой о награждении. Дальше стандартный формуляр – список генералов к награждению. Ни Платова, ни Уварова в списке не было. Уваров был хорошо знаком Его Величеству. Император Александр послал письмо Кутузову. В чем дело, так сказать? Почему Вы не представляете Уварова? На что Кутузов ответил, что Уваров не выполнил то, что ему было поручено. А что же ему было поручено, если иного приказа нет? Еще одна загадка.

Дальше известная загадка – это неучастие французской гвардии. Почему Наполеон в последний момент, или не в последний, когда ему это предлагали, не двинул гвардию? Тоже вопрос. *Post factum* мы знаем, что к концу боя и русские, и французы использовали все свои силы, кроме французской гвардии. И русские, и французы были невероятно утомлены физически, страшный был этот бой. Так? А гвардия осталась цела – 20 000, причем великолепных, солдат. Получается, если бы двинул в конце Наполеон... Он их так и не двинул.

И еще одна загадка. Помните Лермонтова? «Вот затрещали барабаны – И отступили басурманы.» Это был приказ Наполеона – в конце боя отступить на прежние биваки. Вплоть до того, что Кутузов хотел ночью снова занять старые позиции и дать новый бой. Но когда он получил списки потерь, то отказался от этой идеи. То есть Наполеон сдал фактически все выигранное, отступил назад. Почему он это сделал?

Вообще, взглянем на то, что происходило во время боя. С самого раннего утра была атака на передовые позиции в Бородино¹. Потом главная атака. Бородино было захвачено, там были поставлены французские орудия. Это была очень хорошая позиция для орудий. Затем вся эта страшная мясорубка на участке Багратиона, которая продолжалась с 6 до 15. Пока отступившие на Семеновский овраг все-таки

¹ Кстати, такой нюанс: Бородино принадлежало отцу Дениса Давыдова, того самого, знаменитого. Правда, сам Денис Давыдов прожил там всего два года, потом пошел уже служить и т. д. Но тот самый дом, в котором прожил эти два года Денис Давыдов, барский дом, вместе со всем селом, был сожжен «чтоб не достался французам».

держались. Дальше с 9 атаки на центр, на батарею Раевского. Тоже до 17, в конце концов, батарея была потеряна. Кстати, эту батарею называли «могилой французской кавалерии». Ее взяли несколькими ударами кавалерии, положено солдат там было нещадно. У Наполеона была великолепная кавалерия. Но после Бородина у него уже не было этой кавалерии. То есть была, но далеко не та. И Утицкое сражение с 9 до 14 примерно. Рейд Платова с 11 до 15. Вот такие этапы.

Еще очень часто спрашивают: «А кто же победил?» Почему Кутузов сообщил о победе? Кутузов не сообщал о победе. Победные реляции выпустили император Александр и император Наполеон. А Кутузов писал так:

Вашему Императорскому Величеству доношу... Сражение было общее и продолжалось до самой ночи. Потеря с обеих сторон велика. Урон неприятельский, судя по упорным его атакам в нашу укрепленную позицию должен весьма нас превосходить¹. Войска Вашего Императорского Величества² сражались с неимоверной храбростью. Батареи переходили из рук в руки. Кончилось тем, что неприятель нигде не выиграл, ни на шаг земли с превосходными своими силами³. Ваше Императорское Величество извольте согласиться, что после кровопролитнейшего, 15 часов продолжавшегося сражения наша и неприятельская армия не могли не расстроиться и за потерю, сей день сделанную, позиция прежде занимаемая естественно стала обширной и войскам невместною⁴, потому, когда дело идет не о славе выигранных только баталий, но вся цель будучи устремлена на истребление французской армии, ночевав на месте сражения⁵, взял намерения отступить 6 верст, что будет за

¹ В этом он ошибся.

² Заметьте, не «русские войска», а «войска Вашего Императорского Величества». Ну, как полагается.

³ На самом деле, Наполеон все-таки сбил русских и на южном фланге, и в центре. Но он только сбил, только отодвинул. А в конце-то он вернулся на старые позиции. То есть Кутузов пишет, вроде бы, правду...

⁴ То есть теперь-то, после потерь, уже гораздо хуже эта позиция.

⁵ По тем временам было принято, что на месте сражения ночует победитель! Намек!

Можайском, и собрав расстроенные войска, освежив артиллерию...

То есть он, вроде бы, не говорит о том, что он победил. Строго говоря, он дает достаточно точный рапорт. Правда то, что он говорит, что неприятель нигде не захватил, не выиграл территории, это правда лишь потому, что Наполеон приказал войскам отойти.

Итак, для того, чтобы понять, что же произошло, необходимо заняться двумя людьми: Наполеоном и Кутузовым.

Ну, с Наполеоном все проще. Утицкий курган. Почему Наполеон не послал большие силы в обход? Вот известно, что утром Наполеон сказал: «Вот солнце Аустерлица». А что было при Аустерлице? Русские и австрийские войска, считая, что их больше, их действительно было больше, начали большой охват, а французы ударили в центре. Не сразу, а дождавшись, пока противник растянет свои линии. Ударили в центре, прорвали, и т. д.

Что же получается при Бородине? Допустим, Наполеон делает охват. Наполеон, если он хотел всерьез пройти через Утицкий лес, должен был послать силы туда, растянуть линию. А ну как Кутузов тогда ударит? То есть Наполеон, несомненно, опасался, что ему устроят Аустерлиц наоборот. Так что это понятно.

Неучастие гвардии. Наполеон, по-видимому, до конца не знал, что русские ввели в бой все свои резервы. Он просто не мог этого знать в дыму боя и т. д. А это был его последний резерв. Опять-таки, можно понять.

Отступление. Почему приказал отступление? Вот это великолепная характеристика того, как он оценивал бой. Дело в том, что, согласно тогдашним уставам и практике, биваки находились на расстоянии, превышающем пушечный выстрел от позиции неприятеля, чтобы люди могли спокойно отдохнуть. Тогдашний пушечный выстрел – до двух километров. Значит, он решил, поскольку все продвижение вглубь от старых позиций было меньше километра в разных местах, лучше мы вернемся назад, в наши старые биваки, зато будем уверены, что русские нас ночью не обстреляют и не атакуют. Но это свидетельство того, что Наполеон прекрасно понимал, что русская армия совсем даже не разбита.

Он это прекрасно понимал.

Ну, остальное – это, конечно, Кутузов. Кутузов выбрал место сражения. Кутузов выбрал диспозицию. И хотя в самой битве он почти не участвовал... Так вот, небольшая характеристика Кутузова. Что собой представлял прославленный Светлейший князь Голенищев-Кутузов, прославленный действительно? В воспоминаниях современников о Кутузове (современников, не тех, кто смотрели на него, как на икону, а тех, кто с ним служили и т. д.) слова «лживый» и «хитрый» встречаются на каждом шагу. Лживый и хитрый.

Интересно. Но мы же привыкли, Кутузов же, так сказать, птенец гнезда Суворова. Все правильно. Но он был не только у Суворова. Кутузов стал вельможей при екатерининском дворе. Он стал фаворитом фаворита. Последним фаворитом Екатерины II был Платон Зубов. Тогда было общепринято, что вельможа, каковым был и Зубов, утром делает свой туалет. Туалет занимал часа два, не меньше. В это время у него в приемной толпились просители. Знак особого расположения был, если этот вельможа приглашал кого-нибудь во время, когда он делал свой туалет. Это было особое расположение, быть приглашенным туда. Потом, конечно, напомаженный этот вельможа выходил в приемную, говорил с просителями. Ну, как полагается. Кутузов взял за правило приезжать к Зубову с самого начала, то есть когда он еще в туалете, и предлагать собственноручно сварить ему кофе. Прошу заметить, в XVIII веке кофе на Руси был еще малоизвестен. А Кутузов говорил: «Я много воевал с турками и у турок научился, я лично умею варить хороший кофе.» И он почти каждое утро этому самому Платону Зубову, фавориту Екатерины II, собственноручно варил кофе. Хорошо, да? Таких генералов обычно называют паркетными. Правда, Кутузова никто бы паркетным не назвал, все-таки Кутузов нарабатал себе достаточно много боевой славы. Но интересно.

Но это еще не все. Пришел Павел I – ненавистник своей матери и т. д. Кутузов умудрился остаться вельможей и при Павле. Что самое интересное, Кутузов ужинал в их последний ужин и с императрицей Екатериной, и с императором Павлом. Интересный факт. Во всяком случае, он был принят и там, и там. Но когда воцарился Александр I, Кутузова буквально через год снимают со всех должностей,

кроме шефа одного из гвардейских полков, это должность была скорее почетная, а не собственно должность. И даже, пусть это не была ссылка, но рекомендовано было Его Величеством отъехать в деревню. Что Кутузов и сделал.

Что случилось? Случилась, я думаю, простая вещь. Александра I не зря называли сфинксом. Талейран, который был великим дипломатом, рядом с которым все прочие дипломаты тогдашнего времени были вообще ерундой, Талейран вспоминал, что Александр I был единственный дипломат, которого, так сказать, он считал себе равным. А что такое дипломат¹? Дипломат – это человек, который умеет сказать вам гадость так, что вам понравится его слушать. Это надо уметь. Дипломат умеет читать человека, отлично разбирается в людях, умеет обойтись, умеет нажать на самые подходящие кнопки. Кутузов все это умел. Не случайно он, кстати, перед самой войной 1812 г. добился мира с турками. Очень выгодного мира, для того чтобы высвободить еще одну армию с Дуная. Это было огромное достижение.

Почему же тогда Александр его убрал? Александр, сам великолепный дипломат, понял, что называется, с кем он имеет дело, с человеком себе на уме, хитрым и т. д., и решил от греха подальше от него избавиться. Потом, правда, он был вынужден его вызвать для того, чтобы воевать, для Аустерлица. Но что интересно, в это время Кутузов хлопотал, подавал прошения о том, чтобы стать киевским губернатором. Кутузов вовсе не хотел возвращаться в Петербург или на какую-то центральную военную должность. Он хотел Киев. По личным причинам. У него было расстроено имение, которое было как раз недалеко от Киева. Ему было удобнее служить там.

Короче, он подал прошение на то, чтобы стать киевским губернатором, но Александр его сначала послал воевать. Но говорили, что Александр был обижен на Кутузова, что он его не предупредил по поводу Аустерлица. Кутузов предупреждал. Александр был человеком умным. Александр прекрасно понял, что это личная вина его самого.

¹ Кстати, биография Кутузова написанная академиком Тарле так и называется: «Михаил Илларионович Кутузов – полководец и дипломат».

Кутузова он за Аустерлиц наградил, несмотря на поражение. А потом назначил Кутузова киевским губернатором как тот и просил, позднее Кутузов командовал войсками на Дунае и добился мира.

То есть перед нами хитрый и лукавый человек.

А что он думал о Наполеоне? А мы это знаем. Уже в январе 1813-го года, уже в Польше, разговаривая с Ермоловым, тем самым будущим покорителем Кавказа, с которым он дружил, он сказал так: «Если бы мне кто-нибудь три года назад сказал, что судьба выберет меня, чтобы разбить Наполеона, я бы плюнул ему в лицо.» Наполеон для тогдашних людей был просто богом войны. Без преувеличений.

И вот думаем теперь над загадками. Зачем дано сражение? Это более или менее понятно. Это понятно, потому что нельзя было сдать Москву без сражения. Ни с точки зрения общества, ни с точки зрения самой армии. Вот и все. Но главное – несмотря ни на что, сохранить армию. Значит, поэтому совершенно оборонительная диспозиция, никаких приказов о наступлении, никакой мысли о наступлении. Только для этого.

Тогда зачем Шевардинский редут? А вот тут я полагаю, что это была приманка для Наполеона. Ведь потом именно в Шевардинском редуте Наполеон поставил свой главный командный пункт, и именно там, на южном фланге, были главные атаки Наполеона. То есть показать ему это место, чтобы он его посмотрел и решил, что лучше атаковать оттуда. Я полагаю, что это была именно приманка для Наполеона, которая работала.

Общее построение. Почему Барклай-де-Толли в такое место, а Багратиона в такое? Почему Багратион был, так растянут и брошен в самое пекло, а Барклай?.. Опять-таки, мы все помним, что Барклай был человеком осторожным, хладнокровным и т. д. и т. п. В то время как Багратион – огонь. Кавказский человек. В драку. Но тут я должен сказать, что у хороших командиров их настроение распространяется на всю армию. Французы... Кто такие были французы? Ведь в тогдашней французской армии французов было меньшинство. Там были испанцы, поляки, итальянцы, немцы – кто хотите. Кто из них хотел воевать? Ну, разве что поляки, у которых были, так сказать, личные счеты с

Россией. Ведь даже маршалы французские не хотели идти на эту войну. Но когда у армии есть хороший командующий, армия становится единым организмом, организмом Наполеона. Точно так же и 1-ая Западная армия была единым организмом – организмом Барклая-де-Толли. А 2-ая Западная армия – организмом Багратиона.

Я, кстати, как солдат это почувствовал, потому что я в свое время в Израиле служил полтора года под Мордехаем Гуром, а потом полтора года под Рафаэлем Эйтаном. Господа хорошие, месяца не прошло – мы все почувствовали, что сменился начальник генштаба. Месяца не прошло, как всем стало ясно, что все, новые порядки. Это очень хорошо чувствуется у хорошего командующего. У плохого тоже, так как все идет враздрай.

И Барклай-де-Толли, и Багратион были хорошими командующими. Значит, вся армия Барклая – армия осторожных, а армия Багратиона – армия отчаянных. Ну, раз вы такие отчаянные – деритесь, а осторожные – ждите, пока станет надо. Это не значит, что там все было тихо-спокойно. Под Барклаем было убито и ранено 5 лошадей. Из 12 адъютантов Барклая 8 выбыли убитыми и ранеными, 9-й контуженный остался в строю, это был тот самый Вольцоген, которого в конце дня облаял ни за что, ни про что Кутузов. Ну, можно понять и Кутузова, в конце такого дня у него сорвались нервы. Но зачем Лев Толстой потом сделал из этого случая одну из своих, довольно мерзких, сцен с национальным душком¹, в которой, во-первых, оболгал Вольцогена, а во-вторых, в очередной раз проехался по «немцам»? Так или иначе, тут как раз замысел Кутузова ясен. Почему он отказался переместить армии? Нет уж, Барклай, сиди. Барклай – ты мой резерв. Главный. Тебя я хочу сохранить. Ну а эти драчуны пусть дерутся, что делать. Действительно, примерно половина армии Багратиона выбыла из строя убитыми и ранеными после этого боя. Так что это тоже понятно. Получается понятно.

Рейд Уварова. Самая интересная вещь. Почему? Чем плохи Уваров и Платов? Нам повезло, у нас есть свидетель – тот же Клаузевиц, участник рейда Уварова. Вообще,

¹ Л. Н. Толстой, «Война и мир», том 3, часть вторая, глава XXXV.

интересный факт: все эти немецкие офицеры, не знавшие русского языка, они, тем не менее, участвовали в боях, и не только как адъютанты или штабные. Клаузевиц вел эскадрон. Как он мог вести эскадрон, не зная русского языка? Очень просто. Он получал команды от других офицеров по-французски, который он знал, конечно. А эскадрону он просто сигнализировал: «за мной туда, за мной сюда». И что же мы читаем у Клаузевица? Потрясающая история. Во-первых, рейд не был запланирован. Просто утром казаки Платова, совершая разведку в заболоченном устье Колочи, нашли брод. И еще брод через какую-то речку дальше. Нашли возможность пройти. И, видимо, хороший брод, ведь они прошли не только отрядом, они еще с собой 12 пушек взяли полевых.

Хорошо, Платов сообщил об этом своему начальнику Уварову. Уваров послал донесение Кутузову, что вот так и так, можно совершить диверсию. Полковник Толь – один из главных штабных офицеров Кутузова – доложил. Кутузов сказал, вот точно, как Толстой пишет: «Ну, хорошо, сделайте так». Дело в том, что Толь разработал достаточно серьезную операцию. Не просто зайти и обойти с севера французов, а через их тыл ударить по тем батареям, которые Наполеон поставил в селе Бородино и которые били по русским позициям. Очень были серьезные батареи. В самом начале боя егерский полк, который стоял в Бородино, был выбит оттуда, французы заняли деревню, поставили там мощные батареи и в течение всего боя били по русским и доставляли большой ущерб.

То есть вот что было задачей для Уварова. Но отряд был маленький – всего 5000 человек. Тем не менее, 5000 человек при 12 орудиях переправились и вышли в тыл врагу. А дальше Уваров начал себя вести, как будто он не знает, что делать. У Клаузевица это описывается очень четко. Клаузевиц пишет: «именно потому, что я не понимал русского, я не знал, о чем говорят, я, зато, видел, что происходит.»

Уваров решил атаковать итальянское каре. Итальянцы выдержали 3 атаки. Ему все говорили: «Ну, обстреляй их, наконец». Дали выстрел из пушки – итальянцы разбежались. Но главное – Уваров действительно вышел в тыл. В тыл французам. И добрых 2 часа они там так передвигались

то туда, то сюда. То есть Уваров не знал, что делать. И до Бородина, до его батарей, так и не дошел. Несколько раз к Уварову туда присылались адъютанты и от Кутузова, и от Беннигсена, и от Баркляя-де-Толли. Что, мол, действуй. А он сомневался. Клаузевиц писал, что для такого рейда командир должен был быть молодой сорвиголова, из тех, что лезут, так сказать, без оглядки. А Уваров уже был не очень молодой¹. Хотя тоже, вроде, грудь в крестах, вояка. Так или иначе... Причем казаки Платова навели шухер просто казачьим методом ведения войны: небольшими группами налетать туда-сюда.

Дважды Наполеон покидал свое место командования на Шевардинском редуте. Один раз, чтобы посмотреть, отбитые, наконец, флешы Багратионовы. И другой – чтобы посмотреть, что там делается, что за кавалерия у него на севере появилась. То есть, это было действительно очень важно. Действительно, эти 2 часа, которые он там провел...

Но Кутузов-то надеялся, раз уж возникла такая идея, что он сможет хотя бы заклепать пушки, которые были в Бородине. Это бы очень помогло. На Уварова он оказался очень даже обижен.

В конце боя, когда уже все отгремело, сначала Кутузов думал занять снова позиции, потом решил, что с такими потерями лучше не надо и начал отступать. Кстати, вот опять-таки по поводу пополнений. Письмо Кутузова Александру: «Я жду обещанных Вами пополнений». Ответ Александра: «Ну не могу же я прислать необученных рекрутов». То есть рекруты уже были мобилизованы, но их еще надо было обучить. Это вам не Сталин. Необученных рекрутов не присылали².

Итак, подводя итоги, мы видим, что, действительно, многие вещи здесь можно понять только через какие-то психологические размышления. Вообще, мой вывод из всего

¹ Ему было тогда 43 года.

² И, между прочим, такой факт: недалеко от Смоленска был случай, когда дивизия Неверовского, которая наполовину состояла из только что прибывших новобранцев, попала, что называется, в мешок, должна была пробиваться с тяжелым боем. Но новобранцы-то были обученные новобранцы. И дивизия смогла пробиться. Потому что были они хоть и необстрелянные, но обученные.

этого, что Кутузов, конечно, перехитрил всех. Он перехитрил Наполеона, и вместо генерального сражения с целью победы дал оборонительное сражение и вывел свою армию из-под удара. Он перехитрил собственную армию, пожертвовав армией Багратиона с целью спасти армию Барклая. И он лукавил даже с собственным императором, которому он, тем не менее, честно служил.

Следует отметить Барклая-де-Толли в этом сражении... Барклай, который посылал подкрепление Багратиону, хотя, строго говоря, не обязан был этого делать, но он сам видел, что происходит. Барклай, как я сказал, потерявший 5 лошадей и 8 адъютантов. Когда Багратион был смертельно ранен, это было около 11 часов, его уносили, он послал адъютанта к Барклаю с такими словами: «Скажите генералу Барклаю, что участь армии и ее спасение зависят от него. До сих пор все идет хорошо. Да сохранит его Бог.» Но о Барклае см. ниже.

И опять-таки, вопрос личности в армии. Русское контрнаступление остановилось, как только узнали о ранении Багратиона. Тут же. Что делать? Что же касается того, что был Кутузов так подслеповат, или что Кутузов даже засыпал на совещаниях. Вообще-то, Кутузову было 67 лет. По тем временам глубокий старик. В те времена, кроме шуток, если человек старше 40 лет умирал – это не считалось «безвременной кончиной». А тут 67 лет – глубокий старик. Но на совете в Филях знаменитом он был совсем даже не сонным.

Не очень-то знаменитый, но на самом деле очень важный бой при Малоярославце – вот что было на самом деле генеральным сражением той войны. Не Смоленск, не Бородино и не Березина. А бой при Малоярославце. И там Кутузов был совсем не сонным: и командовал, и двигался, и посылал части, 8 контратак. Вообще, я думаю, что «сонливость» Кутузова была просто ловким притворством.

Именно при Малоярославце одна армия смогла навязать свою волю другой. Кутузов заставил Наполеона отступить на Смоленскую дорогу, – на которой французская армия нашла свою гибель.

* * *

Теперь я хочу, с вашего позволения, добавить немножко о «Войне и мире». Перед нами опять большая проблема. Проблема заключается в следующем: существует общепринятая практика – печатать художественные произведения согласно последнему прижизненному изданию автора. При жизни автора последнее издание берется, печатается по нему, разве что с какими-то небольшими поправками. В случае с «Войной и миром» случилась невероятная вещь.

Итак, первое издание, отличающееся от того, что мы знаем, в основном, разметкой на тома и части. Второе издание – примерно то, что знаем мы. Третье издание – полная фантастика. Во-первых, почти все тексты иностранные переведены на русский язык самим автором. Во-вторых, все эти огромные философские куски, почти все, из текста изъяты и добавлены в конце как отдельный, что называется, корпус текстов – статьи по поводу романа «Война и мир». А в тексте их нет. То есть, перед нами именно роман. А когда мы берем четвертое издание – это почти точное возвращение ко второму.

Но есть, дамы и господа, нюанс... В данном случае уж точно дамы. Дело в том, что был период, когда Толстой отдал все свои произведения на управление своей жене. И это она подготовила четвертое издание. Не он, а она. Он к тому времени уже своими романами не занимался.

И вообще, стоит отметить, что Толстой, разумеется, как любой человек, менялся. Человек идейный, человек думающий меняется довольно сильно. Этот великий патриот народной войны в конце жизни написал несколько работ о государстве. Работы выглядят так, точно их написал Ноам Хомский современный (за вычетом христианства).

... я знаю про себя, что мне не нужно ни нападать на другие народы, убивая их, ни защищаться от них оружием в руках, и потому я не могу участвовать в войнах и приготовлениях к ним.

Л. Н. Толстой, «Единое на потребу», 1905 г.

Каждое правительство поддерживается вооруженными людьми, готовыми осуществлять силу его волю, сословием людей, воспитывающихся для того, чтобы убивать всех тех, кого велит убивать начальство. Люди эти

полиция и, главным образом, армия. Армия есть ничто иное, как собрание дисциплинированных убийц. Обучение ее есть обучение убийству, ее победы – убийства.

*Л. Н. Толстой, «Суеверие государства»,
1910 г.*

Это Толстой написал под конец жизни.

Я не говорю, что это нелогично, но это, мягко говоря, не совпадает с идеей «народной войны». Понимаете? Это уже что-то совсем другое. То есть, Толстой менял свое мировоззрение и менял довольно сильно, что и естественно, человек был серьезный.

Теперь что касается влияния или отсутствия влияния Льва Толстого. Я не шибко слежу за телевидением и за тем, что делается сейчас в России, но все-таки вижу через *YouTube* и тому подобные дела. Сейчас в России патриотическая тема используется, что называется, в хвост и в гриву. И, к сожалению, то, что написал великий Лев Толстой в своем великом романе, его резкая неприкрытая враждебность ко всему западноевропейскому (особенно немецкому), его идея о том, что дело не в личных амбициях Наполеона, а в воле масс, совокупной воле Европы идти на Москву, вообще все неправильное, что он написал, прямо говорю – неправильное, все это благополучно используется и так, и этак, и прочее. Кто хочет, залезьте на соответствующие сайты в интернете, вы там такое увидите, что... что лучше не видеть.

Так что, к счастью или к сожалению, Лев Толстой, несомненно, великий автор, но не будем забывать, что он тоже был автор в эволюции. Так? И так же, как была эволюция изданий «Войны и мира», так же была эволюция его мысли и тому подобное, вот цитаты из последних его работ. Ну что ж. Но, если взять отдельно этот роман – да, это великий роман. Но, простите, конечно, «Три мушкетера» не такой великий роман, но тоже великий. Однако нельзя изучать историю Франции по Александру Дюма¹.

* * *

¹ Когда-то для меня это было колоссальным разочарованием. Начитавшись Дюма и обратившись к обычным учебникам...

Теперь поговорим о московском пожаре.

Градоначальник граф Ростопчин в течение своей жизни несколько раз менял свое мнение о пожаре – то гордился, то, наоборот, отрекался. Кстати, стоит отдать ему должное, он сжег не только Москву, он сжег и собственное имение. Человек был честный.

Можно было сдать Москву, как Вену, как австрийцы в 1809 г. Сдали Вену целехонькую, с жителями, с императорским дворцом. Наполеон прибыл, его в императорском дворце придворные встречают, «проходите, пожалуйста» – все как полагается. В итоге Вена осталась цела, разумеется, хотя сама война продолжалась.

Следует заметить, что от решения оставить Москву на совете в Филях до входа французского авангарда прошло меньше суток. Как же развивались события? Как прошла эвакуация?

Вывезли за-ранее.	Половина жителей выехала в течение августа. Все госучреждения и государственная казна были вывезены в течение 2-х недель до Бородина.
Вывезли в последний день.	Все 32 пожарные станции, все пожарные трубы (по 3 на станцию, всего 96), 2100 пожарных и офицеров! Все городские власти и службы. Почти все оставшиеся жители бежали в последний день. Некоторые позднее заявляли, что сами подожгли свои дома!
Не успели вывезти.	Пороховой склад – взорвали. Уголовных преступников – выпустили! Сумасшедших – выпустили!
Забыли!	Арсенал – 80 000 ружей достались Наполеону! Воспитательный дом – удалось отстоять от пожара при помощи французских солдат. От 10 000 до 15 000 раненых – не менее 8000 погибли в пожаре!

Важный момент: эвакуация Москвы началась задолго до совета в Филях, возможность оставления Москвы

обсуждалась заранее, потому что все учреждения государственные, включая государственную казну и т. д., были вывезены в течение двух недель до Бородина, вывезены из Москвы. То есть, государственная эвакуация происходила заранее. Так что брали в расчет возможность сдачи Москвы.

Как известно, Ростопчин успел вывезти в последний день... Меньше дня у него был на все про все. Он успел вывезти все оборудование тогдашних пожарных команд, 32 станции пожарных. Пожарные трубы были по 3 на станцию, все 96 были вывезены. И все 2100 пожарных с офицерами. Порох вывезти не успели, пороховой склад взорвали. Арсенал в 80 000 ружей достался Наполеону. Уголовных преступников выпустили из тюрьмы. И сумасшедших выпустили. Самое смешное, что сумасшедших спокойно можно было оставить. Например, Воспитательный дом остался. Он не сгорел, потому что сам персонал его защищал, и французские солдаты помогли. И именно одного из чиновников этого приюта Наполеон попросил поехать к Александру, отдать ему письмо и т. п. Если бы психбольница осталась со всем своим персоналом, ничего бы страшного не произошло. Но Ростопчин приказал их выпустить. Очевидно, чтобы Наполеону было приятнее находиться в Москве.

Ростопчин оставил город без пожарной службы, без полиции (точнее, с поджигателями из полицейских), без каких бы то ни было городских служб и властей, с уголовниками и с сумасшедшими на воле. Ростопчин успел взорвать пороховой склад. Ростопчин забыл про арсенал с ружьями, про Воспитательный дом...

И про раненых.

Дело в том, что тогда была общепринятая практика: раненых, которых невозможно вывезти, оставлять противнику. Вот когда Андрея Болконского на поле Аустерлица подобрали французы и отдали на попечение местным жителям, это было в порядке вещей.

Оставление Москвы после совета в Филях произошло очень быстро. Меньше суток. В результате, много раненых, от 10 000 до 15 000, точно неизвестно, остались в городе. Думаю, что ни Кутузов, ни Ростопчин просто не обратили на это внимания. У них было дел по горло. Результат –

не менее 8000 сгорели. Сгорели!

Да, вывезли кого-то. Но от 10 000 до 15 000 остались в городе, точное число никто не знает, разные историки пишут по-разному¹. И они просто-напросто заживо сгорели.

Вообще, с этим пожаром было так. Еще только французы входили в город, уже начались пожары в нескольких местах. Французы их потушили. На следующую ночь пожары разгорелись опять и гораздо больше. Причем повезло поджигателям – задул очень сильный ветер, который все это дело раздул. А город был почти сплошь деревянный.

. Кроме того, есть еще очень важный момент. Русские действовали методом «выжженной земли» от Смоленска и дальше. Что было бы, если бы Москва не сгорела? Наполеон остался бы в ней на зимние квартиры, да еще с московскими припасами. И война затянулась бы незнамо куда. А так Наполеон не из-за наступления холодов вышел из Москвы. Он просто знал природу. Он вышел из Москвы заранее, чтобы успеть до холодов дойти до Смоленска и Минска, где, как он полагал, можно будет остановиться. Или даже до Киева, судя по направлению, он мог пойти и в сторону Киева. То есть, дойти до районов, где можно было устроиться на зимние квартиры. Ибо в Москве он зимовать не мог.

Тут у меня доказательств нет, хотя сохранилась переписка между Ростопчиным и Кутузовым, довольно обширная переписка. Они много переписывались, служебные записки. Но нет ни одной записки, где Кутузов бы писал Ростопчину: «Сожгите Москву.» А он имел право ему приказывать. Согласно тогдашним законам главнокомандующий армией, не корпусом или дивизией, а армией, имел право приказывать всем гражданским чиновникам, которые находились в полосе его движения, вплоть до того, что имел право снимать их с должностей. То есть Ростопчин просто был обязан выполнить все приказания Кутузова.

Может быть, может быть, я говорю, Кутузов дал изустное разрешение Ростопчину сжечь Москву, а потом Кутузов умер. Он умер в апреле 1813 г. И уже никто не мог

¹ Российская историография просто обязана разобраться в этом вопросе!

подтвердить, что такое разрешение было изустно отдано. А раненые-то сгорели. А город-то сгорел. И прочее, и прочее. И еще была проблема, из-за чего Ростопчин начал отнекиваться: когда жители начали возвращаться, и, видимо, тогда тоже знали о поджигателях, то начали подавать прошения государству. Дескать, если государство сожгло мой дом, то мне положена компенсация. Так? Ну, естественно, Ростопчин должен был изменить тогда свое мнение на сей счет.

Стоит отметить, что эта война стоила России 2 годовых бюджета. Годовых бюджета. И Москву отстраивали потом более 20 лет.

* * *

Невозможно писать обо всех этих событиях и обойти молчанием судьбу Михаила Богдановича Баркляя-де-Толли. Но сначала несколько слов о его главных антагонистах.

Князь Петр Иванович Багратион (1765–1812). Родился в еще независимой Грузии, детство и отрочество провел в Кизляре. Его дед и отец служили в русской армии, причем его отец не знал русского языка¹! В письмах императору утверждал, что «генералы-иностранцы» погубят Россию и прямо называл Баркляя-де-Толли изменником²! Его младший брат и племянник тоже служили в русской армии.

Граф Леонтий Леонтьевич Беннигсен (1745–1826). Родился и умер в Ганновере. Служил с перерывами в русской армии с 1773 г. по 1818 г. Один из вождей заговора и непосредственный соучастник убийства Павла I. Не знал русского языка, но на знаменитом военном совете в Филях выступил решительно против оставления «древней столицы»! Один из его сыновей тоже служил в русской армии.

Великий князь Константин Павлович (1779–1831). Екатерина II дала внуку это имя в перспективе восстановления византийского престола в Константинополе! Был

¹ В тогдашнем Кизляре в этом не было надобности: большинство населения составляли армяне и грузины.

² Вообще-то Верховный главнокомандующий должен был вызывать кляузника «на ковер» и отчитать, как мальчишку! Такое поведение порицаемо и в мирное время, а уж во время войны в действующей армии!

лидером «русской» генеральской оппозиции «немцу» Барклаю в 1812 г., за что был выслан из действующей армии. Отказался от российского престола, женился на польской графине, стал наместником Царства Польского, мечтал о польском престоле вассальном России¹...

А теперь поговорим о Барклае.

Князь Михаил Богданович Барклай-де-Толли (1761–1818). Родился в российской Прибалтике, с 4-х лет воспитывался в семье родственников в Санкт-Петербурге. Его отец тоже служил в русской армии и выслужил себе и потомкам российское дворянство, его старший и младший² братья, сын и племянник тоже служили. Про такие семьи говорили: «Есть такая профессия – родину защищать.»³

В 1807 г. генерал-майор Барклай-де-Толли впервые встретился с Александром I. Император беседовал с ним на профессиональные военные темы. Именно тогда, среди прочего, Барклай предложил использовать тактику «выжженной земли».

Как я уже замечал, Александр I очень хорошо разбирался в людях. Так что нет ничего удивительного, что он разглядел великого полководца. Барклай был произведен в генерал-лейтенанты и награжден. В 1808 г. он очень удачно

¹ Терпеть не могу подобную арифметику, но Великий князь сам напрашивается. Итак: русский Петр I и неизвестного происхождения из шведской Прибалтики Екатерина I; их дочь Анна Петровна и Карл-Фридрих Гольштейн-Готторпский; их сын Петр III (Гольштейн-Готторпский) и Екатерина II (Ангальт-Цербстская); их сын Павел I и Мария Федоровна (Вюртембергская)... Крещеный для византийского престола, отказавшийся от российского престола и мечтавший о польском престоле лидер «русской» партии был русским на 1/16 и немцем на 7/8!

² Погиб в 1805 г.

³ *Нынче поутру зашел ко мне доктор; его имя Вернер, но он русский. Что тут удивительного? Я знал одного Иванова, который был немец.*

М. Ю. Лермонтов, «Герой нашего времени»

Прототипом доктора Вернера послужил пятигорский друг Лермонтова доктор... Барклай-де-Толли! (Степень родства не установлена.)

воевал в Финляндии¹, в 1809 г. был произведен в генералы от инфантерии², затем был назначен главнокомандующим Финляндской армии и генерал-губернатором Финляндии. На этом посту показал себя опять-таки с наилучшей стороны и в 1810 г. был назначен военным министром и введен в Сенат.

Под руководством нового военного министра и министерство, и армия прошли глубокую реорганизацию и прекрасно подготовились к войне 1812 г.

Да еще же губит русскую армию это старшинство! верховный неоспоримый счет службы, механического течения возраста и возвышения по чинам. Только бы ты ни в чем не провинился неприлично, только бы не рассердил начальство, – и сам ход времени принесет тебе к сроку желанный следующий чин, а с чином и должность. Исключительные надо заслуги, как у генерала Лечицкого, или уж близость ко двору, чтоб обойти старшинство. И так уже все приняли эту разумность старшинства, наряду с постепенным ходом небесных светил, что полковник о полковнике, генерал о генерале первое спешат узнать – не в каких он был боях, а с какого года, месяца и числа у него старшинство, стало быть, в какой он фазе перехода в очередной чин.

А. И. Солженицын, «Август Четырнадцатого»

Когда-то на Руси возникла система «местничества». При назначениях учитывалась иерархия мест, на которых служили предки и братья кандидата. Усаживались за стол согласно местничеству!

В 1682 г. местничество было официально отменено. В 1722 г. Петр I учредил «Табель о рангах», в которой написал военные и гражданские чины, причем указал, что за исключением членов императорской фамилии никому не положено каких бы то ни было почестей «сверх чина»³.

Но идея не умерла. С 1767 г. начали регулярно издаваться официальные (!) «Списки генералам по

¹ Несмотря на сильное противодействие местных партизан.

² В одном списке с Багратионом.

³ «Табель о рангах» с изменениями действовала по 1917 г.

старшинству». Позднее сия сомнительная честь была оказана полковникам, затем подполковникам, майорам, капитанам...

Когда в 1809 г. генерал-лейтенант Барклай-де-Толли был произведен в генералы от инфантерии, 46 из 60 других генерал-лейтенантов посчитали себя обойденными «по старшинству»! Генерал от инфантерии Багратион считался «старше» генерала от инфантерии Баркляя-де-Толли, поскольку генерал-лейтенанта он получил на 2 года раньше. Генерал от кавалерии (с 1802 г.) Беннигсен был «старше» их обоих. Генерал от инфантерии (с 1798 г.) Кутузов был «старше» всех.

Среди генералов Баркляя стали считать выскочкой.

Интересно, понимал ли это Александр I? Думаю, что понимал прекрасно. Ему, наверное, очень хотелось иметь собственного генерала Бонапарта – но без политических амбиций!

В 1812 г. Барклай-де-Толли был назначен главнокомандующим 1-й Западной армии. При этом император сам был при действующей армии – император, который по закону был Верховным главнокомандующим. Но позднее он уехал из действующей армии – не назначив главнокомандующего вместо себя¹! При этом даже по уставу Багратион был «старше» Баркляя, а Беннигсен был «старше» Багратиона, но Барклай был выше их обоих по должности – военный министр, которому император дал право приказывать от своего имени.

В конце концов, император назначил главнокомандующим Кутузова, но не удосужился сообщить об этом в

¹ Зато поручив Ермолову писать ему «с полной откровенностью». Позднее он показал эти письма Кутузову, тот рассказал Баркляю... Следует отдать должное Ермолову: несмотря на присущую ему резкость суждений он старался никого не очернить.

действующую армию – Кутузов сделал это сам¹.

И продолжил стратегию Барклая.

В 1818 г. после смерти генерал-фельдмаршала князя Барклая-де-Толли (генерал-фельдмаршал Светлейший князь Голенищев-Кутузов умер еще в 1813 г.) Александр I повелел поставить обоим равноценные памятники перед Казанским собором в Санкт-Петербурге. Что и было исполнено в 1837 г. с воинскими почестями.

В 1835 г. А. С. Пушкин написал своего знаменитого «Полководца»:

*О вождь несчастливый! суров был жребий твой:
Все в жертву ты принес земле тебе чужой.
Непроницаемый для взгляда черни дикой,
В молчанье шел один ты с мыслию великой,
И, в имени твоём звук чуждый невзлюбя,
Своими криками преследуя тебя,
Народ, таинственно спасаемый тобою,
Ругался над твоей священной сединою.
И тот, чей острый ум тебя и постигал,*

¹ Получается, что Александр I сознательно поддерживал гадошник в собственном генералитете! Но попробуем понять Александра.

Вот список российских властителей пришедших к власти с помощью военной силы: царевна Софья (1682 г.); Петр I (1689 г.); Екатерина I (1725 г.); Анна Иоанновна (1730 г.); Елизавета Петровна (1741 г.); Екатерина II (1762 г.); сам Александр I (1801 г.). Только Петр II (рано умер), Иван VI (свергнут, впоследствии убит), Петр III (дед Александра, свергнут и убит) и Павел I (отец Александра, убит) унаследовали власть нормальным порядком.

Во Франции генерал Бонапарт стал императором Наполеоном!

Добавим, что в заговоре против Павла I были будущих генералы 1812 г.: барон Л. Л. Беннигсен (один из вождей заговора и непосредственный соучастник убийства), П. В. Голенищев-Кутузов (не путать с главнокомандующим), Н. И. Депреядович, Ф. П. Уваров, П. А. Тучков 4-й, князь В. М. Яшвилль (непосредственный соучастник убийства), Н. М. Бороздин (непосредственный соучастник убийства); будущие полковники 1812 г.: К. М. Полторацкий, С. Н. Марин, И. С. Леонтьев.

*В угоду им тебя лукаво порицал...
И долго, укреплен могущим убежденьем,
Ты был неколебим пред общим заблужденьем;
И на полупути был должен наконец
Безмолвно уступить и лавровый венец,
И власть, и замысел, обдуманый глубоко, —
И в полковых рядах сокрыться одиноко.*

Но и он поминал «землю чужую» для него! И вынужден был в печати заявить, что он не имел в виду умалить славу Кутузова!

Однако самый мощный гвоздь в гроб репутации Баркляя-де-Толли забил великий писатель в великом романе. Как я уже отмечал, там полным-полно антинемецких выпадов¹. Но вот после сдачи Смоленска положительный герой Андрей Болконский говорит положительному герою Пьеру Безухову (а тот внимательно слушает):

Он не думал об измене, он старался все сделать как можно лучше, он все обдумал; но от этого-то он и не годится. Он не годится теперь именно потому, что он все обдумывает очень основательно и аккуратно, как и следует всякому немцу. Как бы тебе сказать... Ну, у отца твоего немец-лакей, и он прекрасный лакей и удовлетворит всем его нуждам лучше тебя, и пускай он служит; но ежели отец при смерти болен, ты прогонишь лакея и своими непривычными, неловкими руками станешь ходить за отцом и лучше успокоишь его, чем искусный, но чужой человек. Так и сделали с Баркляем. Пока Россия была здорова, ей мог служить чужой, и был прекрасный министр, но как только она в опасности; нужен свой, родной человек. А у вас в клубе выдумали, что он изменник! Тем, что его оклеветали изменником, сделают только то, что потом, устыдившись своего ложного нареkania, из изменников сделают вдруг героем или гением, что еще будет несправедливее. Он честный и очень аккуратный немец.

Л. Н. Толстой, «Война и мир», том 3, часть

¹ Вообще следует отметить, что до массового появления евреев на российской исторической сцене в конце XIX – начале XX вв. их роль с успехом выполняли немцы.

вторая, глава XXV

Да, Толстой не простил немцу Барклаю сдачу Смоленска (русскому Кутузову он простил сдачу Москвы)! Да, Толстой от души постарался, чтобы Барклая не сделали вдруг «героем или гением»! Даже честный Тарле¹ не смог этого сделать. И миллионы читали, читают и продолжают читать это расистское сравнение согражданина с лакеем, не замечая его мерзости! И верят прочитанному.

– *I have a dream*²... – сказал Мартин Лютер Кинг в 1963 г. – *I have a dream*...

У меня тоже есть мечта. Увидеть памятник у Казанского собора, заваленный цветами и окруженный коленопреклоненными русскими людьми.

... для того чтобы встать с колен, нужно иметь мужество сначала стать на колени.

И. Л. Леш, «Семейный портрет в интерьере XX века»

*Хайфа, Сиван–Таммуз–Ав 5779 г.*³

Библиография

1. Афанасьев В. (редактор), «Подлинные документы о Бородинском сражении 26 августа 1812 г.»
2. Бескровный Л. Г., Мещеряков Г. П. (редакторы), «Бородино. Документы, письма, воспоминания»
3. Клаузевиц К., «1812 г.»
4. Клаузевиц К., «О войне»
5. Коленкур А., «Поход Наполеона в Россию»
6. Предтеченский А. В. и Бочкарева Е. И. (редакторы), «Отечественная война 1812 г. Сборник документов и материалов»
7. Разин Е. А., «История военного искусства»
8. Ростопчин Ф. В., «Правда о пожаре Москвы»

¹ Настолько честный, что даже уточнил, что Барклай-де-Толли был не немцем, а шотландцем.

Уточняю: он был потомком человека, покинувшего Шотландию в 1621 г.

² У меня есть мечта (англ.)

³ Июнь–июль–август 2019 г.

9. Сегюр Ф.-П. де, «Поход в Россию»
10. Тарле Е. В., «Бородино»
11. Тарле Е. В., «Михаил Илларионович Кутузов – полководец и дипломат»
12. Тарле Е. В., «Наполеон»
13. Тарле Е. В., «Нашествие Наполеона на Россию»
14. Толстой Л. Н., «Война и мир»
15. Толстой Л. Н., «Единое на потребу»
16. Толстой Л. Н., «Несколько слов по поводу книги ‘Война и мир’»
17. Толстой Л. Н., «Об отношении к государству»
18. Толстой Л. Н., «Суеверие государства»
19. Liddell Hart B. H., «Strategy: the Indirect Approach»¹

¹ Лидделл Гарт Б. Г., «Стратегия непрямых действий»

Об авторах, художниках и редакторах

Сергей Аврутин. Родился и вырос в Ленинграде. Окончил Политехнический институт по специальности техника высоких напряжений. В 1987 году эмигрировал в США и продолжил свое образование, но уже в другой области: психолингвистика. Получил степень бакалавра (с отличием) в университете Брэндайз и степень PhD в Массачусетском технологическом институте (факультет мозга и когнитивных наук.) Преподавал в Йельском университете, где был удостоен стипендии Fulbright правительства США. В 2000 году получил грант Нидерландской академии наук на проведение международного исследовательского проекта, в результате чего переехал в Нидерланды, где до 2021 года являлся заведующим кафедрой лингвистики Утрехтского университета. В настоящий момент занимает должность профессора сравнительной психолингвистики в том же университете. Живет в Бельгии.

Эйтан Адам. Родился в Ленинграде в семье литераторов-шестидесятников. С 15 лет живет в Израиле. Ветеран 1-ой ливанской войны, пехотный санинструктор, в рядах бригады «Голани» дошел до Бейрута. Математик и программист, учился в Технионе и в университете имени Бен-Гуриона, около 30 лет проработал в израильском хай-теке. Изучал биоинформатику в Колледже менеджмента. Изучал герменевтику и культурологию в магистратуре университета имени Бар-Илана. Ученик Центра изучения Каббалы.

Регулярно читает лекции по истории и литературе в Доме ученых Хайфы и в Клубе книголюбов. Пишет стихи, прозу, статьи, книги. Призер Международного конкурса драматургии «Весь мир – театр. Новое слово для сцены» (2021), пьеса «Неброское наследство».

Анатолий Анимица. Родился в 1947 году в греческом селе Кременевка возле Мариуполя (Донецкая область, Украина). В 1970 году закончил МИИТ (Москва). Инженер по вычислительной технике. Программист, электроник, экономист, изобретатель, яхтсмен. Живет в Мариуполе.

Надежда Бесфамильная. Родилась и окончила среднюю школу в Курской области, высшее образование получила на факультете романо-германской филологии

Воронежского государственного университета. Переводчик. С 1977 г. живет в Москве, а в последние два года большей частью на малой родине. Четыре сборника стихов. Книга стихов для детей.

Лауреат литературной премии «Наследие» в номинации поэзия за 2019 г., победитель проекта «Турнир поэтов», 2019 г., финалист и лауреат различных международных поэтических конкурсов. Соорганизатор литературно-музыкального салона «Шапировские вечера» в Московском доме архитектора.

Борис Годин. Родился в Харькове в 1950 году. Окончил харьковскую физико-математическую школу №27, вечернее отделение ХПИ, машиностроительный факультет. Профессия: инженер-механик. Совершил Алию в Израиль 26.03.1993. В Израиле работал по специальности. С 2016 г. доброволец в Яд ва-Шем.

Ирина Кант. Родилась в г. Харькове. На Западе с 1991 года, живет в г. Канзас Сити, штат Миссури. В Украине и в США была разработчиком программного обеспечения. Автор и соавтор нескольких поэтических сборников, включая перевод сборника поэзии начала 17 века «*Salve Deus Rex Iudæorum*» Эмилии Лэньер. Член Шекспировского Оксфордского Содружества (США). Опубликован 1-й том ее монографии «Эстафета Фениксов», посвященной вопросу авторства произведений Шекспира. Публикации в периодических изданиях России, Украины и США.

Михаил Левин. Поэт, художник. Родом из Москвы. В Израиле с 1993 года. Публикации в периодических изданиях Израиля и России. Автор книг стихов «Камень преткновенения» (1999) и «Голоса» (2017). Член АРΙΑ – Международного союза литераторов и журналистов.

Ирина Лир. Член Союза русскоязычных писателей Израиля. Автор художественных рассказов, мемуаров и соавтор четырехязычного словаря «Растения Израиля». Мастер нейролингвистического программирования. Хобби – художественная керамика. По основной специальности – химик-технолог в области биомедицинских полимерных материалов. Доктор технических наук. 56 научных публикаций и патентов. Репатрировалась из Москвы в апреле 1991 года. Выпускница Московского химико-технологического

института им. Д.И. Менделеева. В Москве работала в Институте медицинской техники, в Израиле – в Израильском технологическом институте Технион, в хай-теке и в химической промышленности. Живет в Хайфе.

Алекс Манфиш. Живет в Хайфе, приехал в Израиль из Ленинграда. По специальности – детский психолог, работает в городском отделе образования. Пишет стихи, прозу, эссе на культурологические и философские темы, исторические исследования. Переводит стихи с иврита и немножко с английского. Издал три книги стихов и поэм, роман-дилогию и две книжки для детей. Публикуется на портале «Заметки по еврейской истории» – в одноименном издании, а также в журналах «Семь искусств» и «Мастерская».

Стелла Подлубная. Родилась в Ташкенте в 1961 году, закончила ТашПИ по специальности «Литейное дело». Работала на различных ташкентских заводах. Училась в медучилище, которое не закончила по причине отъезда в Израиль в 1991 году. Живет в Нацрат-Илите. Печаталась в израильских альманахах и газетах.

Марина Симкина. Большую часть жизни прожила в Ленинграде/Петербурге и уже много лет – в Израиле, в Хайфе. Инженер, и учитель математики. Публикации в альманахах и периодических изданиях Израиля, России и других стран. Руководитель хайфской литературной студии «Анахну» (в переводе с иврита – «Мы»).

Выпустила единственную собственную книгу стихов. И – в качестве редактора – несколько альманахов и книг друзей.

Арсен Терованесов. 32 года. Родился и вырос в Донецке (Украина). Закончил Донецкий национальный университет по специальности «Правоведение». Затем поступил в аспирантуру. Защитил диссертацию и получил степень кандидата юридических наук. В Украине работал юрисконсультom и преподавателем в университете. С начала войны в Донбассе (2014 год) успел пожить в Донецке, Киеве, Краматорске, Харькове и других городах Украины. Теперь живет в Израиле. Со студенческих лет пишет короткие ироничные рассказы. Все истории из реальной жизни, увиденной или услышанной автором.

София Шегель. Родилась в Киеве. Окончила

Вильнюсский университет, историко-филологический факультет. Работала в белорусском книжном издательстве «Вышэйшая школа», литовском издательстве «Минтис» («Мысль»). В Израиле с 1989 г., работала в газете «Наша страна», затем «Новости недели». Публиковалась в литовской, белорусской, украинской, московской и израильской периодике. Занимается переводами с литовского и славянских языков на русский. Живет в Ашдоде.

Галерея (((СОНАР)))

Михаил Левин

Пляжные позы. Холст, масло. 100х90 см.

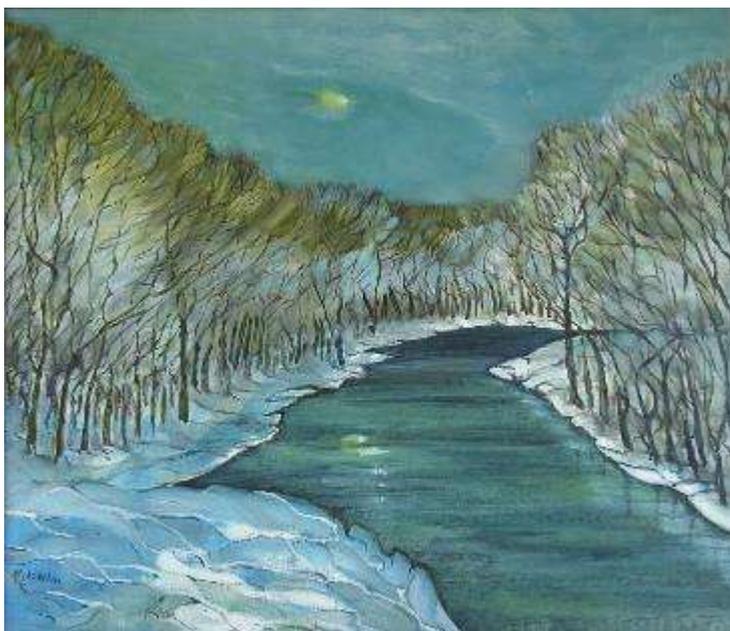
Восточные сны. Картон, масло. 50x110 см.

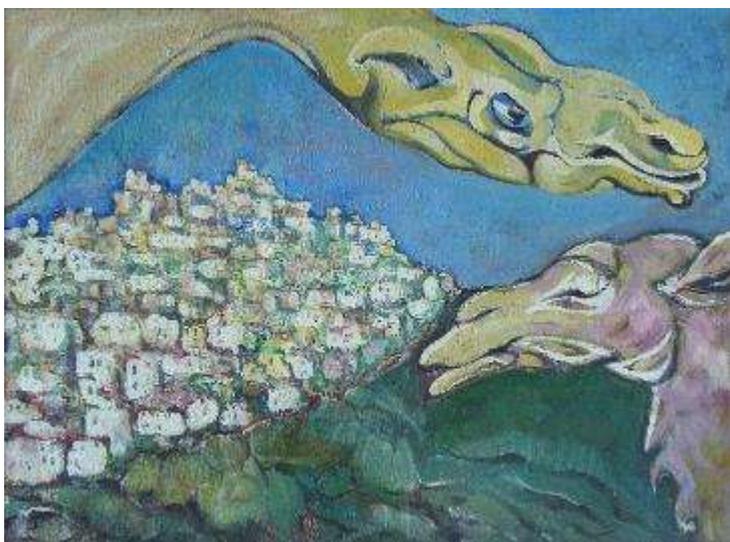
Звездный кот. Холст, масло. 50x80 см.

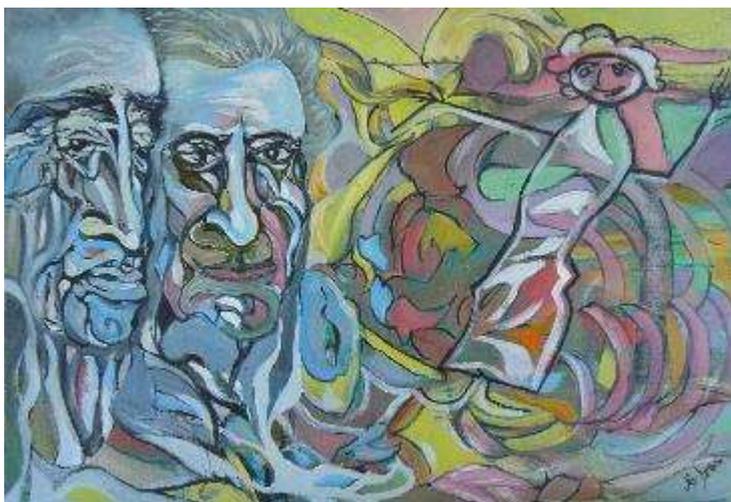
Еврейский квартал старого Иерусалима. Картон, масло.
40x50 см.

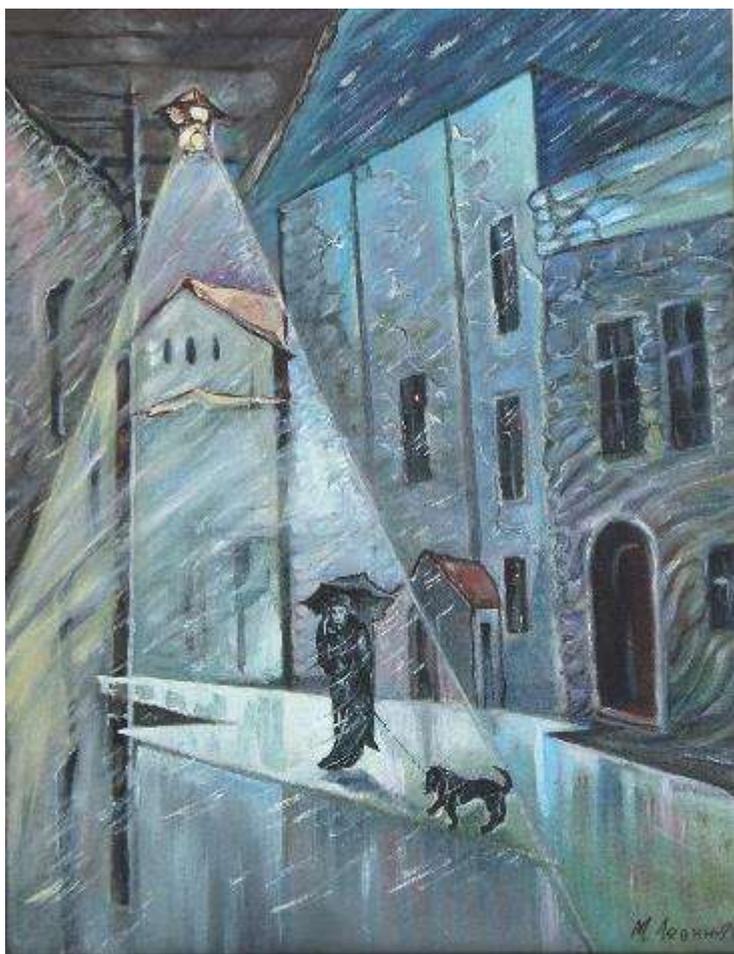
Оттепель. Холст, масло. 70x80 см.

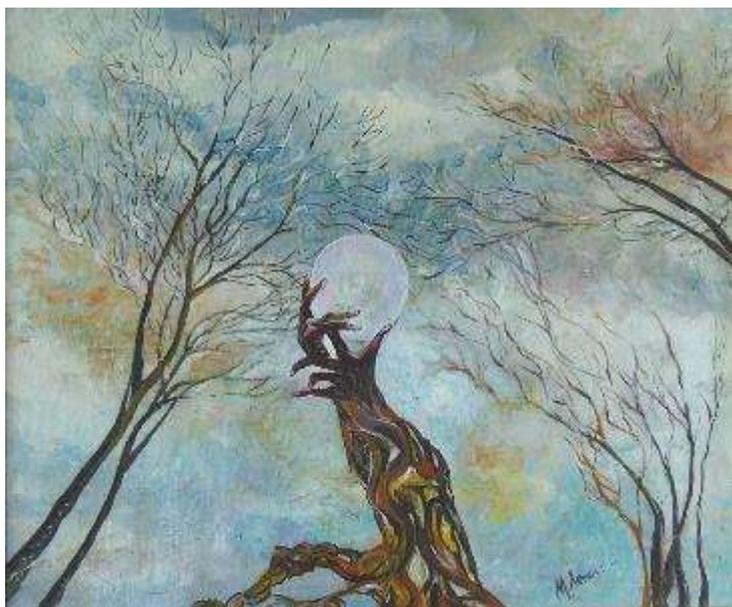
«Ромео и Джульета». Картон, масло; 52x68 см.

Воспоминание о детстве. Картон, масло. 47х70 см.

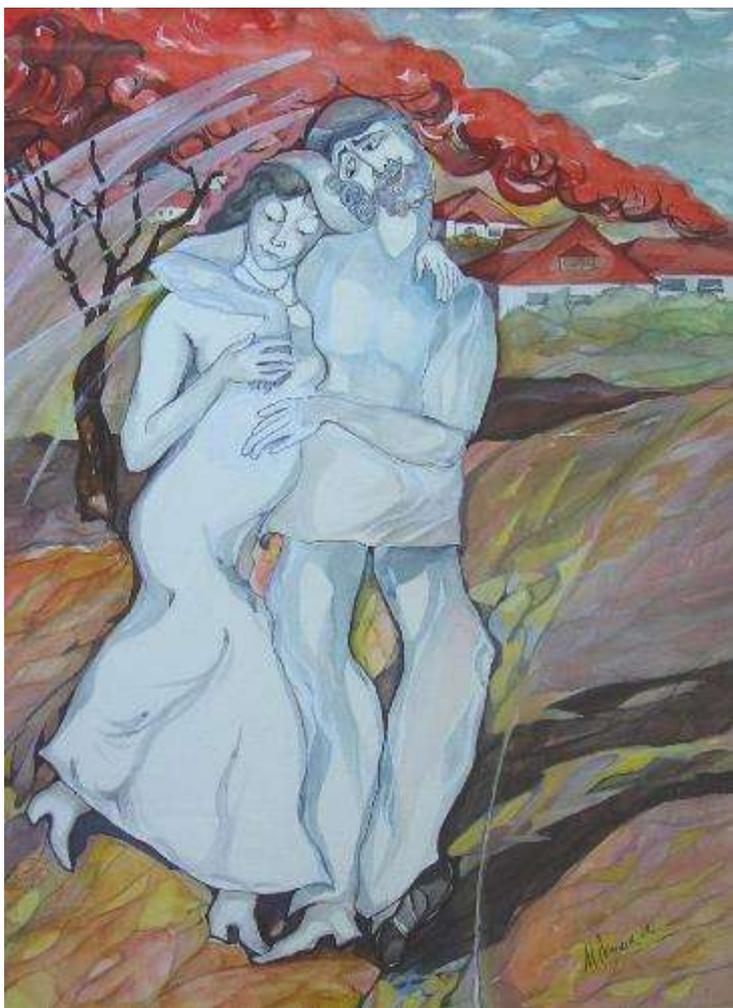
Ливень в Цфате. Картон, масло. 60x46 см.

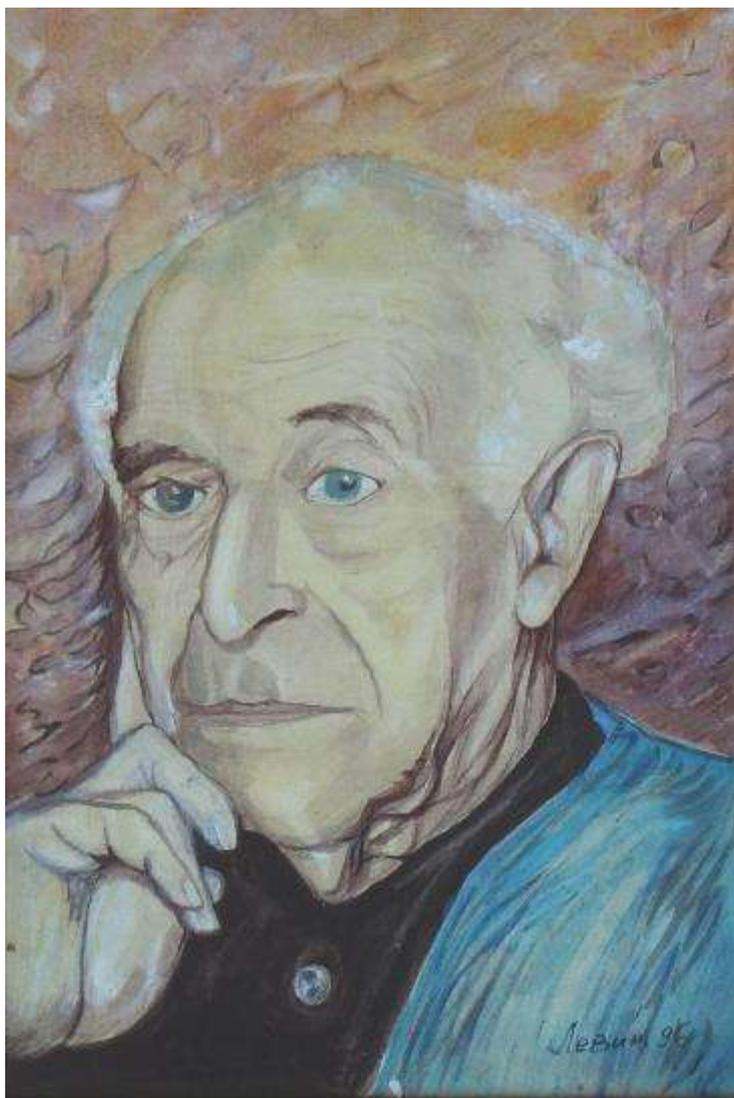
Из жизни деревьев. Холст, масло. 60х70 см.

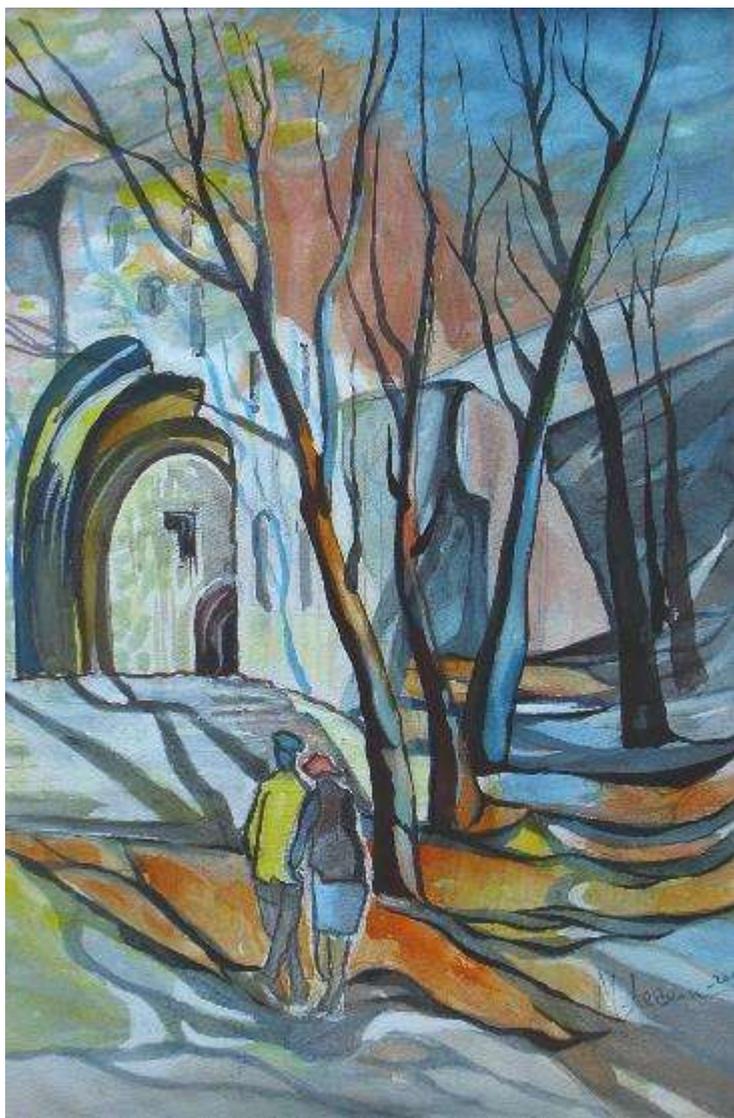
Ранняя весна. Холст, масло. 33х40 см.

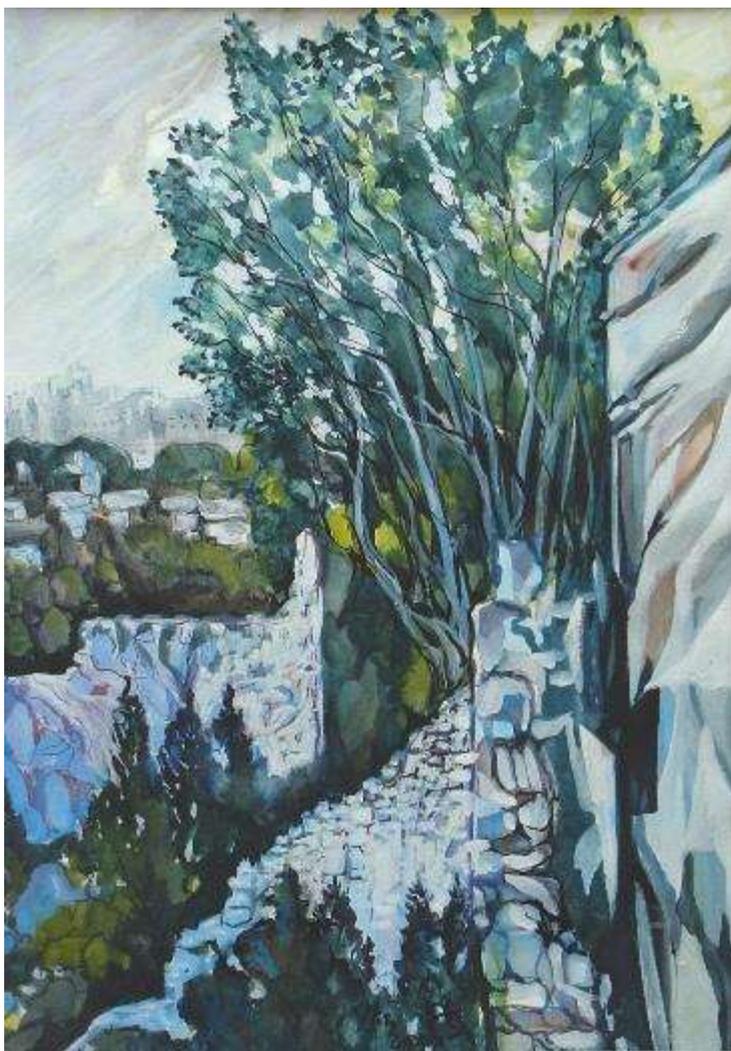
Плодитесь и размножайтесь. Акварель. 60x80 см.

Портрет М. Шагала. Акварель. 45x50 см.

Весенняя прогулка. Акварель. 55x40 см.

Старый Иерусалим. Акварель, гуашь. 54x40 см.

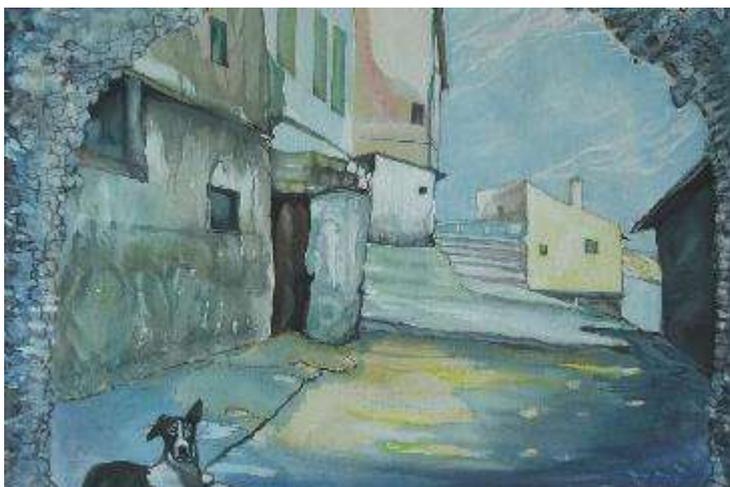
Укрощение зверя. Акварель, гуашь. 100x70 см.

Секрет. Акварель, гуашь. 60x55 см.

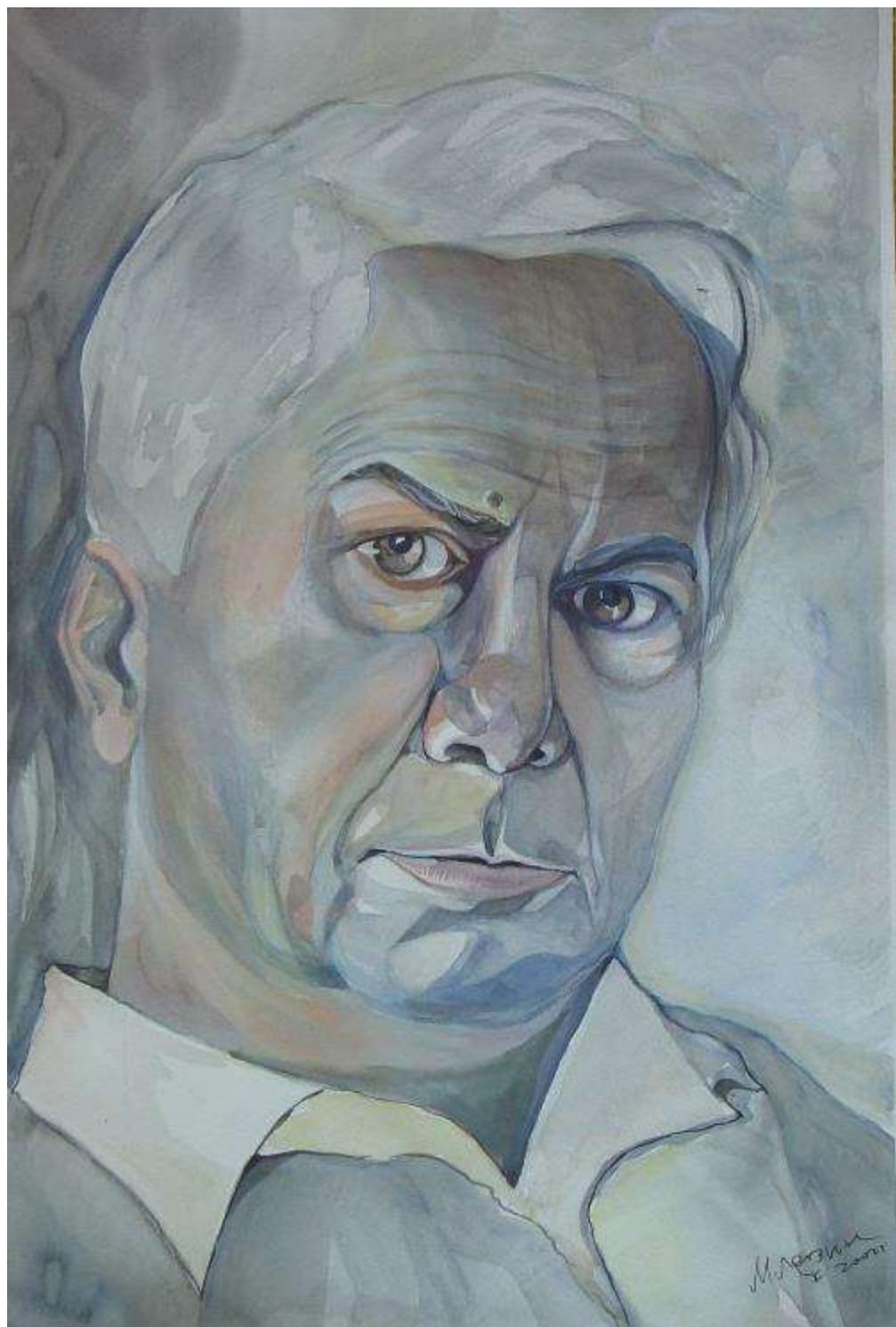
Цветы. Акварель. 70x55 см.

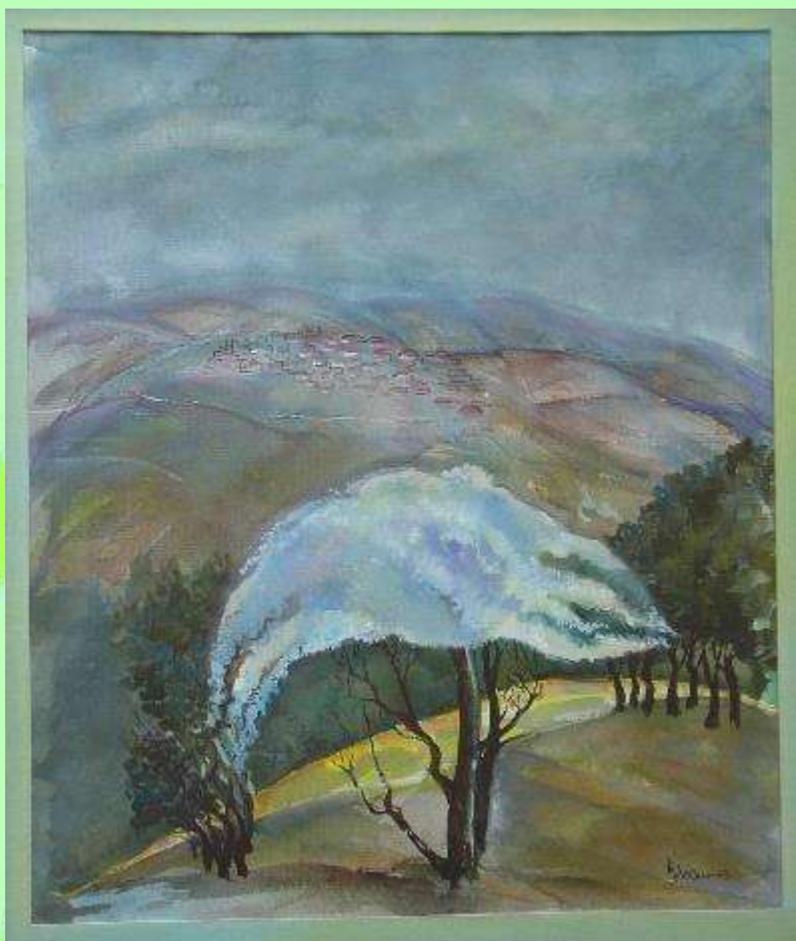

Хайфский дворик. Акварель. 42х60 см.

Мошав Гиволим. Акварель. 50х76 см.

Литературно-публицистический журнал

(((СОНАР))) № 5, 2022 г.

Редакция СОНАР, Хайфа, Израиль